

И. Г. Малков, А. В. Свидуневич, О. А. Бодяко

АРХИТЕКТУРА И СТРОИТЕЛЬСТВО ПРАВОСЛАВНЫХ МОНАСТЫРЕЙ: ИСТОРИЯ ЗАРОЖДЕНИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Гомель 2010

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ТРАНСПОРТА»

И. Г. Малков, А. В. Свидуневич, О. А. Бодяко

**АРХИТЕКТУРА И СТРОИТЕЛЬСТВО
ПРАВОСЛАВНЫХ МОНАСТЫРЕЙ:
ИСТОРИЯ ЗАРОЖДЕНИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Гомель 2010

Малков, И. Г. Архитектура и строительство православных монастырей : [монография] / И. Г. Малков, А. В. Свидуневич, О. А. Бодяко. – Гомель : БелГУТ, 2010 – 167 с. ISBN 978-985-468-635-6

Работа посвящена истории возникновения и формирования православных монастырей. Рассмотрены вопросы планировочной и архитектурной организации монастырских комплексов на протяжении длительного исторического периода. Детально проанализированы и выявлены тенденции и приемы архитектурного построения основных сооружений монастырей – храмов, трапезных, оград и др., показано, как выявленные тенденции используются при восстановлении и реконструкции монастырей в современных условиях.

Работа подготовлена по результатам изучения большого объема научных работ, знакомство с которыми поможет пытливому читателю существенно углубить свои знания и расширить кругозор не только по рассматриваемой теме, но и по истории славянской культуры.

Предназначена для архитекторов, проектировщиков, работников научно-исследовательских институтов, педагогов, аспирантов и студентов архитектурных и строительных вузов.

Ил.: 90. Библиогр.: 30 назв.

Рекомендована к изданию ученым советом
Учреждения образования
«Белорусский государственный университет транспорта»

Рецензенты: зав. кафедрой «Градостроительство» БНТУ д-р архит., профессор, лауреат Государственной премии Республики Беларусь *Г. А. Потаев*; зав. кафедрой «Теория и история архитектуры» БНТУ д-р архит., профессор *В. Ф. Морозов*.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
1 МОНАШЕСТВО И МОНАСТЫРИ	7
1.1 Зарождение монашества.....	9
1.2 Византийская империя.....	10
1.3 Поздневизантийский период.....	12
1.4 Христианизация славян в поздневизантийский период.....	13
1.5 Русь и монашество в период с X по первую половину XIV века.....	14
1.6 Монашество и внутреннее освоение земель во второй половине XIV по XVI вв.	16
1.7 Типы монастырей и монастырские уставы.....	18
1.8 Основные принципы скитского жития по древним источникам.....	19
1.9 Аскетические традиции в древневосточных церквах.....	20
2 НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРАВОСЛАВНЫХ МОНАСТЫРЕЙ И ИХ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ	29
2.1 Монастырские комплексы на территории современной Греции.....	29
2.2 Монастырские комплексы восточных славян и Древнерусского государства.....	31
2.3 Архитектура монастырских комплексов периода феодальной раздробленности Руси в XII–XIII вв.	32
2.4 Монастырские комплексы Московского государства конца XV–начала XVI вв.	38
3 МОНАСТЫРИ-КРЕПОСТИ. КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	76
3.1 Фортификационные идеи и формы в Древний период и Средние века.....	76
3.2 Русские православные монастыри как долговременные фортификационные сооружения.....	78
3.3 Монастыри-крепости.....	83
3.4 Подмосковные монастыри, причисляемые к ряду крепостей.....	93
4 ПРИРОДНО-РАСТИТЕЛЬНОЕ ОКРУЖЕНИЕ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ С АРХИТЕКТУРНЫМИ КОМПЛЕКСАМИ ПРАВОСЛАВНЫХ МОНАСТЫРЕЙ	117
4.1 Монастырские сады.....	117
4.2 Монастырские сады, размещаемые внутри монастырской ограды, как символ рая.....	118
5 МОНАСТЫРСКИЕ КОМПЛЕКСЫ И ИХ РОЛЬ В ПЛАНИРОВОЧНОЙ СТРУКТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА	129
5.1 Православные монастыри и древнерусские города в эпоху Московского государства.....	129
5.2 Монастыри в городах западной части Московского государства.....	132
5.3 Градообразующий характер православных монастырей.....	134
5.4 Общие признаки застройки, планировки, композиции православных монастырей.....	139
6 ОПЫТ СОВРЕМЕННОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ ПРАВОСЛАВНЫХ МОНАСТЫРЕЙ НА ПРИМЕРЕ СВЯТО-НИКОЛЬСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ В ГОРОДЕ ГОМЕЛЕ	157
6.1 Историческая справка.....	157
6.2 Анализ градостроительной ситуации.....	159
6.3 Этапы строительства монастыря.....	159
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	169
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	170

ВВЕДЕНИЕ

Представление человека о том мире, в который он помещен неведомой ему силой, материализуется множеством способов. Среди них – обязательная и всеобщая сакрализация окружающей среды, формирование особого, свойственного только данному социуму «священного пространства». В структуре этого пространства выражаются фундаментальные канонические представления народа. Конкретными средствами воплощения служит организация религиозной жизни.

Возникающие при этом системы могут быть описаны следующими методами:

- во-первых, как здания и специально организованные священные участки, методы их размещения на местности и в конкретном ландшафте;
- во-вторых, как смысловые взаимосвязи религиозного и исторического характера, которыми их наделяют создатели (заказчик и исполнители);
- в-третьих, как способы функционального ритуального использования систем в качестве искусственно созданной сакральной среды.

Взятые вместе эти элементы образуют сакральное пространство. Оно может быть дискретным или сплошным, покрывать занимаемую этносом территорию ровной сетью или формировать мощные семантические узлы, относительно независимые или собранные в жесткую, подчиненную определенной иерархии цепь. Человеку, безусловно, свойственно перекрывать всю территорию, которую он занимает, хотя бы системой зримых символов, а в идеале незримым покровом сверхъестественной защиты. Культовая архитектура как важнейший вид человеческой деятельности вносит в окружающее нас пространство духовное начало, наполняет его нравственным смыслом. Человек и его жизнедеятельность обретают, благодаря этому духовному началу, большое эмоциональное содержание.

Монастырь был одним из наиболее ярких, образных явлений христианского средневекового мира, одним из тех феноменов, которые, собственно, и делают промежуток от поздней античности до наступления нового времени особой стадией в исторической жизни Европы. Перспективность исследований сакрального пространства монастыря, конечно, всегда осознавалась. Начало исследований уходит, по крайней мере, во вторую половину XVIII века. В результате научная литература, посвященная древним монастырям, и в том числе монастырям России и Беларуси, весьма многочисленна. В принципе она стремилась отразить все стороны многогранной, как сама средневековая жизнь, деятельности монастырей. Однако в разные периоды ученые располагали неодинаковыми возможностями как в смысле развитости базы источников и методов исследования, так и в отношении благоприятности политического климата, необходимой общественной конъюнктуры для разворачивания конкретных направлений работы.

Сегодня многого от науки требует и практика жизни. Последние годы принесли огромные изменения во взаимоотношения общества и церкви, которые еще не до конца обозначились и тем более не полностью осознаны. Однако можно наблюдать простейшие, поверхностные проявления этих процессов: церкви передаются сотни, тысячи ранее отобранных у них храмов и многие сохранившиеся монастыри. Идет их активное возобновление, включающее реставрацию и приспособление, связанные с серьезными вторжениями в архитектурные сооружения. Кроме задач практической реставрации встают задачи проектирования комплексов новых монастырей. Невозможность науки дать фундаментальный ответ на этот запрос приведет (и уже приводит) к заполнению вакуума всевозможными псевдоконцепциями и просто сделанными наспех, на потребу, работами. Потребность в усиленной разработке методологических рекомендаций применительно к монастырским комплексам осознается современной наукой. В настоящий момент исследование монастырей (и средневековых

церковных памятников в целом) особенно актуально. Это верно как с точки зрения прогресса фундаментальной науки, так и с позиций практических нужд: преподавания, реставрации памятников, строительства новых монастырей и даже требований изменяющихся общественных отношений.

Для правильного представления об архитектурном комплексе православного монастыря, наряду с формально стилистическим анализом, важно изучение и понимание символического аспекта архитектурных произведений, образующих этот комплекс. Это особенно актуально при рассмотрении православных монастырей позднего средневековья, когда символика христианского искусства приобретает более конкретный дифференцированный характер. Поэтому в монографии уделено значительное внимание изучению общекультурной ситуации, определяющей программы заказа архитектурных произведений, а также их важнейшей символической стороне, которая, несомненно, оказывала влияние на последовательность возникновения и на художественный строй памятников монастырского зодчества. «Стандартная» версия происхождения монашества сводится приблизительно к следующему. В доконстантиновские времена церковь была гонима, и все христиане жили почти как монахи. Три века гонений заканчиваются блестящей победой христианства над язычеством. Героический период сменяется «временами благоденствия и мирного жития». После создания же христианской империи в Церковь пришло много случайных людей, которые резко понизили общий уровень духовной жизни. Те, кто не смогли с этим смириться, стали монахами.

Это и так, и не так. Монашество по своему замыслу не эгоизм и не имеет права быть им в действительности. Это было бы нарушением соборного единства всех членов тела Церкви и выпадением из общего плана Божия «промышления» о мире и людях. Цель иночества как нравственной силы спасение не только самих себя, но спасение всего мира. Это не только спасение от мира, но именно спасение мира. Служение миру может проходить в непосредственном контакте с этим миром или же быть пустынным, анахоретским. От мира географически отдаленное, но зато еще более связанное метафизически, духовно, молитвенно, такое иночество уходило от жизни мирской к жизни мировой, молитвенному служению всему миру, его духовному охранению. Поэтому без гнушения его болезнями и не брезгуя его нечистотой иночество служит миру. Оно охраняет и отмаливает его, окормляет и исповедует его и за него предстательствует. На земле иночество продолжает «золотую цепь», соединяющую с миром ангельским на небесах, и изливает миру земному, тленному и падшему это сияние святости, любви и мудрости. Иночество должно быть преисполнено этим светом и преломлять его в делах чистоты, милосердия и боговедения.

Монахи не придумывали никакого нового христианства. Если нам придется повторять это и в дальнейшем, то заранее скажем, что мы не видим большой нужды, умножать количество публикаций на эту тему. Также мы не ставим своей задачей обобщить современные научные данные по истории монашества – в смысле фактографии этой истории. Нас будут интересовать только богословские идеи, но лишь в пределах, в каких мы будем в состоянии это использовать для лучшего понимания все тех же идей, закладываемых древними зодчими в архитектурный ансамбль православного монастыря. Понятно, что история христианства и в частности монашества не входят в круг наших интересов. Вместе с тем, как только христианство становится государственной религией, возникает нужда в культовых сооружениях нового типа. Следом возникает необходимость создавать изображения на темы, связанные с новой религией, создавать утварь, предназначенную для ее обрядов, украшать богослужебные книги и т. д. Для этого и было создано то описание внешних контуров новозаветной жизни – разумеется, только контуров, а не ее самой, – которое и превратилось в особый институт христианского монашества, учитываемый и в церковном, и в светском законодательстве. По отношению к святому Антонию и святому Пахомию мы сегодня находимся «на другом конце» христианской истории: при них имперский период начинался, при нас он закончился.

Наш экскурс в область истории христианства следует завершить упоминанием о том, что православный монастырь должен являться (и в значительной степени действительно является) уменьшенной и улучшенной копией мира. Конечно, будучи идеальным прообразом, не только земного устройства, но, претендуя быть моделью и мира небесного, он отражает окружающую жизнь не зеркально, то есть не пассивно и не эквивалентно, а так, как это возможно для любого полного проявления присущих данному обществу тенденций и принципов. Монастырь есть отражение искаженное и в то же время структурирующее саму реальность, частью которой он является. Такая роль монастыря делает очевидной возможность и даже необходимость изучать его отдельно от остальных явлений жизни как сепаратную, самой действительностью выделенную часть внутри историко-

культурного текста (в том числе и современного). Объектом данного исследования избран архитектурный комплекс православного монастыря как достаточно замкнутый самодовлеющий мир, что в известной степени соответствует и представлениям обитателей современных монастырей.

Перспективность всесторонних исследований православного монастыря, конечно, всегда осознавалась. Их начало уходит, по крайней мере, во вторую половину XVIII века. В последние годы часто говорят о прерывании естественного течения исторического развития православных монастырей в советское время. В результате в вопросах, особенно конкретных, связанных с разработкой объемно-пространственной композиции православного монастыря, специалисты часто вынужденно обращаются к «последним открытиям», по меньшей мере, столетней давности. Неудачи в создании новых архитектурных комплексов православных монастырей часто коренятся не в плохой подготовке и не только в слабости методики работы, но и в недостаточной разработанности фактологической базы, источниковедческого фундамента. Не только вина, но и беда остро нуждающегося в таких исследованиях архитектора сегодня в том, что ему приходится обращаться к устарелой, написанной столетие назад брошюре или к современному полуфантастическому очерку, основанному на тех же брошюрах, некритически или тенденциозно пересказанных. Логично было бы предположить, что мы можем рассчитывать на восстановление эволюционного процесса. Изменившаяся общественная ситуация создает для своих целей необходимую обстановку, наращивает вокруг себя соответствующую архитектурную среду. Общественная потребность и служебные цели лежат в основе появления новых комплексов православных монастырей, их формообразования. Именно здесь в программном виде призваны выразить себя художественные идеи настоящего периода. Любая национальная архитектура основывается на двух составляющих: традиционных формах и традиционном подходе к композиции.

Настоящая монография написана с целью обратить внимание на те принципы, которые лежали в основе традиционного подхода к архитектурной композиции православного монастыря, для ответа на вопросы. Где те характерные срезы жизни, через которые можно увидеть структуры, продолжающие через века оказывать воздействие? Что есть традиционная православная христианская архитектура для аналитического сознания современного архитектора? Достаточно ли опоры на простое воспроизводство при изучении традиции с ее символично-ритуальными структурами? Насколько оправдан подход профессиональной архитектурной культуры, ориентированный на эволюцию композиции православного монастыря, и с особой остротой – в художественной форме?

В основу данной работы положен формально-стилистический и иконографический анализ сохранившихся памятников в сочетании с изучением исторической ситуации и программ заказа произведений архитектуры. Важнейшую часть работы составило рассмотрение архитектуры сохранившихся памятников, которые предоставляют наиболее полный и достоверный материал при изучении закономерностей построения архитектурной формы. Для установления аутентичности элементов существующих памятников, а также для уточнения представлений о существующих, но недоступных для осмотра частях построек использовались опубликованные реставрационные отчеты, обмеры, фото фиксации и другие архивные материалы. Кроме того, используются сделанные разными исследователями реконструкции первоначального вида памятников, подверженные критическому анализу. Исследование сосредоточено на рассмотрении памятников каменного церковного зодчества, составляющих для избранного периода абсолютное большинство сохранившихся объектов, позволяющих изучать как закономерности построения художественной формы, так и особенности символического мышления.

В анализе общекультурной ситуации использованы работы историков и культурологов. При изучении программного строительства большую роль сыграли историко-краеведческие публикации XIX–XX вв. При изучении текстов и общекультурной ситуации акцент делается на наиболее раннем периоде. Цель нескольких методов исследования и разнотипного материала – многоплановый комплексный анализ архитектурных комплексов православных монастырей, который бы позволил нарисовать, возможно, более полную и адекватную материалу картину сложения художественных и символических особенностей их архитектуры.

Работа подготовлена заведующим кафедрой «Архитектура» доктором архитектуры, профессором И. Г. Малковым, архитектором А. В. Свидуновичем, старшим преподавателем кафедры «Архитектура» О. А. Бодяко.

1 МОНАШЕСТВО И МОНАСТЫРИ

Э тот раздел – не история православного монашества, еще менее – научное исследование. Писать общую историю даже на двухстах страницах – значило бы свести ее к одному перечню имен и дат. Читатель найдет здесь как бы комментарий к такой истории со ссылками на главные события, попытку в прошлом отличить главное от второстепенного, отметить, хотя бы в основном, вехи длинного исторического пути православного монашества. Мы не скрываем своей оценки событий, но не считаем ее, конечно, ни сколько-нибудь окончательной, ни исчерпывающей. Мы полагаем, что раздумье над прошлым, оценка его по совести, безбоязненное приятие исторической правды сейчас особенно необходимы.

О первых годах, о начальных событиях в истории Церкви рассказано в книге Деяний Апостольских, написанной евангелистом Лукой как продолжение его же Евангелия. В ней описана первая христианская община в Иерусалиме, преследование ее властями, проповедь апостолов, особенно, Павла и, наконец, распространение христианства от Иерусалима до Рима. Маленькая секта внутри иудейства – так поверхностно можно определить положение христиан в Иерусалиме в первые годы. Подобных сект и религиозных партий было немало в иудействе того времени. Это была эпоха религиозно-политического возбуждения, обострения надежд и ожиданий, связанных с национальной судьбой Израиля, с библейскими пророчествами о конечном торжестве избранного народа. Приближались дни последних восстаний против ненавистного римского владычества, последних попыток «восстановить Израиль» и их трагического эпилога – разрушения города Иерусалима.

Церковь не забыла, что ее начало совпало по времени с решительным моментом мировой истории: с завершением универсальной по духу и замыслу Римской империи. Греко-римский мир, то есть римская государственность, соединенная с эллинистической культурой – вот вторая после иудейства историческая «родина» христианства. Пускай расширение нашего исторического кругозора, проникновение нашей памяти в другие древние миры и культуры поколебало легенду о единственности, об универсализме греко-римской античности.

Пускай, мы знаем теперь, что эта «вселенная» – «икумена» – как сама себя определила Римская империя, была всего лишь одной главой, одним отрывком на длинном пути человечества. Все же и сейчас еще эта легенда не только легенда. И даже если многие отрицают теперь всечеловеческое значение и смысл этой главы, безболезненно выключают себя из греко-римской традиции, то для христиан это вряд ли возможно. Мы называем «эллинистическим» (в отличие от эллинского) тот период в истории античности, который начинается после короткой, но такой «судьбоносной» жизни Александра Македонского. Он отмечен, с одной стороны, экспансией эллинской культуры далеко за пределами самой Эллады, с другой же – государственно-политическим объединением всей сферы этой экспансии вокруг Рима. Не победивши политически, эллинизм победил культурно. Греческая культура становится постепенно общей и объединяющей культурой всего Средиземноморского бассейна и даже шире – от Армении до Испании, от Сахары до Дуная и Рейна (рисунок 1.1).

Римское завоевание во втором и первом веках до нашей эры не прерывает этой эллинизации, а, напротив, продолжает и укрепляет ее. Культурно Рим сам «огречивается». И именно в римской мировой монархии эллинистическая эпоха достигает своего апогея. Рим приносит порядок и мир. Но за внешним блеском и благополучием нарастает глубокий духовный кризис. Переплавляются вековые устои жизни, оказываются несостоятельными древние верования и традиции. Человек уже не удовлетворяется больше национально-бытовыми богами, ограждавшими замкнутый кругозор

города, рода, племени. На смену им приходит скепсис и разочарование, и многие ищут уже новой духовной пищи в восточных «мистериях», которые мутной волной заливают империю. В центре Рима строятся храмы Изида, Кибелы, Диониса, в них совершаются таинственные обряды, несущие в себе обещание бессмертия и обновления. От религии хотят теперь уже не только помощи в житейских делах: в ней жаждут получить спасение от страдания, зла, страха смерти. Это эпоха предчувствий и ожиданий: «Одна империя, один мировой язык, одна культура, одно общее развитие в сторону монотеизма, и одна общая тоска по Спасителю», – так описал Гарнак обстановку, в которой начинается распространение христианства.

Было время, когда первых христиан было принято искать в «социальных низах» Римской империи, в том международном пролетариате, который наполнял большие города, особенно порты, и где из-за бедности и социального неравенства, казалось, легче могли прорасти слова о любви, надежде, новой жизни. Но все же неверно стилизовать раннюю Церковь в «пролетарские» тона, видеть в ней одно социальное явление и чуть ли не продукт классовой борьбы. У того же Павла в Послании к Римлянам мы встречаем имя «Эраста, городского казнохранителя», в Афинах он обращает члена Ареопага – Дионисия, в Фессалониках «из знатных женщин немало». А позднее губернатор Вифиний Плиний будет доносить императору Траяну о множестве христиан «разных сословий». Но было ли их, действительно, очень много вначале? Географически христианство распространялось довольно быстро.

В первом веке большие церкви существуют в Сирии, Египте, Малой Азии, может быть, в Испании и Галлии, но это не значит, что христиан было очень много. Во всяком случае, к моменту обращения Императора Константина, то есть к началу четвертого века, они все еще, по подсчетам историков, составляли не больше десяти процентов всего населения империи.

Можно без всякого преувеличения сказать, что обращение императора Константина повлекло за собой самый большой перелом из всех когда-либо пережитых Церковью. Значение его отнюдь не исчерпывается переменой церковно-государственных отношений, внешних условий жизни Церкви. Неизмеримо важнее вызванные им сдвиги в самом христианском сознании, глубокий внутренний переворот, совершающийся постепенно в церковном обществе. В дни Константина завершается та эволюция Римской империи, которая началась с первого же соприкосновения ее с эллинистическим востоком. Это постепенное перерождение римского принципата в теократическую монархию, где император становится связующим звеном между Богом и миром, а государство – земным отображением небесного закона. Монарх отделен от простых смертных, он «священен» и потому священно всё, что его окружает. Ему воздается религиозное поклонение, в «имперской литургии», священном ритуале, в который отныне облечена вся жизнь царя, символизируется божественная природа государства как небесного строя, отраженного в мире. Типичным представителем такого нового религиозного сознания и был Константин. По свидетельству первого христианского биографа Евсевия Кесарийского, уже отец Константина «посвятил Единому Богу своих детей, жену, служителей и весь свой дворец». Константин вырос в атмосфере этой возвышенной, «небесной» религии, очищенной от грубого язычества. У него всегда был мистический интерес, вера во сны, видения, озарения.

Он твердо верил в свое избранничество, и вся его политическая карьера отмечена личными «контактами» «с небом». Такая настроенность еще не объясняет целиком его обращения в христианство, но она помогает лучше понять, как сам Константин воспринял христианство, делает его представителем нового подхода к Церкви и ее вере.

Звезда Константина начинала восходить на политическом горизонте империи, над разрухой и междуусобицами нескольких враждующих императоров, которые последовали за отречением Диоклетиана. Как императору Запада ему оставалось для объединения под своей властью всей западной половины империи уничтожить своего соперника Максентия, утвердившегося в Риме. И в начале 312 года он двинулся из Галлии, а после смелого зимнего перехода через Альпы в октябре с небольшим войском подошел к Вечному Городу. Предстоявшее сражение должно было решить вопрос его жизни или смерти. Вот на этот момент страшного напряжения и сомнения и попадает его обращение. Описания, близкие этому событию по времени, не упоминают ни о видении Креста, ни о словах «Сим побеждай». Они говорят о вразумлении, полученном Константином во сне, сделать новый знак на оружии. Исполнив это, Константин победил Максентия и вступил в Рим.

Позднее этот основной рассказ стал обрастать (не без помощи самого Константина) легендой. Одно остается несомненным: знак, виденный Константином и под которым одержана, была эта

решительная победа, в сознании самого Константина был знаком христианским, и с этого момента император стал считать себя христианином. Этот знак – Крест.

За обращением последовал так называемый «Миланский Эдикт», определивший принципы религиозной политики Константина. В нем торжественно провозглашалась свобода «и христианам и всем следовать той религии, какой каждый пожелает», христианским же церквям, кроме того, возвращались конфискованные у них во время гонения имущества. О смысле Миланского решения велись жаркие споры среди историков. Что означала эта религиозная свобода? Ответ может быть только один: свобода Константина не была христианской свободой. Понадобились столетия, чтобы то новое понимание личности, которое всеми своими корнями вырастает из Евангелия, проросло постепенно и в новое понимание государства, ограничило его неотъемлемыми правами этой личности. Мы знаем теперь, сколь мучительным оказался этот процесс, знаем, увы, и то, что сами христиане далеко не всегда были в нем носителями именно христианской, евангельской истины. Свобода Константина – это свобода культа, то есть внешних форм богочитания. Государство не связывает себя больше ни с одной из них исключительно. Но не потому, что оно становится религиозно «нейтральным», а потому что в том новом религиозно-философском монотеизме, представителем которого был Константин до своего обращения, все внешние формы религии, культа всех богов восходят в той или иной мере к одному Высшему Божеству и в конечном итоге «относительны». Император не скрывает своей особой симпатии к христианству и прямо заявляет, что свободу нехристианам он дарует «ради спокойствия нашего времени», его же собственное сердце уже безраздельно принадлежит новой вере. Это свобода для переходного времени, в ожидании безболезненного торжества христианства. Язычество уже обречено на гибель и гонение.

Уничтожить язычество означало не просто уничтожить идолов и идолопоклонство, но и утолить ту вечную нужду, которая питала его: нужду в божественной помощи, в божественной «санкции» человеческой жизни и всего великого и малого в ней. Больше того, открыть истинный смысл жизни, всю ее озарить новым светом. В четвертом веке нарастает интерес к «материальному» в религии: святым местам, предметам, реликвиям. Вырастает храмовое благочестие, развивается и усложняется культ, вводится почитание святых и их мощей. Всё это непосредственно возводится к языческому влиянию в Церкви, и в этом усматривается компромисс ее с миром ради «массовой» победы. Но от христианского историка совсем не требуется, чтобы во имя защиты христианства он попросту отверг это обвинение, то есть отрицал какие бы то ни было «анalogии» между христианством и языческими «формами» религии. Напротив, он может смело принять его, потому что в этих аналогиях он не усматривает никакой «вины». Христианство восприняло и сделало своими многие «формы» языческой религии, не только потому, что это вечные формы религии вообще, а потому еще, что весь замысел христианства в том и состоит, чтобы все «формы» в этом мире не заменить новыми, а наполнить новым и истинным содержанием. Да, примирение с миром, принятие его культуры, форм его жизни, языка, мысли. Но это примирение совершается под знаком Креста. В сам мир оно вносит образ абсолютного совершенства, а потому суд и раздвоение. Все освящается, но на всё теперь отбрасывает свою тень грядущее Царство; мир стал конечным, осознается как путь, борьба и нарастание.

Ничто лучше не вскрывает всего своеобразия этого примирения Церкви с империей, чем возникновение (в том же четвертом веке) монашества. В истории Церкви значение этого факта не меньшее, чем обращение Константина.

1.1 Зарождение монашества

Обычно начало монашества связывается с именем преподобного Антония Великого. Совсем еще молодым человеком он роздал все свое имущество и целиком отдал себя аскетическим подвигам. Начав их в своей деревне, он очень скоро уходит в пустыню, где в полном одиночестве проводит двадцать лет. Затем начинается второй период: к Антонию отовсюду стекаются последователи и он выходит из своего затвора, чтобы стать их учителем и руководителем. Принципы его аскетического учения изложены Афанасием в форме речей, с которыми Антоний обращается к монахам. «Тогда, – пишет Афанасий, – монастыри воздвигались в горах, и пустыня была заселена монахами – людьми,

отказавшимися от всех благ, записавшими имена свои в небесном граде». Но свою настоящую форму монашество обретает несколько позднее с преподобным Пахомием Великим. Также уроженец Египта, он первый создает «общежитие» и его правила. Устав Пахомия лег в основу всех будущих монашеских уставов. Под его руководством в Фиваиде создается своеобразное монашеское государство, объединяющее тысячи людей. Но монашество не только увлекает все большее число людей в пустыню, в монастырь, даже для тех, кто не становится монахом, оно очень скоро приобретает исключительное значение. Особенности монашеского богослужения проникают в городские храмы, чтобы, в конечном итоге, окрасить в свои тона все богослужение Церкви. Нашим богослужебным уставом и поныне остается устав лавры Святого Саввы, освященного в Иерусалиме. Монастыри возникают в самих городах: в середине шестого века в одном Константинополе их насчитывается 76. Начавшись как «мирское» движение, монашество постепенно превращается в официальное и притом высшее церковное служение, так что в поздней Византии окончательно закрепляется практика посвящать в епископы только монашествующих. Начавшись с физического «ухода» из мира в пустыню, монашество утверждается в самом сердце его. Именно оно составляет один из самых явных признаков того христианского мира, история которого начинается с обращения Константина.

Что же означает это быстрое начало, этот успех монашества? В чем его причина? Многие историки, обманутые внешними аналогиями, непременно хотели «вывести» его из каких-нибудь внехристианских источников. Хотели увидеть в нем очередную «метаморфозу»: превращение «белого» христианства ранней Церкви в «черное» христианство средневековья. Между тем, если в основе монашества как его исходное вдохновение лежит отречение от мира, то ведь нельзя не признать, что это отречение никак не могло быть чем-то столь абсолютно новым в христианском сознании. Если монашество в своем развитии и заимствовало многое у других аскетических традиций, если даже в нем и были крайние течения, извращавшие его, то ни эти заимствования, ни извращения не суть причины его возникновения. Точно так же как причиной христианского богословия не была греческая философия, хотя ее язык и был использован для его раскрытия. На деле – и это хорошо показывают результаты кропотливой работы по изучению первых памятников монашества, произведенной за последние десятилетия. Монашество есть не что иное, как воплощение в новых условиях того исконного, евангельского понимания христианства, которое определяет собою жизнь всей ранней Церкви. Отречение от мира есть условие христианства: «кто не оставит отца своего и мать свою»... Отречение – это не есть ни осуждение, ни отрицание мира. Но во Христе открылась людям слава будущего Царства и в свете ее «проходит образ мира сего». Все устремлено теперь к этой конечной точке и все этой точкой измеряется. Между тем, в «мире сем» продолжает царствовать зло: оно мешает нам идти к Царству, отрывает от него тысячами соблазнов, искушений, иллюзий. Путь христианина оказывается узким путем борьбы. В эпоху гонений сама принадлежность к христианству уже «отделяла» человека от мира и его жизни. Но чем больше сближался мир с Церковью и проникал в ее внутреннюю жизнь, тем более в самой Церкви усиливалось внутреннее выделение тех, кто стремился жить по мерке евангельского максимализма. Много примеров этого обособления аскетов мы находим уже в третьем веке, и можно сказать, что к началу четвертого все составные элементы монашества на лицо. Этот свершившийся исторический факт приводит нас к следующей странице в истории православного монашества.

1.2 Византийская империя

Странным образом православное сознание всегда мало интересовалось Византией, и она была уделом, либо «светских» историков, либо же специалистов по отдельным вопросам. И, несмотря на обилие монографий, которыми смело, может гордиться русская церковно-историческая наука, не существует истории Византийской церкви в полном смысле этого слова как попытки описать и уразуметь пройденный путь, найти целостную историческую перспективу. Целые века как-то выпадают из церковной памяти, на фоне византийского «средневековья» внимание историков останавливается только на отдельных лицах, событиях. Это делает всякую попытку быстро «обозреть»

Византию бесконечно трудной. Единственное, что можно – это дать почувствовать вопрос о Византии, подлинном значении этого тысячелетнего этапа на нашем пути.

Значение же это, прежде всего, в том, что Византия никак не может считаться только прошлой, завершенной и изжитой главой церковной истории. Она не только продолжает жить в православной Церкви, но, в известном смысле, до сих пор определяет само православие, составляя его «историческую форму». Православие свой теперешний вид, исторический «канон» приобрело именно в Византии. Какой бы стороны нашей церковной жизни мы ни коснулись, простая справка покажет, что свою настоящую форму она нашла именно в византийский период. В известном смысле византийский период должен быть признан решающим в истории православия, эпохой кристаллизации церковной жизни. Современная Православная церковь есть с исторической точки зрения Византийская церковь, на пятьсот лет пережившая Византийскую империю (рисунок 1.2).

Все историки Византии утверждают, что с началом восьмого века в ее истории открывается новый период. Седьмой век кончился анархией и почти полной гибелью империи. В 717 году арабы осаждали Константинополь, а внутренняя разруха делала Византию легкой добычей завоевателя. Ее спас Лев Исавр, один из тех многочисленных в византийской армии солдат с восточной окраины, которые дослужились до высших чинов. На таких солдатах фактически держалась империя. Лев был провозглашен императором и положил начало новой Исаврийской династии. Рядом победоносных войн он и его сын Константин Копроним восстановили положение, а изнутри укрепили его глубокой государственной реформой: военной, административной и экономической. Эта реформа заканчивает метаморфозу Византии из мировой империи в сравнительно небольшое государство, в котором все подчинено необходимости противостоять напору с востока – Ислама, с севера – славян, а очень скоро и с запада – норманнов. Римская «вселенная» окончательно превращается в Византию.

Для Церкви этот новый период открывается новой смутой, навсегда заклеившей в ее памяти имена императоров Исаврийцев: это иконоборчество, борьба с которым растянется почти на полтора столетия. Не случайно, прежде всего, то, что борьба с иконами в восьмом веке оказалась также борьбой с монашеством. Мы говорили уже о значении монашества в предшествующую эпоху: в момент «христианизации» мира, оно воплотило в себе «эсхатологический» аспект христианства, как преодоление самого мира светом Царства «не от мира сего», тем самым спасая христианство от обмирщения. И мы также указывали, что с этой точки зрения нет ничего характернее и показательнее для отношения Церкви к христианскому миру, чем «победа» в нем монашества: признания его «нормой» христианского пути. Не только Церковь, но и Византийская империя склонилась перед монашеством; императоры соперничали с вельможами в создании монастырей, так что к началу иконоборчества число монахов достигало 100 000 человек – процент населения почти невероятный! Но если Византийская империя безоговорочно приняла эту победу монашества, оградила его всевозможными гарантиями и привилегиями, то с течением времени монашество не могло не стать для нее настоящей обузой. Прежде всего, монашество тяжелым грузом ложилось на экономическую жизнь государства: десятки тысяч людей были потеряны для армии, огромное монашеское имущество ускользало от обложения налогами, большая часть населения оказывалась вне государственного контроля. С другой стороны, мы тоже говорили об этом, победа монашества оказалась вредной для него самого: с начала седьмого века учащаются признаки несомненного упадка. Монастыри разбогатели, привилегии всякого рода стали привлекать в них уже не только тех, кто искал христианского максимализма; став советниками, руководителями, духовниками всего византийского общества, монахи, естественно, слишком часто стали подвергаться соблазну, злоупотреблять этим доверием.

Но вот в восьмом веке в Византийской империи начинает витать дух героизма: империя гибнет, ее спасают императоры Исаврийцы ценой страшного напряжения всех государственных сил, и в этом напряжении рождается новое патриотическое самосознание Византии. А эта тотальная мобилизация неизбежно должна была поставить вопрос о монашестве и поэтому в политике Копронима ясно чувствуется, что не одна защита монахами икон составляет корень его ненависти к ним. Так вскрылось противоречие между двумя «логиками», изначально отравлявшее отношения между Церковью и Империей. По одной, – церковной, государство призвано быть опорой и земным «вместилищем» Церкви и потому должно подчиняться церковным ценностям, даже если они и противоречат интересам государства, по другой, теократической, само христианство воспринимается как, в

последнем счете, всё тот же государственный культ, религиозная опора государства. В первой монашество – символ «иноприродности» Церкви, внутренней свободы христианства и христианской личности от всепоглощающего государственного «утилитаризма», во второй – оно не может рано или поздно не оказаться ненужным для государства, а потому и вредным. За восстанием против монашества вскрылось желание Исаурийцев до конца подчинить Церковь государству, сделать ее до конца «полезной». Исаурийцы в этом отношении оказались последовательными завершителями той теократической «логики», которая, по существу, доминировала в отношениях Византийской империи с Церковью с самого обращения Константина. Поэтому победа иконопочитания оказалась и победой монашества. Победой не только внешней, но и внутренней. Гонение возродило и обновило его, и в начале девятого века мы видим настоящий расцвет византийского монашества, связанный, в первую очередь, с именем преподобного Феодора Студита. Именно он окончательно сформулировал ту идеологию монашества, то определение его функций в церкви, которые и закрепят его победу уже навсегда. В «системе» преподобного Феодора Студита монашество ясно определяется как особое служение Церкви. Монахи – «нервы и опора» Церкви, «соль земли и свет мира», «свет для сидящих во мраке», «образец и утверждение». А это так потому, что цель монаха не какая-то отличная от цели мирянина, а последняя цель всякого христианина – Царство Небесное, спасение души. Спасти же душу нельзя иначе, как отрекшись от мира. Не следует думать, что преподобный Феодор видит спасение в одном монашестве. Но тут открывается центральная проблема всей христианской истории. Феодор утверждает, что христианство невозможно без того, что в Евангелии называется «отречением». А затем констатирует исторический факт: на деле только в монашестве воплощен был евангельский призыв к «единому на потребу» существу, все христиане призваны к максимализму, но на практике этот максимализм в истории всегда оборачивается «минимализмом» – компромиссом, обмирщением. И потому монашество есть своего рода историческая тень христианства, которую Церковь будет отбрасывать, доколе не «исполнится». В самом Константинополе преподобный Феодор возрождает древний Студийский монастырь, очень скоро становящийся одним из главных центров византийской церковной жизни. Монашество окончательно воцаряется в сердце Византии. В иконоборчестве в последний раз с очевидностью вскрылась опасность перехода религиозных страстей в политические распри. Этот опыт оказался решающим. В истории Византии наступил момент, когда и государство, и Церковь учли опыт прошлого. С молчаливого согласия Церкви и государства поставлена была некая психологическая точка, подведен итог. В монастырях продолжает жить другая, подлинная, вечно живая, творческая традиция, именуемая обычно «византийской мистикой», на деле же не что иное, как продолжение все той же исконной линии богословского умозрения, как раскрытие в опыте жизни содержания веры.

1.3 Поздневизантийский период

В истории Церкви поздневизантийский период называется еще «эпохой разделения Церквей» и такое название соответствует, конечно, всему значению этой величайшей трагедии на историческом пути христианства. В некотором смысле вся жизнь Византии, действительно, проходит под знаком этого события, и тогда сложившееся «переживание» разделения до сего времени окрашивает в свои тона отношения между православным Востоком и Римом. Православие начинается с отчуждения между Востоком и Западом. Оно кончается полным разделением: отныне православный Восток непроходимой стеной отделен от римского Запада. Православие окончательно становится «восточным». Разделение Церквей можно изучать в двух разрезах: историческом и догматическом. Исторически это очень сложное явление, в котором только при недобросовестном и тенденциозном подходе можно всю вину свалить на одну сторону и безоговорочно «оправдать» другую. Догматически же важно не столько то, как именно разделились Церкви, но то, что разделяет их по существу. В нашу задачу не входит подробное освещение тех или иных утверждений, разделивших христианскую церковь, и тем более какая-либо их трактовка.

Разрыв 1054 года был только началом разделения церквей. Сначала он и переживался скорее как один из тех временных разрывов между двумя кафедрами, каких много бывало и раньше. Церковные связи не всюду и не везде были сразу порваны. По-настоящему разрыв этот перешел в

окончательное разделение, в расово-религиозную ненависть только в следующую эпоху. Здесь роковую роль сыграли «крестовые походы». Именно с крестовыми походами та «западная проблема» Византии, о которой мы говорили выше, раскрылась во всей своей исторической сложности. Крестовые походы оказались для Запада выходом для излишка накопившихся сил, первой экспансией средневековой Европы. Слишком хорошо известно, чем кончился четвертый крестовый поход в 1204 году – взятие Константинополя, варварское его разграбление, кощунство над православными святынями, шестидесятилетней «латинской империей» на Востоке! Но это только «вершина», только самое эффектное из проявлений ненависти, которыми наполнена эта продолжительная встреча двух разделенных половин христианского мира. Встречались теперь уже не иерархи, а народные массы, и в их психологии разделение превращалось в стихийную ненависть, в которой верность своей вере, обиды за поругание своих святынь смешивались с элементарным отталкиванием от всего чужого без различения в нем хорошего и плохого.

Многие исследователи связывают с крестовыми походами устройство на труднодоступном полуострове множества монастырей и их архитектуру, напоминающую скорее крепостную, нежели храмовую или светскую. Заселение Афона отшельниками начинается очень рано, возможно с четвертого века. Тут тоже история монашества прошла через все фазы своего развития: отшельничество, затем «лавры», соединяющие одинокую аскезу с некоторым общением, и, наконец, монастыри со строго регулируемой уставом жизнью. Основателем такого уставного монашества на Афоне считается Афанасий Афонский, при котором возникает знаменитая «Лавра», названная его именем. В двенадцатом веке Афон уже окончательно определяется как общепризнанный центр византийского монашества. Сюда сходятся все те нити «умозрительного» богословия, которым живет восточное монашество, и Афон в поздневизантийскую эпоху оказывается средоточием напряженной богословской жизни. Православие окончательно становится «восточным». Но к моменту падения империи в это восточное православие давно уже вступила, усилилась и приобрела самостоятельное значение новая «стихия» – славянская (рисунок 1.3).

1.4 Христианизация славян в поздневизантийский период

В жизни Византии славяне появляются рано и появляются озаренные заревом пожаров и в грохоте разрушений. Если до конца шестого века империи все же удается каждый раз отбрасывать их за Дунай, то в 580 году до ста тысяч их захлестывают Грецию. В седьмом веке, освободившись от Аварской Империи, в которую они доселе входили, славяне заселяют постепенно ими же опустошенные древние римские провинции – Иллирию, Мизию, Фракию, Македонию. Весь век проходит в борьбе с этими дикими еще ордами. Но постепенно славяне не только внешне, но и внутренне входят в византийскую орбиту, и их князьки, как раньше германские, с радостью принимают от Константинополя второстепенные придворные титулы. Начинается первая христианизация славян. В конце седьмого века – новое нашествие тюркского народа – болгар. Болгары утверждают свою власть в заселенных славянами провинциях и начинают многолетнюю борьбу против империи, причем, как это случилось позднее и с варяжскими завоевателями славян восточных, сами «славянизируются». Почти у самой столицы империи постепенно создается мощное болгаро-славянское государство, почти непрекращающейся войной, с которым наполнен весь восьмой «иконоборческий» век. И неизвестно, как разрешилась бы для Византии эта новая и грозная «славянская проблема», если бы во второй половине девятого века не произошло бы того события, которое и составляет подлинное начало славянской главы в истории православия: «перевода» христианства на славянский язык святыми византийскими братьями Кириллом и Мефодием. Оба брата родом из Солуни (города, в то время населенного в большом количестве славянами), по всей вероятности, с детства владели местным славянским наречием. Поэтому, когда в 862 году от славянского Моравского князя Ростислава пришла в Константинополь просьба прислать миссионеров, которые могли бы помочь ему в укреплении славянского христианства, выбор, естественно, пал на них, и в середине 863 года они прибыли в столицу Моравии Девину или Велеград (рисунок 1.4). Надо сказать, что мотивы, толкнувшие Ростислава призвать византийских миссионеров, были не только религиозного, но и политического свойства. Болгария – первое большое славянское государство,

первая сознательная попытка создать империю, повторить в славянстве византийский опыт. И именно этот болгарский пролог определяет в той или иной мере все будущее славянского православия.

И здесь, как и в Византии, только в тишине монастырей, только глубоко за этой печальной теократической декорацией, растет и зреет подлинная христианская душа. Расцветают настоящие плоды крещения: образ святого Иоанна Рыльского, «малый Афон» в Софии, Тырновские мученики, ученики исихастов и споры о стяжательстве и нестяжательстве, это, наконец, непрекращающийся рост богословских интересов, отражаемый в церковно-славянской письменности. Теократическая мечта Болгарского царства погибнет, как и мечта Византийская. Но свет и глубина болгарского православия оставят глубокий след, принесут неумирающие плоды в дальнейшем развитии православного Востока. История возникновения Сербского царства в эти же века во многом повторяет болгарский опыт. И здесь исторический путь начинается с раздробленного племенного быта, проходит через первое соприкосновение с Византией и в нем через первую «христианизацию». Исследователи относят ее к седьмому веку. А в девятом веке из Панонии и Болгарии проникает к сербам и кирилло-мефодиевское наследие, которое навсегда укрепит их в восточно-византийском христианстве. В девятом-десятом веках в Рашке создается первое подобие государственного центра, там правят «великие жупаны». В эпоху борьбы между Византией и Болгарией и сербы попадают в сферу то одного, то другого влияния.

Но уже приближается конец всех империй: турецкое иго и с ним крах великих теократических мечтаний. И, быть может, в этом первом взлете, первом расцвете славянского христианства лучше всего видны итоги поздневизантийской главы на пути православной церкви: и вся внутренняя ограниченность ее религиозно-политической идеи и, одновременно, духовная жизненность самого византийского православия. Но характерно, что смертельная вражда славянских царств и Византии, длившаяся века, пролившая столько православной крови, ни в чем не нарушила единства самого византийского стиля православия, и славянское христианство было и осталось, прежде всего, точным отображением, повторением и развитием христианства византийского. И если это славянское православие отделить от внешних, политических судеб его, то остается действительно единый православный мир, имеющий одно лицо, питающийся одними и теми же корнями, насыщенный одним и тем же духом. Славянство явило себя творчески восприимчивым к лучшим плодам византийского церковного предания. К идеалу обожествления, озарения и «светлого космизма», как говорят теперь (рисунок 1.5).

1.5 Русь и монашество в период с X по первую половину XIV века

Официальная история православной церкви в России начинается с Владимира Святого. Это не значит, что христианства не было до этого на Руси. Напротив, христианство до крещения Руси уже настолько утвердилось, связи с Византией и «византизированной» Болгарией были настолько прочными, что только в свете этих фактов можно по-настоящему оценить и дело святого Владимира. По существу, оно было не только началом, но и завершением довольно длительного процесса, победой определенной тенденции в государственно-национальном самосознании. Какова бы ни была личная приверженность Владимира к язычеству, о которой повествует летопись, ее же рассказ о долгих сомнениях князя в выборе новой религии, о послах в разные страны, конечном выборе греческого христианства свидетельствует о том, что крещение Руси, как до нее крещение Болгарии, в сознании самого князя было, прежде всего, государственным делом. И это говорит о том, что ее историческое «совершеннолетие», требовавшее включения ее в христианскую традицию культурного мира. Как и Болгария, Русь должна была выбрать между старым и новым Римом и выбрала Византийское Православие. Как и в Болгарии, христианство на Руси насаждалось «сверху», самой государственной властью, наконец, как и у болгар, это византийское православие утвердилось среди русских в его кирилло-мефодиевском, славянском облики. Всё это навсегда определило развитие России и Русской церкви, а с ней и русского православного монашества.

Первые письменные упоминания о монастырях на Руси относятся к эпохе святого князя Владимира Святославича (978–1015 гг.) и князя Ярослава Владимировича (1019–1054 гг.). Упоминаемые в источниках монастыри были основаны князьями или другими богатыми людьми, которые создавали их на свои средства, обеспечивали всем необходимым, обладали правом назначения настоятелей. Так,

в 1037 году князь Ярослав Владимирович заложил монастыри Святого Георгия и Святой Ирины. Первый был расположен близ Софийского собора, второй – близ Золотых ворот в Киеве. Князь Всеволод Ярославич основал Михайловский Выдубицкий Всеволожский монастырь на месте, где, согласно преданию, «выдыбал» (выплыл) на берег Днепра идол Перуна. Известен также Андреевский (или Янчин) монастырь, устроенный великим князем Всеволодом Ярославичем при заложенной им в Киеве церкви Святого Андрея Первозванного. В нем постриглась его дочь Янка, которая жила здесь по монастырскому чину со многими другими монахинями. Анализируя распространение монастырей, замечаем, что первоначально они идут вслед за христианской жизнью, а не ведут ее за собою, не вносят ее в пределы, чуждые ей. Потому в два первые века христианской жизни Руси мы встречаем наибольшее количество монастырей в центральной полосе тогдашней Русской земли по среднему и верхнему Днепру, по Ловати и Волхову, где плотно было расселено русское население и с наименьшими затруднениями распространялось христианство (рисунок 1.6). Из 70 монастырей, известных до конца XII века, на эту полосу приходится до 50. Больше всего монастырей размещается в старейших общественных центрах – Киеве и Новгороде. До конца XII века в первом известно 15 монастырей, во втором – до 20; остальные рассеяны по второстепенным областям южной и северной Руси. Какими были Галич, Чернигов, Переяславль-Русский, Смоленск, Полоцк, Ростов, Владимир-на-Клязьме и другие. Почти все эти монастыри ютятся внутри городов или жмутся к стенам, не уходя от них далеко в степную или лесную глушь. Являясь пока спутниками, а не проводниками христианства, монастыри этим самым с особенной чуткостью отражали происходившие социальные процессы. В этом отношении, следя за географическим распространением монастырей, замечаем большую разницу между первыми веками христианской жизни Руси. Из 20 монастырей, известных до XII века, только 4 встречаем в северной Руси, отделяя ее от южной чертой по широте Калуги. И, напротив, из 50 известных новых монастырей XII века южной Руси принадлежит только 9. Строительство монастырей в Новгороде опережает их строительство в Киеве. Однако почти все монастыри, которыми он наполнялся и опоясывался, относятся уже к XII веку. Вместе с русско-христианской жизнью быстро расширяется круг монастырей и в других краях северной Руси: они появляются в Смоленске, Пскове, Старой Русе, Ладоге, Переяславле-Залесском, Суздале, Владимире-на-Клязьме. Монастыри основываются во всех крупных городах Руси. Известно более 50 монастырей, созданных в XII – начале XIII века (до монгольского нашествия). Даты основания еще 42 монастырей предположительно относятся к домонгольскому периоду. Некоторые из этих обителей были разрушены в 1240 году, но многие сохранились и умножали славу в следующих веках (рисунок 1.7). С татарским разгромом (1237–1240 гг.) кончается киевский период русской истории. Но это не только государственная катастрофа.

Монгольское иго начинает новый период и в истории русской церкви, период сложный, менее всего поддающийся одной формуле, одной характеристике. Монгольское нашествие прервало естественное течение монастырской жизни: многие монастыри были разрушены вместе с городами, многие пострадали от погрома и опустошения, не все монастыри XI–XIII вв. были впоследствии восстановлены. Возрождение монашества началось лишь со 2-й половины XIV века в результате деятельности святого Алексия Московского и преподобного Сергия Радонежского, что совпало с началом национального возрождения Руси, преодоления ордынского ига. Сведений о монастырях этого времени очень мало. Нет прямых сведений о типе монастырей этого времени и их «чине», но в практике преобладали, по-видимому, принципы особножительства, или же они дополнялись чертами общежительства. Большинство из них, как и в предыдущий период, были городскими (или находящимися в непосредственной близости от городов) по местоположению и ктиторскими, преимущественно княжескими или боярскими, по типу основания и материального обеспечения. Монастыри, предназначенные быть княжескими или боярскими родовыми усыпальницами, местом пребывания в старости, имели больше предпосылок для упрочения особножительства, возможность поступления в них была, надо полагать, ограниченной и обусловленной размером вклада. Удельное дробление Северо-Восточной Руси содействует этому распространению монастырей. Во многих городах, где прежде не сидели князья, устанавливаются княжеские столы. Первый князь нового удела старался украсить свою резиденцию хотя бы одной обителью: город, особенно стольнокняжеский, не считался благоустроенным, если не имел монастыря и собора.

1.6 Монашество и внутреннее освоение земель во второй половине XIV по XVI вв.

Со второй половины XIV века характер монастырской жизни существенно изменился. Во-первых, было создано значительное число новых монастырей, основанных на общежительных принципах; общежитие часто вводилось и возобновлялось там, где оно отсутствовало или было нарушено. Помимо внутреннего устройства, изменился также характер связей с миром, возникли монастырские приходы. Во-вторых, изменилось местоположение новых монастырей, их естественно-географическая среда: стали преобладать пустыни, расположенные вдали от города, часто в лесистой или заболоченной труднодоступной местности. Наконец, основателями новых монастырей теперь, гораздо чаще становились монахи-подвижники. Жизненный путь многих из них нередко сочетал пустынно-безмолвное отшельничество и пребывание в общежительном монастыре, устроителями и духовными наставниками которого они становились, когда вокруг их уединенных келий собиралось братство жаждавших спасения и духовного совершенства верующих. По прошествии ряда лет настоятель мог снова удалиться в пустынь, и тогда возникал новый монастырь. Уже в этот период под влиянием внутренних и внешних факторов началось движение пустынножителей, мощный импульс которому дала деятельность преподобного Сергия Радонежского, его учеников и последователей.

Отшельничество-анахоретство подвижников, их жажда «отвержения мира», индивидуальные духовные устремления оказались в сопряжении с процессом внутреннего освоения земель Северо-Восточной Руси. В спорах исследователей прошлого и нынешнего веков о том, какая колонизация была первичной – монастырская или крестьянская, неправильно был сформулирован вопрос: либо-либо. Оба колонизационных потока дополняли друг друга, развивались в одинаковых направлениях. В. О. Ключевский так описывал этот процесс: «Вокруг пустынного монастыря образовывались мирские, крестьянские селения, которые вместе с иноческой братией составляли один приход, тянувшийся к монастырской церкви. Если монастырь исчезал, крестьянский приход вместе с монастырской церковью оставался». Движение пустынных монастырей было движением будущих сельских приходов, которые, притом в большинстве, были первыми в своей округе. Освоение дикой природы и основание новых монастырей – свидетельство возрождения в социальной и духовной сферах жизни.

Начинать монашеский подвиг сурового уединенного пребывания были способны лишь немногие, самые совершенные из монашествующих, что неоднократно утверждалось в аскетической литературе. Для большинства же черноризцев рекомендовалось пройти сначала школу послушания в киновиях под руководством опытных старцев; такой путь прошли, например, выдающиеся подвижники преподобные Кирилл Белозерский и Иосиф Волоцкий.

Некоторые монастыри явились особенно деятельными метрополиями. Первое место между ними занимала Свято-Троице-Сергиева лавра. Обитель Сергия и развила широкую колонизаторскую деятельность, в продолжение XIV и XV вв. Из монастыря или из его колоний образовалось 27 пустынных монастырей, не говоря о 8 городских. Этими колониями были намечены главные направления монастырской колонизации. Если провести две линии от Троицкого Сергиева монастыря, одну – по реке Костроме на реку Вычегду, другую – по Шексне на Белоозеро, этими линиями будет очерчено пространство, куда с конца XIV века усиленно направлялась монастырская колонизация из монастырей центрального междуречья Оки и Волги и их колоний. Точная дата перехода обители к общежителю неизвестна. Многие исследователи полагают, что наиболее вероятным представляется начало введения общежития в монастыре в 50-е годы XVI века, за которым последовало основание большого числа новых общежительных монастырей.

По инициативе митрополита Алексия в 1362 году был построен Владычный монастырь в Серпухове, около 1365 года – Чудов монастырь в Московском Кремле, ставший домовым монастырем Русских митрополитов. В 1370 году в Н. Новгороде во время пребывания там митрополита Алексия был основан Благовещенский монастырь. В 1367 или 1377 годах был основан женский Московский Алексеевский монастырь. Дальнейшее распространение монастырей и освоение новых территорий осуществлялось преподобным Сергием и его учениками. Монастырь во имя Благовещения Пресвятой Богородицы был основан преподобным Сергием на реке Киржач по благословию митрополита Алексия, а князья и бояре дали деньги на постройку обители. Ученик преподобного Сергия Андроник

основал монастырь в честь Нерукотворного образа Спасителя – Андроников Московский монастырь. А другой ученик преподобного – Афанасий Высоцкий стал игуменом Высоцкого Серпуховского общежительного монастыря, основанного преподобным Сергием во имя Зачатия Пресвятой Богородицы в 1374 году. Феодор Ростовский, племянник преподобного Сергия, основал в 70-е годы Симонов монастырь в Москве.

Общежителство распространялось в пределах не только Московского и близлежащих удельных княжеств, но и в других землях. В Нижнем Новгороде кроме упомянутого общежительного монастыря, созданного митрополитом Алексием, общежительным стал, по-видимому, Вознесенский Печерский монастырь. Введение в нем общежителства связано с деятельностью архиепископа Суздальского и Нижегородского Дионисия. Под его влиянием основан на общежительных началах женский Зачатьевский монастырь Василисой – Феодорой, вдовой Нижегородского князя Андрея Константиновича. Дата его основания остается спорной. Однако распространение общежительных начал происходило не во всех епархиях. В новгородских пределах преобладание особножителства еще в 20-е годы XVI века констатировал архиепископ Макарий.

Монастырская колонизация этого времени развивалась в нескольких направлениях и была связана с внутренним освоением земель. Увеличение населения, как правило, сопровождалось ростом монастырей. Появление новых монастырей вызывало приток населения, т. е. процесс был двуединым. С конца XIV века активно осваивалась Вологодская земля, тесно связанная как с Поморьем (русским Севером), так и с центральной частью России – Замосковным краем. Вологодский был особым районом Центрального Поморья, районом ранней колонизации, приведшей к большой его заселенности. Одним из первых подвижников, пришедших сюда, был преподобный Димитрий Прилуцкий, ученик преподобного Сергия Радонежского. Вначале он основал монастырь близ города Переславля-Залеского во имя святого Николая Мирликийского, где под влиянием бесед с преподобным Сергием ввел общежительный устав, неизвестный ранее на севере Руси. Вскоре он в 40 верстах к юго-востоку от Вологды основал Воскресенский монастырь на берегу реки Великой, но из-за недовольства местных жителей удалился и основал новый монастырь – Спасо-Прилуцкий, ближе к Вологде, в пяти верстах к северо-востоку от нее.

Другим центром, из которого шел поток монастырской колонизации, был Кириллов Белозерский монастырь, основанный в 1397 году, а позже – Соловецкий монастырь. Многочисленные пустыни, построенные монахами-отшельниками в XIV–XV вв. на севере России, в Заволжье, позволили позже этот район именовать «Северной Фиваидой», или «Русской Фиваидой на Севере». Пустынь возникала в отдаленной, ненаселенной, часто лесной местности, но постепенно могла превращаться в более крупный монастырь, местность вокруг которого постепенно заселялась. При этом пустынь могла иметь земельные владения и крестьян, что нарушало принцип «отвержения мира» в поисках безмолвия и уединенной жизни, так как создавалась разветвленная система связей: хозяйственных, судебных и прочих с окружающим миром. Наименование «пустынь» сохраняет память лишь о начальном периоде ее существования. При разносторонних местных уклонениях движение пустынных монастырей сохраняло свое общее направление на беломорский север. Это движение имело большое значение в древнерусской колонизации. Во-первых, лесной пустынный монастырь сам по себе, в своей тесной деревянной или каменной ограде, представлял земледельческое поселение, хотя и непохожее на мирские, крестьянские села. Монахи расчищали лес, разводили огороды, пахали, косили, как и крестьяне. Но действие монастыря простиралось и на население, жившее за оградой. Вокруг монастыря образовывались мирские, крестьянские селения, которые вместе с иноческой братией составляли один приход, тянувшийся к церкви монастырской. Таким образом, движение пустынных монастырей – это движение будущих сельских приходов. Во-вторых, куда шли монахи, туда же направлялось и крестьянское население. Не всегда можно указать, какое из этих движений шло впереди другого движения. Где монахи влекли за собой крестьян, а где было наоборот. Но очевидна связь между тем и другим движением. Поэтому направления движения пустынных монастырей могут служить показателями тех путей, по которым расходилось крестьянское население. Монах и крестьянин были попутчиками, шедшими рядом либо один впереди другого.

Распространение пустынножителства и внедрение общежительных принципов сопровождалось ростом монастырской земельной собственности и усилением экономической функции монастыря в общественной жизни. Не только в освоении территории, но и в организации производства, в

кредитовании крестьян. В исследованиях отмечается, что монастыри, прежде всего крупные, и архиерейские дома уже в XV веке добились экономического процветания, а в XVI – начале XVII века монастырское хозяйство отличалось большей устойчивостью, чем светское, оно было больше втянуто в товарно-денежные отношения, в монастырях скапливались значительные суммы денег. Крупнейшие монастыри того времени – Свято-Троице-Сергиева лавра, Кирилло-Белозерский, Иосифо-Волоколамский, Соловецкий – играли ощутимую роль в общественном производстве, были сильными хозяйственными организмами и оказывали организующее влияние на хозяйственно-экономическую жизнь своей округи. В особенности это относится к Соловецкому монастырю – центру хозяйственной жизни Поморья, имевшему к тому же и большое стратегическое значение. Он достиг расцвета при игумене Филиппе, когда велись строительные работы, был заведен железодельный промысел, усовершенствовано водоснабжение, техника кирпичного, мукомольного производства, способы приготовления кваса, улучшалось питание монахов и т. д. Монастырь имел не только промысловое, торговое, стратегическое, но также и культурное значение, его библиотека была одной из самых крупных и значительных не только на русском севере, но и во всей России.

1.7 Типы монастырей и монастырские уставы

В Древней Руси различали три вида иноческой жизни: общежитие, житие особое и отходное. Общежительный монастырь – это монашеская община с нераздельным имуществом и общим хозяйством, с одинаковой для всех пищей и одеждой, с распределением монастырских работ между всей братией. Ничего не считать своим, но все иметь общее – главное правило общежития. Отходному житию посвящали себя люди, стремившиеся жить в полном уединении, пощении и молчании. Оно считалось высшей ступенью иночества, доступной лишь тем, кто достигал иноческого совершенства в школе общего жития. Особное житие предшествовало монастырскому общежитию, и было подготовительной ступенью к нему. Оно было очень распространено в Древней Руси как простейший вид иночества и принимало различные формы. Иногда люди, отрекавшиеся или помышлявшие отречься от мира, строили себе кельи у приходского храма, заводили даже игумена как духовного руководителя, но жили отдельными хозяйствами и без определенного устава. Такой монастырь-особняк составлял не братство, а товарищество, объединявшееся соседством, общим храмом, иногда и общим духовником. Другие селились в пустыне человека по два, по три и более в отдельных кельях по соседству, образуя небольшие отшельнические поселки.

Направление, имевшее целью возрождение древнего молитвенно-созерцательного, священнобесмолвствующего монашества, традиционно связывается с именем преподобного Нила Сорского, но истоки его, как и противостояние двух направлений (сначала скрытого, внутреннего, позже открытого), значительно старше и прослеживаются уже на рубеже XIV–XV вв. Преподобный Сергей дал импульс обоим направлениям, что особенно проявилось, в деятельности одного из его учеников – преподобного Павла Обнорского, поборника безмолвия, в течение многих лет практиковавшего уединенное подвижничество, но вместе с тем создателя общежительного монастыря и одного из ранних общежительных уставов, называвшегося в его Житии «законоположением».

В конце XIV – начале XV вв. на Руси получил распространение устав Иерусалимский, более приспособленный для общежительных монастырей, и Скитский устав, предназначенный «на внешней стране пребывающим иноком», т. е. подвизающимся вне монастыря, в скитах или других уединенных обителях. Митрополит Макарий (Булгаков) полагал, что Скитский устав был составлен кем-либо из учеников преподобного Нила Сорского, однако позже устав был обнаружен среди книг преподобного Кирилла Белозерского, а совсем недавно – в других рукописях конца XIV – начала XV века. Следовательно, этот тип подвижничества возник раньше, нежели скит преподобного Нила на реке Соре. Сравнение нескольких уставных грамот 1383–1417 гг. Псковского Снетогорского монастыря показывает, что уже в то время не было одинакового понимания значения и одинаковой оценки разных типов монастырей. В грамоте суздальского архиепископа Дионисия названы два «чина» монашеского жития: «пустынный» и «общее житие». При этом со ссылкой на установления преподобного Пахомия Великого и святого Василия Великого отмечено превосходство общежительств.

Грамота представляет собой апологию общежительства, принципы которого оказались позднее нарушены. И святитель занялся их обновлением, ссылаясь на «повеление и послание» Константинопольского Патриарха Нила, привезенное им на Русь. Укрепление общежительных начал в Снетогорском монастыре, как и введение общежительства в Свято-Троице Сергиевой лавре, происходило, таким образом, с санкции Константинополя. Наиболее подробно речь идет об отношениях собственности, общности имущества, запрете личной собственности, включая иконы и книги. Грамоты показывают, что общежительство прочно не укрепилось; черты особножительства, проникавшие в общежительные монастыри, осуждались и запрещались архиереями. Нарушения касались, главным образом, отношений собственности, судьбы вкладов, внесенных в монастырь. Неотчуждаемость вкладов еще не стала общепринятой нормой, необходимо было ее утверждать специальными постановлениями.

Иное понимание иноческого подвига и типов монастырского устройства отражено в грамоте митрополита Фотия тому же монастырю, написанной около 1417 года в ответ на обращение монахов с жалобой на строгость устава архиепископа Дионисия. Сообщив, что письменного устава ктитора-основателя, на который ссылался архиепископ, не было, они просили прислать им «устав иноческого чина». Митрополит Фотий назвал не два, а три монашеских чина в соответствии с традицией восточного монашества: общежительство; средний путь – отшельническое пребывание двух или трех монахов; полное уединение, «особное каждого» «великое и жестокое житие». Позже преподобный Нил Сорский дал аналогичное определение типов иноческой жизни. Митрополит Фотий не предпочел ни один из чинов: они рядоположены, равнодостойны в деле спасения. Относительно общежительства сказано лишь, что его следует соблюдать «не словом, но делы всякими». Главное внимание в грамоте митрополита Фотия уделено не дисциплинарным предписаниям и отношениям собственности, но духовной стороне подвижничества, напоминанию о том, что монашеский чин есть «великое ангельское подобие», «великий ангельский образ». Монахи призваны давать мирянам «образ жития честного своим непорочным и совершенным житием». В уставе митрополита рекомендовалось нераскаявшихся нарушителей не изгонять, но «врачевать духовно лечбою духовною, яко искусник врачеве, зельем духовным раны исцеляюще». Уставная грамота митрополита Фотия была известна преподобному Евфросину Псковскому. При создании общежительного устава он заимствовал из нее отдельные положения и фрагменты. Но в целом Евфросин Псковский следовал грамотам Суздальского и Новгородского архиепископов, защищая принципы общежительства. Запрет на проникновение в общежительные монастыри отдельных порядков особножительства служил предметом обсуждения в монашеской среде и неоднократно нарушался, монахи часто сопротивлялись строгостям общежительства и настаивали на сохранении некоторых норм особного жития, объем которых, надо полагать, был разным. Это вызывало суровое обличение и осуждение другой части монахов. Устав преподобного Иосифа Волоцкого, так же как и устав преподобного Евфросина, защищает принципы общежительства, запрещает личную собственность.

1.8 Основные принципы скитского жития по древним источникам

В историографии не существует единого взгляда на то, что можно считать скитом. В соответствии с поздней традицией Русской Церкви XIX–XX вв. под скитами часто подразумеваются уединенные монашеские кельи, находящиеся на небольшом удалении от основного монастыря. Здесь подвижники живут по более строгому уставу, посещение скита мирскими людьми строго ограничено. Традиция скитского жития восходит к первым векам монашества, основатель которого в Египте преподобный Антоний Великий после 20 лет затвора, как сообщает его житие, жил в окружении своих учеников. Хотя это не был скит со своим определенным уставом и правилами жизни, но в нем соблюдался основной принцип скитского жития – иноки всегда могли пользоваться наставлениями своего старца и спасались рядом с ним.

Одновременно с Египтом скитская форма монашеской жизни распространилась и в Палестине. Первые палестинские лавры (первоначальное палестинское название монастырей скитского типа) со строгой уставной жизнью основал преподобный Харитон. В описании пресвитера Руфина, жившего в Египте в 70-х годах IV века, названы основные принципы организации жизни монастыря скитского типа: уединение каждого инока, общее богослужение раз в неделю, малая соборность (в скиту живет по

несколько иноков), возможность получить духовное наставление. Пресвитер Руфин сообщает, что «тот, кто одарен особым даром назидания», может зайти «к кому-либо со сладостным словом утешения». На расстоянии суточного пути от пустыни «Келлий», как описывает Руфин, находилась «местность, называемая Скит». Некоторые исследователи предполагают, что название «Скит» происходит от коптского слова «Schiet», что значит «пространная равнина». Монастырь, основанный здесь в IV веке преподобным Макарием Великим, получил такое же название. Впоследствии подобные ему по укладу жизни и духовному строю монастыри стали называться скитами. Принципы жизни скита и монахов пустыни «Келлий» были похожи, но сами условия жизни в скиту отличались еще большей суровостью. В описании Руфина скит Преподобного Макария Великого выделен как наиболее высокий уровень монашеского жития: «Там живут только мужи, уже усовершенствованные в духовной жизни. Кто же иначе может жить в таком страшном месте, кроме людей, обладающих бесповоротной решимостью и совершенным воздержанием». Многих исследователей интересовал вопрос о святоотеческих источниках аскетических сочинений преподобного Нила Сорского, так как его «писания» не имеют себе аналогий в истории русской духовной литературы. Представляет интерес и вопрос о том, на какие примеры монастырского устройства ориентировался преподобный, создавая свой скит, ведь он был устройтелем нового для истории русского монашества типа монастыря. Высказывается мнение, что скит – это фактически идиоритм, то есть особножитие. Другие наоборот, считают, что в скитской форме монастырского жития можно найти много черт общежительности. Таким образом, вопрос, что можно считать скитом, остается в историографии нерешенной. Зримой особенностью всех скитов является их местоположение. Если киновии, более раскрытые миру по своему характеру, как правило, стоят на открытых возвышенностях с плодородной почвой, в окружении озер и рек, то скиты и лавры, как и кельи отшельников, обычно устраивались в «пустыни». Так могли называться горные ущелья, лесные дебри, главное, – это были места необитаемые, пустынные, труднодоступные и малопригодные для жизни. Показательно сравнение местоположения афонских скитов и общежительной лавры Преподобного Афанасия Афонского. Традиция «пустынного» расположения скитов не случайно устойчиво сохранялась. Ничто, даже красота видимой природы, не должно было отвлекать подвижника от безмолвия, созерцания, изучения Божественных Писаний – единственного источника Богопознания.

Жизнь в пустыни, помимо тягот и лишений, имела особый духовный смысл. В Евангелии дикие, необитаемые места представляются местопребыванием злых духов: «Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя». Поэтому «духовная брань», которую выдерживали подвижники в пустыни, считалась самой жестокой. Образ «пустыни» в Священном Писании имеет также прообразовательное значение будущей процветшей земли. «Возвеселится пустыня и сухая земля, и возрадуется страна необитаемая и расцветет как нарцисс; великолепно будет цвести, и радоваться, будет торжествовать, и ликовать». Это место из Книги пророка Исая включено в состав церковной службы на праздник Богоявления как пророчество об оживлении и возрождении человечества, бывшего сухой и бесплодной пустыней, совершившегося благодаря Спасителю. Чтобы понять, что есть скит, и какой тип монастыря устраивал на Руси преподобный Нил Сорский, ниже мы рассмотрим традицию скитского жития и Нило-Сорский скит в русле этой традиции.

1.9 Аскетические традиции в древневосточных церквях

Подвижничество в древних восточных церквях основано на общих для всего христианского мира аскетических принципах. Но в нем ярко выразились как этнические и культурные особенности народов этого региона, так и крайности тех учений, которые в свое время отделили их от вселенского православного единства, – несторианства и монофизитства. Монахи-несториане ведут свое начало от Евгения, современника Нестория. Перед тем, как Евгений основал свой монастырь в Сирии, близ Нисибии, он подвизался в египетских обителях. Поэтому аскетическое направление сирийско-месопотамского несторианского монашества первоначально основывалось на строгом молитвенном подвиге по образцу египетских монастырей. Монахи участвовали во всех дневных службах. Пищу принимали два раза в день – в полдень и при закате солнца, причем мясо исключалось, а вино употребляли только в случае болезни. Одежду носили лишь двух видов: грубую шерстяную зимой и льняную летом. Спали на голой земле, не раздеваясь. Постель делали только для больных.

Монастыри, основанные учениками Евгения, были также и центрами миссионерства в языческие страны.

Но рационалистический дух несторианства не способствовал усилению аскетического энтузиазма. Из учения Нестория, видевшего лишь связь, а не единение божественной и человеческой природы во Христе, логически вытекала невозможность постоянного обитания Бога в человеке, что снимало саму задачу аскетизма. Ко второй половине VI века несторианское монашество заметно поредело, утратило свое влияние, и было реформировано по менее строгому, общежительному, принципу. Это сделал Авраам Великий. Его монашеские правила были составлены по образцу устава святого Пахомия (чередование чтения и молитвы, труда и развлечений, также сильно смягченного). Однако решающего влияния на укрепление монашества не оказали и эти правила, тем более что они не были обязательными – за нарушение их не устанавливалось никаких наказаний (епитимий). Авраам лишь советовал поступать с нарушителями по евангельской заповеди, т. е. отвращаться от невнимающих обличениям. Продолжали редеть и ряды реформированного монашества. Наконец, в XIV веке митрополит Нисибийский Абедиеза позволил монахам брак. Принятие монашеских обетов несториан прекратилось. Перестали существовать и монастыри. Существуют лишь отдельные подвижники, которые избрали уединенную жизнь по собственному почину.

Монофизитское учение, ставившее человеческую природу Христа в подчиненное положение по отношению к божественной природе, наоборот, предполагало самую суровую аскезу по отношению к плоти как единственную возможность человеческого служения Богу. Было распространено отшельничество. Но и в общежительных монастырях образ жизни был до фанатизма строгим. Так, в монастыре Иоанна Амидского, одном из крупнейших, жизнь монахов проходила главным образом в молитве – общей и частной. Все буквально соперничали друг с другом в бдении. Одни опирались на жезлы, другие на стену, третьи подвязывали себя под мышки веревками, наконец, юные и старые сидели, но не уходили. В монастырях многие монахи жили на положении келиотов. Аскеза келиотов была предельно строга: некоторые спали по два часа в сутки, носили вериги, пищу их составляли хлеб, вода и бобы, иногда овощи. С течением времени первоначально очень распространенные у монофизитов Сирии крайние формы аскетизма, фанатические и даже уродливые, вытеснялись более умеренными формами, близкими по строю к православному монашеству. Этот процесс происходил на фоне постепенного сближения с православными и в области догматики. С XIII века большинство монофизитских монастырей Сирии жило по киновиальным правилам святого Василия Великого. Количество затворников в монастырях значительно уменьшилось, а столпничество и отшельничество исчезли совсем. Православным исследователям конца XIX века аскетизм монахов-монофизитов уже не представляется чрезмерным.

В армянской церкви вначале наиболее распространенным было суровое аскетическое направление «босков» – «пасущихся» (т. е. питающихся только дикорастущей зеленью). Почти одновременно пришел в Армению и египетский устав святого Пахомия. Но католикос Нерсес I предпочел ему более обоснованный общежительный устав святого Василия Великого, полностью вытеснивший в дальнейшем устав святого Пахомия. В X–XIII вв. было построено много крупных монастырей (Татев, Санаин, Ахпат, Гегард и другие), все – с уставом святого Василия. Именно в это время наблюдался расцвет монашества в Армении, связанного с традиционной строгой аскезой. Тяготение к строгим дисциплинарным формам аскезы с особой силой снова проявилось в Армении в XVII веке, но уже как реакция на упадок традиционного монашества. Однако и самая детальная регламентация всех сторон жизни подвижников, вплоть до формы монашеской одежды по чину каждого, могла лишь на время упорядочить жизнь монашества. Для того же, чтобы обеспечить долговременные результаты, внешние меры были недостаточны. Поэтому аскетическое возрождение XVII века в Армении оказалось недолгим. В настоящее время армянские монастыри руководствуются правилами святого Василия Великого, но монашеских обетов их насельники уже не дают. Монастыри фактически стали общинами целибатного духовенства, готовящими для общецерковного служения проповедников и иерархов.

Коптские монахи-иаковиты унаследовали формы строгого подвижничества великих египетских аскетов святых Антония и Макария. На протяжении веков коптские монастыри не знали общежития – у каждого инока была своя хижина-келья. Всякий желающий стать монахом выдерживал трехлетнее испытание. Главным направлением духовной жизни иноков был молитвенный подвиг. Элементы быта сводились к минимуму: спали монахи на голой земле, не снимая одежды, пищей служили овощи (но

поскольку основным средством содержания монастырей было подаяние, и монахи часто странствовали, вне монастыря им разрешалось есть все предлагаемое). Если у монастырей были свои земли, они не обрабатывались, а сдавались в аренду, чтобы не отвлекать иноков. Но в некоторых коптских монастырях уже в IV–V вв. существовала четкая деловая организация, позволявшая в трудные времена не только содержать обители, но и принимать в их стенах нуждающихся в помощи мирян. Такое сочетание созерцания и деятельности возрождается в современном коптском монашестве, которое сейчас находится в состоянии духовного подъема, постоянно возрастает в численности и оживляет древние монастыри. Одним из обновленных монастырей стала обитель, созданная еще в 360 году в Нитрийской пустыне преподобным Макарием Великим. Монастырь с тех пор никогда не пустовал. По образцу Нитрийской обители предполагается восстановление и других древних монастырей Коптской церкви. Большое значение имеет просветительская деятельность монастыря. Сами монахи постоянно изучают современную богословскую литературу. Особый интерес проявляют к православию как к его древним традициям, так и к русской религиозной философии XX века.

Аскетические традиции Египта стали истоками подвижничества для Эфиопии, принявшей христианство в IV веке от коптских проповедников. Монастыри располагались в основном в труднодоступных горах. Отсюда в названии большинства обителей слово присутствует слово «дебре» – гора. Общежительный устав первого из них – Дебре-Дамо, был полностью скопирован с устава Святого Пахомия. В таких монастырях практиковалось чередование труда и молитвы, но с преобладанием труда. Занятые в храме или в совете ели только один раз в день, а работающие – два раза. Неработающим без уважительной причины не давали есть вообще. С середины XIII века духовное делание стало включать в себя переписку книг. Эфиопские монастыри, основанные в это время, в отличие от древних, стали образовательными и культурными центрами. Особо важное место занимало отшельничество. Кельи отшельников ставились вокруг монастырей наподобие передовой цепи войска. Самым распространенным было скитское монашество. Акцент в нем, как и у коптов, делался на индивидуальном духовном подвиге. Эта форма подвижничества предоставляет монаху полную самостоятельность в устройстве своей внешней и внутренней жизни. Но, несмотря на неизбежные при такой свободе злоупотребления, в целом для эфиопского иночества характерно стремление к самой строгой жизни. Так, даже сан архимандрита у них означает не начальствование в монастыре, а более высокую степень подвижничества, связанную с произнесением новых обетов, и поэтому дается любому желающему. Монашеский постриг буквально уподобляется постригаемого покойнику: его закутывают в пелены, кладут в гроб и в течение двух часов читают над ним Псалтирь. Постриг принимает далеко не каждый подвижник, живущий в монастыре. Кроме того, в Эфиопии было и есть множество людей, ведущих монашескую жизнь в миру. Приняв постриг от какого-нибудь старца, такой подвижник, оставаясь в своем доме и в своей одежде, меняет лишь образ жизни. При невозможности его продолжать монах снова становится мирянином. Такие переходы для эфиопов не затруднительны и не считаются предосудительными. Монашество и в современной Эфиопии очень распространено. Оно имеет огромное влияние на народ, который обращается в обители за помощью во всех затруднительных случаях жизни.

Таким образом, принимая любую «форму», Церковь в своем сознании возвращала Богу то, что Ему по праву принадлежит, всегда и во всем восстанавливая «падший образ». Иными словами, вопрос нужно ставить не о том только, откуда и почему восприняла Церковь ту или иную «форму», а о том, каким содержанием ее наполнила. Особенно интересно с этой точки зрения храмостроительство и градостроительство. Начиная с Константина, христианский храм воздвигается уже на виду у всех, перестает быть местом полутайных собраний, чтобы постепенно стать средоточием всей религиозной жизни города. В Константинополе, новой своей столице, которая была торжественно «открыта» в 331 году, Константин положил начало тому плану христианского города, который определит собой все градостроительство христианского средневековья. Это город, мистический центр, или сердце, которого – храм. Храм увенчивает город своим куполом или покрывает его своей священной тенью. По всей видимости, эта идея заимствована из язычества и историки до сего времени спорят о том, что вдохновляло Константина при перестройке им древней Византии: видение священного центра Христианской Империи или же отголоски старых мечтаний о «философском граде». Именно в Византии выкристаллизовывается идея архитектурно-планировочной композиции монастыря. Идея

центричности пронизывает все монастырские комплексы, размещены ли они в самом Константинополе, в завоеванных армянских царствах, в Греции, на Святой горе Афон или же в славянских Болгарии и Сербии.

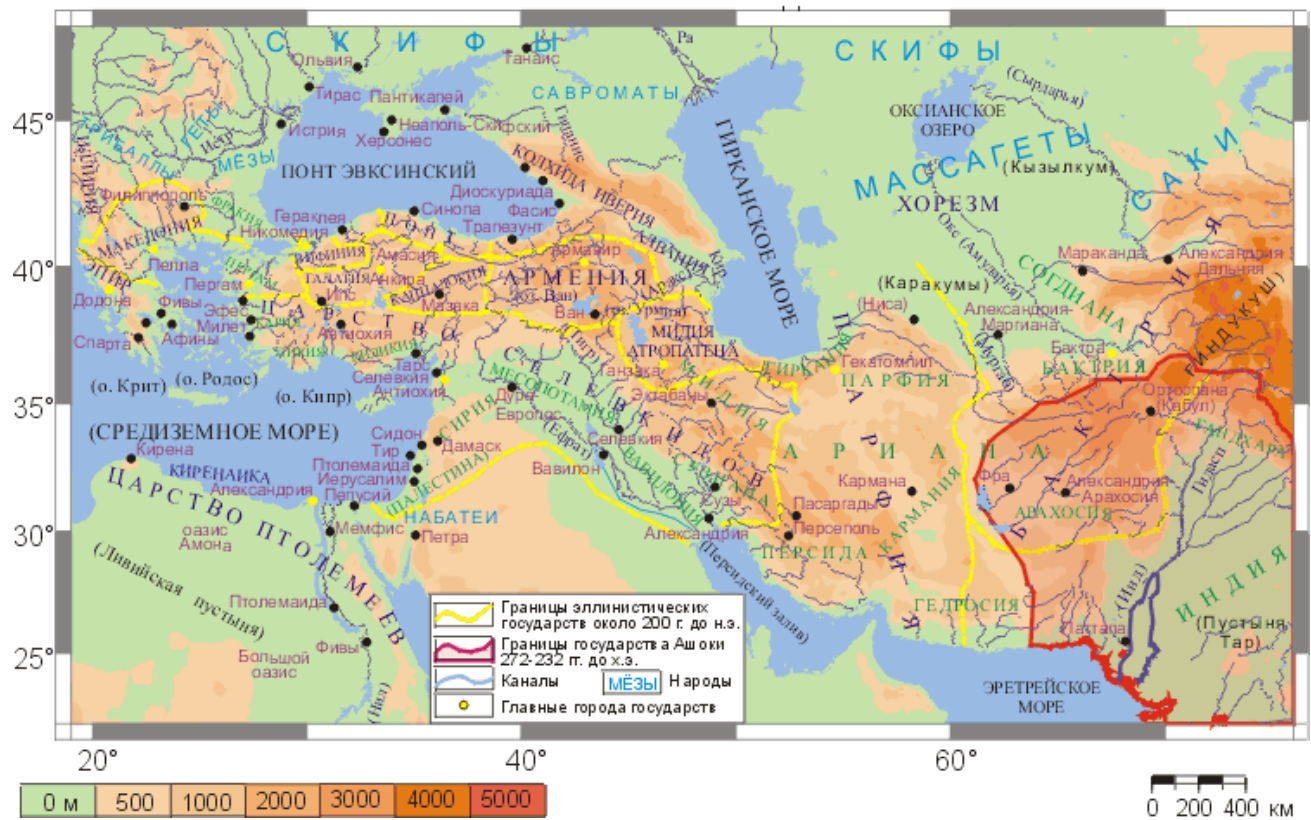

Рисунок 1.1 – Эллинистические государства

Рисунок 1.2 – Карта Византии (IV – XV века)

Рисунок 1.3 – Славяне и Византийская империя

Рисунок 1.4 – Славяне и их соседи

Рисунок 1.5 – Восточная Европа в X веке – первой половине XI века

Рисунок 1.6 – Киевская Русь в IX веке

2 НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРАВОСЛАВНЫХ МОНАСТЫРЕЙ И ИХ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ

2.1 Монастырские комплексы на территории современной Греции

Греческие монастыри в V–XI вв. Монастырское зодчество образует самостоятельную область и широко развивается с XI века. Архитектура монастырских храмов, каковы бы ни были их особенности, представляет собой составную часть церковного зодчества. В целом же монастырский архитектурный ансамбль сближается по своим типологическим свойствам со светским строительством. Укрепления и хозяйственные здания подвергались непрерывным обновлениям и перестройкам. Поэтому, даже располагая несомненными сведениями об основании многих важнейших греческих монастырей в IX–XII вв., следует воздерживаться от описания сохранившихся конкретных памятников утилитарного монастырского зодчества. С уверенностью можно говорить лишь о формировании типов и особенностей композиции этих сооружений.

Итак, греческий монастырь представляет собой комплекс построек, обнесенных крепостными стенами с башнями. Глухая снаружи стена открывается во внутренний двор арочными ячейками-кельями. Ее конструкция и композиция служат укладу монастырского общежития. В середине монастырского двора обычно располагается храм (католикон). Здесь же размещаются хозяйственные сооружения. Их ассортимент определен надобностями монашеского быта: кухня, пекарня, трапезная, больница, богадельня, баня и прачечная. Присутствует архитектурно оформленный источник, цистерна, библиотека, помещение с очагом, где зимой греются монахи, а так же иные постройки. Постройки эти связаны с родом хозяйства, которое ведет данный монастырь – лодочная пристань в приморском монастыре и т. п. Большинство сохранившихся утилитарных построек выполнено из кирпича и грубо околотого камня, то есть в той манере, которая в Средние века, распространилась в монастырском зодчестве Греции. Таков монастырь Дафнии около Афин (рисунок 2.1). Остатки стен и монастырских зданий V–VI вв. позволяют определить границу территории монастыря, которая в плане представляет собой почти квадрат. Центр монастыря занимают церковь Успения Богоматери и трапезная. Главный вход в монастырь расположен в западной стене и ориентирован на главное сооружение монастыря – его соборный храм.

Впрочем, в плане монастырские стены образуют и прямоугольники, и треугольники, либо иную многоугольную форму. Очертания их сплошь и рядом зависят от рельефа местности. Подавляющее большинство монастырей сооружается за пределами населенных мест – в долинах, на склонах гор, охватывая большой скалистый массив. Здесь господствует своего рода живописный способ сочетания архитектуры и ландшафта, в отличие от античного зодчества, предпочитавшего завершать своими произведениями невысокие холмы. В создающемся таким образом ансамбле архитектура ни в коей мере не выглядит олицетворением человеческого начала, венчающего собой благорасположенную к человеку и очеловеченную сакрально природу. Средневековый греческий монастырь «вписывается» в рельеф, его архитектура в известной мере срачивается с природой.

Монастырские постройки складываются из серого камня и кирпича. Их стены и черепичные крыши однородны окружающему ландшафту. Здания монастыря Хосиос Лукас спрятаны в скалах, и даже план монастырской церкви Теотокос (Богоматери) изменил свои очертания, подчиняясь рельефу местности. Небольшие постройки монастыря Кесариани, окруженные зеленью, словно бы «приживлены» к склону горы. Сооружения монастыря Астери врезаны в каменные осыпи и не сразу различимы на их фоне. Силуэт построек выглядит частью скал, обретших упорядоченные очертания.

Словно бы одна рука слепила горы, долины и постройки, придав каждому из этих явлений свою форму.

Пожалуй, можно считать, что такое соотношение архитектуры и природы обуславливается назначением монастыря. Античные святилища служили местом многолюдных празднеств; монастырь же предназначен для молитвенного уединения. За всем этим стоит понимание природы и человека. Архитектура представляет собой в этом плане часть единого пейзажа с фигурами и строениями, где человек и его строения наделяются, однако, особым смыслом.

Греческие монастыри в XII–XV вв. XIII век был роковым для Византии. Восточная Европа и Восточное Средиземноморье попали в жернова двух исторических сил. Полчища Чингисхана, а затем Тимура вторгаются в Европу, на Ближний восток, а после выходят к берегам Средиземного моря. Но еще раньше венецианские корабли высаживают у стен Константинополя рыцарей IV крестового похода. Латиняне 12–13 апреля 1204 года взяли штурмом и разграбили Константинополь. Византийская империя перестала существовать. И все же в XIII–XV вв. продолжают жить и возникать заново небольшие монастыри в городах, их пригородах и в сельских местностях. Но все больший вес получают крупные монастырские центры. В годы непрерывных войн и вторжений иноземцев они приобретают значение убежища, укрытого в отдаленной, пустынной и труднодоступной местности – в горах или на острове. Афон со своими непрерывно разраставшимися укрепленными монастырями, построенными на мысу, далеко вдающемся в море, был подготовлен к этой роли (рисунок 2.2).

В истории Афона первым по времени возникает отшельничество, затем – общежитие, хотя последнее и рассматривается как образ жизни для начинающих, предваряющий отшельничество. В X же веке вследствие упадка жизни отшельников святой Афанасий создал на Афоне общежительную лавру. И это положило начало борьбе двух мировоззрений на подвижничество. Борьба длилась несколько сот лет, вследствие чего духовная сторона ослабла. Но причиной было не столько внутреннее разногласие, сколько внешние потрясения и разорение Афона. В 1204 году во время IV крестового похода Афон был захвачен. Папа Иннокентий III присоединил весь Афонский полуостров к своим личным владениям. В 1313 году Афон был освобожден от латинян. Все эти потрясения неблагоприятно отразились на внутренней жизни Афона, однако духовное деяние не было там утеряно окончательно. В XIII и XIV вв. происходит новое духовное возрождение всего Востока, и в том числе Афона, который становится одним из духовных центров. Святая Гора в это время была оплотом не только православного подвижничества, но и самого православия. Сюда стекались люди со всех концов не только православного, но и всего христианского мира. Издревле Афон образовывал многолюдную монашескую республику с большими земельными владениями в разных местах Балканского полуострова.

Духовная жизнь монастыря замкнута в себе. Его организм способен только к самоповторению и охранительному сбереганию культурных ценностей и традиций. Монастырскому архитектурному творчеству в этот период не свойственны стремление к открытиям, попытки мыслить большими категориями, отклики на исторические перевороты. Изменения, которые происходили ранее в архитектуре греческих монастырей, были в конечном счете производными от перемен в большом государственном искусстве. Монастырский уклад породил свои типы хозяйственных и бытовых построек, придав свое истолкование общепринятым видам сооружений. Но не внес ничего в создание архитектурных явлений, в которых отражались бы сдвиги крупного мировоззренческого порядка. Как только замирает движение в архитектуре страны в целом, так омертвевает и мысль монастырского зодчества.

Афонские монастыри возникают вновь, перестраиваются после многочисленных пожаров, обновляются. Следует отметить, что в отличие от церковной архитектуры, композиция всего монастырского комплекса была областью более живого архитектурного творчества. Смысл и назначение монастыря как укрепленного укрытия получили выражение в архитектурной форме. Едва ли не самым ярким примером тому может послужить монастырь Симона Петра, основанный в XIV веке. Его башнеподобные постройки громоздятся на краю обрыва над морем, здания словно бы вырастают из скал. Тяжелые стены рождают ощущение неприступности этих сооружений.

Умение расположить монастырь в пейзаже и тем самым не только решить утилитарную задачу – задачу защиты, а одновременно создать живописную архитектурно-ландшафтную композицию достигло больших высот в Метеорах (рисунок 2.3.). Святые Метеоры – это монашеская страна в горах, расположенных примерно в 20 километрах к северу от города Трикала. Выбранное для монастырей

место удивительно само по себе. Над плоской долиной Трикалы, защищенной горами от ветров и заполненной летом неподвижным раскаленным воздухом, а зимой покрытой снегом, высятся черные скалы.

Грандиозные скалы, устремляющиеся ввысь с ровной поверхности и достигающие высоты 400 м, представляют собой редкостное геологическое явление. Изваянные самой природой, эти удивительные, массивные, как бы зависшие в воздухе скульптуры получили название Метеоры от греческого слова «метеорос», или парящий в воздухе. Здесь, на вершинах скал, над головокружительной кручей сооружены метеорские монастыри. Маленькие, слитые со скалами, эти постройки не только не господствуют над природой, но даже не сосуществуют с ней. Они прилепились к горам, как улитки к камню. Кажется, что эта архитектура проникнута чувством благодарности к природе, оберегающей ее уединение и служащей надежной защитой. Доступ в монастыри Метеоры нарочито затруднен. В женский монастырь Святого Стефана можно попасть с горного плато, только перейдя по мосту через глубокую расселину. В мужской Спасо-Преображенский монастырь, возведенный на вершине узкой скалы, вообще не было входа: в него поднимались в корзине, которую монахи тащили вверх на веревках.

Неприступные, полностью отрезанные от мира вершины скал стали приютом отшельников еще в XI веке. Три столетия спустя здесь возникли первые монастырские общины. Расцвет монашеской страны приходится на XVI век. В это время действовало 24 монастыря, множество часовен, одиночных келий, аскитариев. В наше время действующими являются 6 монастырей. На самой высокой и большой по площади скале находится Спасо-Преображенский мужской монастырь, основанный около 1340 года. Главный собор монастыря – Спасо-Преображенский храм – типичный образец византийского храма с двенадцатигранным куполом. Рядом с большим плато стоит небольшая по своей площади скала с мужским монастырем Варлаама, первым обитателем которой был аскет-отшельник Варлаам, живший в XIV веке. Монастырь был основан в 1517 году. На одной из характерных для Святых Метеор отдельно стоящих скал гнездится мужской монастырь Святой Троицы, основанный в 1438 году. Монастырь Святого Стефана – маленькая женская обитель, основанная в XV–XVI вв., Главный собор монастыря – храм Святого Хараламбия, построен в 1789 году. В самом центре Святых Метеор находится женский монастырь Русану, основанный в 1517 году. Монастырь Святого Николая Анапавса – мужская обитель, основанная около 1500 года.

2.2 Монастырские комплексы восточных славян и Древнерусского государства

Монастырское строительство конца X – первой половины XI века в Киеве. Во второй половине IX века сложилось могущественное Киевское государство, охватившее восточнославянские земли от среднего течения Днепра и Дона до Ладожского озера и от среднего течения Западной Двины до нижнего течения Оки. Расцвет Древнерусского государства относится ко времени княжения Святого Владимира (980–1015 гг.) и сына его Ярослава (1019–1054 гг.). К этому времени уже сложились крупнейшие для того периода торгово-ремесленные и административные центры Киевской Руси – города Киев, Чернигов, Полоцк, Новгород и другие. Приняв христианство в его православной редакции и став единоверцами греков и южных славян, русские открыли себе доступ к пониманию всей сложной византийской символики и всех тонкостей греческого богослужения. Византия, выступившая прямой преемницей Римской империи, была самым крупным и наиболее культурным средневековым государством. «О разукрашенных мозаиками и росписями византийских храмах, о драгоценной византийской утвари, о блеске ромейского двора, о роскоши и комфорте царградских дворцов, об ослепительном великолепии византийской церковной службы... феодальные властители мечтали всюду – и на берегах, окутанных туманом скандинавских рек, и в крепких бургах Германии, и в донжонах Франции»... Все, что было связано с византийской придворной культурой, казалось неотразимо привлекательным. Усвоить принципы византийского искусства стремились буквально во всех странах, но далеко не всем это было под силу. Киевская Русь сумела блестяще решить эту задачу. Она не только сделала византийское наследие своим достоянием, она творчески переработала его и подчинив новым задачам. Греческим мастерам приходилось считаться с местными требованиями и запросами. И процесс обрусения византийских форм четко наметился уже на ранних этапах развития, привел к тому, что византийские формы неизменно приобретали на русской почве ярко выраженный

русский отпечаток. Каменная архитектура Киевской Руси быстро достигла высокого совершенства и своеобразия.

Это время первого соприкосновения и соревнования каменной византийской архитектуры и традиций русского деревянного зодчества. Архитектура X–XI вв. пока еще лишена сурового монашеского духа. Динамичность масс храмов, двухцветность фасадов, обогащенных игрой светотени, золото куполов придавали внешнему облику храмов дух праздничного величия. И только в XI–XII вв. церковь проникает в толщу городского и сельского населения, строятся небольшие приходские храмы в городах и княжеских селах. Наконец умножаются монастыри, предъявляющие свои особые требования к архитектуре монастырского храма и ансамбля. Эти новые условия изменяют не только типологию, но и сам характер архитектуры, приводя, в конечном счете, к существенному изменению стиля. Новые художественные явления связаны, в первую очередь, с киевскими монастырями, число и значение которых быстро возрастает. Вслед за монастырями Ирины и Георгия, основанными Ярославом, его сын Изяслав (Дмитрий) Ярославич закладывает в 1051 году Дмитриевский монастырь; в середине XI века получает начало Печерский монастырь; в 1070 году князь Всеволод (Михаил) Ярославич основывает Михаило-Архангельский Выдубицкий монастырь; строит свой Симеоновский монастырь и третий член «триумвирата Ярославичей» Святослав Ярославович. К сожалению, с полной достоверностью осветить ранние этапы возведения монастырей не представляется возможным. В основном сохранились отдельные сооружения, оставшиеся от монастырских комплексов и, как правило, – монастырские соборы. Не сохранились монастырские ограды, которые могли бы указать нам границы занимаемой территории. Не сохранились до наших дней ни здания, в которых проживали монахи, ни подсобные и хозяйственные помещения, которые смогли бы пролить свет на пространственную композицию вышеназванных монастырей. Причина, по-видимому, здесь в том, что для возведения этих сооружений, как второстепенных, использовалось дерево. Анализ размещения монастырских соборов на плане Киева X–XI вв. показывает, что монастыри размещались непосредственно на территории Города Владимира, а позднее и Города Ярослава, под прикрытием городских стен. При их размещении учитывалось восприятие их главных сооружений с реки Днепр, и поэтому все они тяготеют к его берегу (рисунок 2.4). Монастыри эти были княжескими. И строительство их многие исследователи рассматривают в контексте общей политической программы великих князей – программы, направленной на укрепление государственности. Комплекс монастыря, его соборный храм являлись как бы материализованной моделью мироздания. Они были призваны помочь языческой Руси усвоить все тонкости христианского мировоззрения о структуре мира и его общественном устройстве.

2.3 Архитектура монастырских комплексов периода феодальной раздробленности Руси в XII–XIII вв.

Процесс экономического и политического обособления отдельных русских земель, начавшийся еще в XI веке, завершился во второй четверти XII века раздроблением Руси на ряд самостоятельных, независимых от Киева феодальных княжеств (рисунок 2.5). Феодальное дробление на обширной территории Руси способствует формированию и укреплению местных политических, экономических и культурных центров. Быстро развиваются и застраиваются стольные города удельных княжеств. Формируются местные строительные артели, хорошо знакомые с условиями своих княжеств, строительными материалами и художественными традициями. Это способствует зарождению разных архитектурных школ. Эти школы, опираясь на опыт предшествовавших поколений мастеров, вырабатывают свои технические приемы и вносят местные особенности в архитектуру монастырей.

С победой феодальных отношений изменяется и характер идеологии и, прежде всего, самого православия. Эстетика времен Владимира кажется греховной и суетной. Христианство прошлой эпохи, включавшее еще немало от языческих верований, превращается в религию отшельников и монахов, проникнутую аскетизмом. В монастырях создаются соборные храмы, которые не могут идти в сравнение с огромными городскими соборами Киева и Новгорода. Они гораздо скромнее их по отделке и масштабам, строже и суше по художественному выражению.

Монастыри Приднепровья и западнорусских княжеств в XII–XIII вв. Устойчивость внутреннего положения, экономические и политические успехи способствуют интенсивному монастырскому строительству во втором по значимости после Киева городе Приднепровья –

Чернигове. Ряд сохранившихся до наших дней монастырских соборов и церквей представляет собой наиболее характерные постройки этого периода. Соборный храм во имя Успения Пресвятой Богородицы Елецкого Свято-Успенского женского монастыря особенно типичен. Собор – шестистолпный, трехапсидный, с позакомарным покрытием, в западной части его устроены хоры, на которые ведет лестница, находящаяся в толще западной стены. Простой, увенчанный одной главой, объем собора не имеет никаких пристроек: крещальня входит в основной массив и помещена в юго-западном углу под хорами. Снаружи собор представляет собой простой статичный архитектурный объем, стены которого имели небольшие оконные проемы, главным образом в верхней части. К лопаткам, за исключением угловых, приставлены широкие полуколонны. Барабан купола украшен тонкими кирпичными тягами, соединенными между собой арочками. Монастырь был сожжен Батыем и до 1445 года был в запустении. В 1445 году монастырь был восстановлен князем Иваном Можайским. Вновь был разрушен польскими войсками Константина Острожского. Восстановление православного монастыря начинается с 1657 года после изгнания доминиканцев и иезуитов. Охарактеризовать первоначальную архитектурно-пространственную композицию всего комплекса монастыря, вследствие многочисленных переделок, не представляется возможным.

Собор Пятницкого монастыря в Чернигове – храм, столь необычный в рамках недавних представлений о путях развития русского зодчества XII–XIII вв., свидетельствует, что уже в это время русская архитектура начинала выработку общерусских национальных форм (рисунок 2.6). Пятницкий храм в Чернигове, который, возможно, был создан прославленным зодчим Петром Милонегом, завершает процесс переработки русскими мастерами канонической крестово-купольной схемы. Его строитель выступает как новатор, утверждающий новые идеалы храмовой архитектуры. Четырехстолпный одноглавый храм имеет необычную, почти центрическую, динамичную композицию. Высота его в два раза превосходит ширину. Развитие объемов вверх органично сочетается с конструктивными особенностями. Подпружные арки и части сводов, на которые опирается барабан, сильно приподняты над сводами боковых нефов. Вследствие этого снаружи средние своды поднимаются уступами к барабану, который вырастает подобно цветку из венчика полукружий. Динамичность масс усилена опущенными крайними лопатками. Угловатые ячейки храма перекрыты полуцилиндрическими сводами, которые как бы начинают движение криволинейных покрытий с углов к середине фасадов и к центру – главе (соответственно этому барабан вынесен кверху). Снаружи конструкция выражена вторым ярусом закомар, отражающих ступенчатые подпружные арки. Наконец, над ними, в основании барабана по осям храма поставлены четыре чисто декоративных кокошника. Так родилась трехлопастная закомара. Центричность построения объемов акцентируется решением фасадов, представляющих собой не самостоятельные участки стены – прясла со своими осями симметрии, а целостную композицию, подчиненную одной центральной оси.

Общий замысел храма был исключительно ярок и своеобразен и, противореча господствующему течению, где утверждался образ незыблемого и замкнутого в себе «кубического» храма, отрицал его во имя новых художественных идеалов. Оригинальность объемно-пространственной структуры храма Праскевы Пятницы, не имеющей аналогов в византийском и западноевропейском зодчестве, усиливается необычайной красочностью внешнего ее вида. Храм – убедительное свидетельство знакомства черниговских зодчих с архитектурой соседних стран. Так, безвестные строители приближают профили дверных обрамлений к перспективным романским порталам, талантливо претворяют готические веяния в формах пучковых лопаток и незначительной стрельчатости закомар. Здание может служить ярким примером целенаправленного поиска русскими мастерами вертикальной композиции храма.

Более ранним примером каменного храма с ярусной композицией верха является собор Спасо-Евфросиньевского монастыря в Полоцке (рисунок 2.7) Этот памятник имеет выдающееся значение в истории русского зодчества той поры. Мастер Иоанн пошел по тому же пути критического переосмысления крестово-купольной системы храма, о котором говорилось выше в связи с храмом Праскевы Пятницы Пятницкого монастыря в городе Чернигове конца XII века. Но полоцкий зодчий работал в середине XII века и был одним из пионеров этой идеи. Спасо-Евфросиньевская церковь была построена как соборный храм Спасо-Евфросиньевского монастыря и своим продолговатым планом с одной выступающей апсидой несколько напоминает церковь Благовещения в Витебске. Однако это совершенно оригинальный памятник, все особенности которого связаны с эффектной композицией его верха. Барабан купола поднят над сводами храма на высоком квадратном постаменте, с дополнительным ярусом закомар. Зодчий Иоанн стремился создать торжественный башнеподобный

архитектурный монумент, памятник – реквием. Пониженный нартекс с запада и массивная апсида с востока образуют «ступени», подводящие к повышенному основному объему храма, приобретающего в целом сложный, башнеобразный характер.

Сначала церковь имела позакомарное покрытие основного объема. Впоследствии оно было заменено двухскатной кровлей. Древним закомарам соответствуют три полукружия на южном и северном фасадах. Сильно выступающая полукруглая апсида ритмично расчленена шестью тонкими полуколоннами. На барабане в простенках узких арочных оконных проемов выполнены прямоугольные в сечении лопатки. Храм сохранился почти целиком и перестроен преимущественно в верхней части. Результатом переделок в 1833 году является замена позакомарного покрытия настенным, введение в оформление оштукатуренных фасадов фризового пояса, который был наложен на старый романский, а так же орнамента в пазухах больших закомар, капителей и пилястр с вертикальным членением.

Были удалены полуколонки на боковых лопатках и срублены полуциркульные бровки с оконных проемов. Внутреннее пространство шестью массивными опорными столбами поделено на три нефа. Боковые, более узкие нефы завершаются полукруглыми экседрами в толще восточной стены. Композиция плана характеризуется ритмичным членением внутреннего пространства: широкий притвор, затем узкий нартекс, далее опять широкий молитвенный зал и, наконец, узкая апсида. Притвор отделен от молитвенного зала тремя невысокими арками, над которыми размещены хоры. На хоры ведет лестничный ход, устроенный в толще западной стены. Справа и слева от них две маленькие, с купольными перекрытиями на парусах кельи, одна из которых, по преданию, предназначалась для Евфросиньи Полоцкой, а другая для ее сестры Евпраксии.

Западнорусские княжества – Гродненское, Полоцкое и Смоленское – вследствие своего географического положения были тесно связаны друг с другом, что позволяет говорить, в том числе, и об общей полоцко-смоленской архитектурной школе. К сожалению, от архитектурного наследия XII века Смоленска, равно как Гродно и Полоцка, сохранилось крайне мало памятников. И в то же время мы можем с уверенностью сказать, что полоцко-смоленская архитектурная школа создала выдающиеся архитектурные ансамбли.

Суммируя характерные черты архитектуры монастырской архитектуры Чернигова и Полоцка XII века, мы тем самым определяем основные признаки архитектурного стиля этого исторического периода. Крестово-купольная система храма господствует в культовом зодчестве монастырских храмов. Масштабы зданий уменьшаются, сообщая новое выражение по существу старым конструктивным элементам. При меньшем объеме зданий те же хоры, крестообразные столбы, выступающие из сводов арки и настенные лопатки, все сильнее дробят пространство храма на отдельные ячейки. Интерьер становится простым, ясно и строго расчлененным. Упрощается и внутреннее убранство: драгоценная мерцающая мозаика уступает место матовой фреске, инкрустация или мозаика полов – майоликовым глиняным плиткам ... Наружный объем храма приобретает строго очерченный геометрический характер. Типичным становится «кубический» храм с позакомарным покрытием и массивной главой. Исчезают лестничные башни и пристройки, нарушающие изоляцию храма от окружающей среды. Этот дух замкнутости усиливается одноцветной поверхностью фасадов. Наряду с этим у строителей монастырских храмов появляется стремление к интимности простого интерьера, приобретающего камерный характер. Все эти черты стиля роднят его с зодчеством других русских княжеств домонгольского периода.

Черниговское, равно как Полоцкое и Смоленское, зодчество приобрело свои специфические особенности, так что можно говорить об особых архитектурных школах. XI–XII вв. были временем большой и напряженной строительной творческой работы, в итоге которой множились свои, русские, архитектурные кадры. «Вызов греков» для постройки Успенского собора Киево-Печерской лавры был по-видимому последним, а может быть и единственным для конца XI века случаем работы византийских зодчих на Руси. Хотя неизменной основой монастырских храмов оставалась византийская крестово-купольная система храма, русские зодчие Поднепровья сумели создать типы культового здания, соответствовавшие изменявшимся историческим условиям, потребностям и вкусам. С поразительной быстротой была освоена сложная техника каменного строительства, ставшая такой же близкой областью творчества, какой было традиционное деревянное зодчество. Последнее, вероятно, и смогло поэтому оказать столь глубокое воздействие на каменную архитектуру.

Монастыри Новгородских и Псковских земель в XII веке. В XII веке Новгородская и Псковская земли, как и другие русские земли, окончательно отделяется от Киева. В 1136 году после переворота в

Новгороде установился вечевой строй, в котором руководящая роль принадлежала боярам и верхушке купечества. Князья остались лишь должностными лицами. Эти политические изменения получили свое отражение и в архитектуре. Архитектура Новгорода XII века убедительно иллюстрирует зависимость монументального строительства от социального заказа и строительного материала.

Юрьев монастырь – древнейший на Русской земле, расположен близ Новгорода на левом берегу реки Волхов, в устье Княжева ручья (рисунок 2.8). Его окружают заливные луга, травы летом достигают высоты почти в человеческий рост, и неоглядная гладь озера Ильмень вдали. На северной стороне расстилается перед обителью весь Новгород, на востоке видно за Волховом Городище, на юге синее длинная полоса воды (сочетание спокойной северной природы с памятниками прошлого). В 1030 году Ярослав Мудрый (в крещении – Георгий) выстроил здесь деревянную церковь во имя святого Георгия. В 1119–1130 гг. деревянную церковь заменили каменным храмом. Не известно, был ли монастырь деревянным или каменным, но, как пишет в своем труде архимандрит Макарий, «не в больших размерах». Создав парадные сооружения, зодчий придал ему облик суровой неприступности. Он как бы подчеркнул особую роль, которую стал играть Юрьев монастырь в жизни Новгорода. Расположенный на водном пути «из варяг в греки», монастырь вместе с Городищем образовал своего рода южные ворота города и, вероятно, был построен с учетом его возможных оборонительных функций. Комплекс сооружений Юрьева монастыря и сегодня кажется грандиозным, хотя он еще не полностью отреставрирован. В него входят 52-метровая колокольня и пять корпусов: Восточный – с мрачной тюремной камерой; Южный – с церковью Неопалимой купины; Архимандритский – со Спасским собором, под спудом которого были похоронены владыка Фотий и А.А. Орлова-Чесменская; над Северным корпусом возвышается колокольня, а с востока к нему примыкает церковь и Крестовоздвиженский собор, построенный в 1823 году. Его голубое пятиглавие с яркими золотыми звездами привлекает внимание издалека. Собор приземист, тяжеловат, но, как говорят, удобен для проведения службы.

С начала XI века в состав Новгородской земли входил город Псков – один из опорных пунктов Древней Руси на ее северо-западных границах. Начиная с XII века в Пскове, как и в Новгороде, установилась боярская вечевая республика, находившаяся в зависимости от Новгородской. Территориальная близость Пскова и Новгорода, общность исторического развития, а так же общность политического и церковного управления отразились на сходстве архитектуры. Самое раннее из сохранившихся в Пскове каменных сооружений – Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря, построенный на средства новгородского епископа Нифонта в 1130–1156 гг.

Мирожский монастырь один из самых древних памятников архитектуры, монументальной древнерусской живописи и культуры Пскова (рисунок 2.9). Первые летописные упоминания о монастыре относятся к середине XII столетия. В 1404 году летопись сообщает о построении Стефановской церкви, которая выстроена заново в камне в 1546 году. Святые ворота относятся к тому же времени.

В XV–XVI века в ансамбле монастыря, кроме собора и Стефановской церкви, существовали еще какие-то постройки. Летопись сообщает о расквартировании стрельцов московского войска (до 100 человек) в стенах Мирожского монастыря. В XVII веке появляются кельи, видимо, деревянные, на каменных подклетах дошедшие до наших дней. В 1789 году выстроено было здание Братского корпуса. В 70-х годах XIX столетия между Братским корпусом и Стефановской церковью встраивается колокольня.

Ансамбль Мирожского монастыря находится на левобережном мысу, омываемом с востока рекой Великой, с севера и запада – рекой Мирожкой, впадающей в реку Великую. Окруженный невысокой оградой он занимает площадь около 1,6 га. Доминирующее положение в центре ансамбля занимает Спасо-Преображенский собор, выходящий апсидами на реку Великую. С запада от собора расположены бывшие настоятельские кельи, сохранившие древний XVII века подклет. На северной границе монастыря возвышается веками формировавшийся объем, состоящий из трех одновременных сооружений – Стефановской церкви, братского корпуса и колокольни. В юго-западной части территории расположен плодовый сад. Второй вход в монастырь сохранился с южной стороны. Длина ограды монастыря около 400 м. Стефановская надвратная церковь и Святые ворота, расположенные в первом ее этаже, издавна служили главным входом в монастырь. Южнее Спасо-Преображенского собора находятся бывшие кельи монастыря, стоящий на подклете XVII века Спасо-Преображенский собор представляет собой композицию из древнего четверика и более позднего притвора XVI века, увенчанного в северной части звонницей. Стефановская надвратная церковь, братский корпус и колокольня представляют собой единый объем, состоящий из различных

по высоте и архитектурным формам зданий, создающих гармоничное по силуэту сооружение. Стефановская церковь в настоящий момент делится на 3 этажа, в древности была двухэтажной. Первый этаж – трехчастный в плане – на западе Святые ворота с несимметрично расположенными столбами, с востока – два прямоугольных помещения, перекрытых цилиндрическими сводами с распалубками. Оконные проемы подклета обращены на юг. Вход в подклет также с юга. Ансамбль Мирожского монастыря самый древний, и уже по одному этому – самый бесценный памятник псковской культуры.

Не следует нам в нашем исследовании обходить вниманием еще один, достаточно хорошо сохранившийся монастырь – Снетогорский. Первое упоминание о Снетогорском монастыре относится к 1299 году, когда обитель была разорена ливонцами, и при этом был убит ее первый игумен Иосаф вместе с 16 иноками. Каменное строительство ведется в монастыре с начала XIV века (рисунок 2.10). В 1310 году «... заложена бысть церковь святяя Богородицы Снятые горы, камена при игумене Иове; и свершена бысть в лето в 6819 (1311 год)». Вторым значительным сооружением в ансамбле Снетогорского монастыря была церковь Николы Чудотворца. В XVI веке в монастыре была построена Вознесенская церковь «под колоколы». Ее изображение есть на клейме иконы с житием Саввы Крыпецкого. Церковь имела форму правильного восьмиугольника и делилась на 3 этажа. Увенчана она была шатровой колокольницей с колоколами и «боичными» часами. В XVII веке построены Святые ворота монастыря. О дате их сооружения письменных источников не найдено, но архитектурные формы ворот позволяют отнести их к этому времени.

В течение XVI–XIX вв. монастырь богатеет и расстраивается. Появляется трапезная, каменные кельи, архиерейские покои, хозяйственные всевозможные постройки: конюшенный двор, амбары. Ансамбль Снетогорского монастыря расположен на высоком обрыве правого берега излучины реки Великой. Территория монастыря делится практически на две части: нижний парк и верхнюю террасу, на которой и расположены все сооружения ансамбля. Святые ворота расположены в северо-западной части верхней террасы, собор Рождества Богородицы юго-восточнее ворот (в 25 метрах от них), южнее собора – Никольский храм, севернее – руины Вознесенской церкви. Верхняя терраса по периметру обстроена более поздними зданиями. Вся территория монастыря обнесена невысокой каменной оградой с маленькими угловыми башнями длиной 420 м.

Монастыри Владимиро-Суздальского княжества. Датой основания Покровского монастыря в Суздале считается 1364 год, однако архитектурный ансамбль его сложился в XVI веке, когда монастырь привлек особое внимание Василия III (рисунок 2.11). Первая каменная постройка монастыря – собор Покрова Богородицы, построен в 1510–1518 гг., подклет которого на протяжении XVI–XVII вв. служил усыпальницей цариц, великих княгинь и знатных боярынь. Галерея, огибающая здание с трех сторон, придает ему особую торжественность. С собором соединяется галереей шатровая колокольня – первоначально столпообразная церковь Происхождения честных древ креста – с главкой. Шатер над ней появился в конце XVII века. Оригинальная архитектура собора своеобразно повторяется в другом памятнике ансамбля – Святых воротах 1518 года. На четырехгранной башне с двумя арочными пролетами сооружена маленькая изящная Благовещенская церковь. Церковь венчают три главки. Окружает ее открытая галерея. Сама башня массивна. Имеет два пролета. Ворота выходят на старую московскую дорогу, в сторону столицы и поэтому особенно нарядны. За пятнадцать верст московские гости могли видеть золоченую главку надвратной церкви. Фасады украшены разнообразным декором, который своей затейливостью и непринужденностью сродни народной резьбе по дереву.

С внутренней стороны располагается приказная изба XVII века – канцелярия, управляющая делами и хозяйством монастыря. После упразднения приказных изб помещение использовалось под склады. Вблизи северного фасада собора в 1551 году построена трапезная палата с церковью. Это большая двухэтажная постройка со скромным орнаментом из красного кирпича. Архитектурный облик здания дополняет шестигранная часовая звонница. Просторный зал трапезной палаты впечатляет мощными сводами, опирающимися на единый столп, стоящий в центре. К палате примыкает маленькая Зачатьевская церковь, обозначенная снаружи лишь изящной главкой. Церковь Зачатия Анны с трапезной и часозвоней, возведенная в 1551 году – очень необычная постройка с мальтийским крестом на фасаде. Зубчатый пояс-карниз имеет аналоги в европейской архитектуре. Часозвоня редкой шестигранной формы. Возможно, зодчим церкви Зачатия Анны был польский мастер, прибывший в Россию, после того как Василий III, заточив Соломонию Сабурову в монастырь, женился на польской красавице Елене Глинской. В нижнем этаже здания, по традиции, размещаются служебные помещения. Сохранилась,

точнее восстановлена, поварня – отдельно стоящее низкое строение, где над очагом готовилась пища для монастырской трапезы – редкий образец монастырской архитектуры. Еще один редкий памятник – приказная изба начала XVIII века, пристроенная прямо к ограде.

Архитектурный ансамбль Спасо-Евфимиева монастыря создавался на протяжении XVI–XIX вв. (рисунок 2.12). В 1350 году нижегородский князь Константин основывает Спасский монастырь, позже названный Спасо-Евфимьевым в честь первого игумена этого монастыря. Замечательно расположение монастыря на крутом берегу Каменки. Его розовато-красные кирпичные стены видны на большом расстоянии. Покоряет не только их грозная внушительность, но, прежде всего, то художественно-пластическое совершенство, с которым построено это оборонительное сооружение. Облик монастырских построек определяют здания, стоящие в центре территории, – это главный Преображенский собор, построенный в 1594 году. По сторонам от него стоят, напротив друг друга, переключаясь шатрами, трапезная палата XVI века и звонница, строившаяся поэтапно в XVI и XVII вв. Звонница – одно из сложных сооружений монастыря – являет собой древний тип храмов «иже под колоколы». Церковь Рождества Иоанна Предтечи расположена на втором ярусе самой древней части постройки – мощном восьмигранном столпе. Освящение церкви связано с рождением Ивана IV, будущего царя Ивана Грозного. Строительство велось на средства великокняжеской казны. Сразу же над церковью, на третьем ярусе, под шатром с небольшой изящной главкой расположилась звонница, к которой в последующее время были пристроены еще два пролета. После чего звонница монастыря по облику стала напоминать подобные сооружения Пскова и Новгорода. Замыкает композицию соборной площади Успенская церковь с трапезной палатой. Построенная в 1525 году церковь привлекает внимание нарядными кокошниками. В трапезной сохранился с XVI в. первый этаж с квадратной одностолпной палатой. К трапезной примыкает большое подсобное помещение, где размещались кухня и хлебопекарня, а также дом архимандрита. Но эти постройки уже не различимы с площади, они находятся за пределами территории, очерченной собором, трапезной и звонницей, и составляют второй, внутренний, двор монастыря. Там же разместились братские кельи, многие из которых были каменными в XVII веке, большой корпус келий с больничной Никольской церковью под изящной главкой 1649 года, а больничные кельи скрываются за собором, их не видно с площади.

Все постройки внутреннего двора, а также обширные хозяйственные участки хорошо обозреваются со звонницы монастыря. В конце XVII века на смену деревянным стенам монастыря пришли каменные. Особенно сурово выглядит угловая Водяная башня с двенадцатью гранями. На юго-западной башне, обращенной к речке Каменке, устроена смотровая площадка с видом на город и белый Покровский монастырь. Крепость строилась по всем правилам фортификационного искусства суздальским зодчим, талант которого не уступал прославленному мастеру конца XVI века Федору Коню, строившему свои крепости в Москве и Смоленске. С особым художественным вкусом выполнена Проездная башня на южной стене крепости, обращенной к городу. Башня немного развернута в сторону дороги. Два верхних яруса нарядны. Бойко сменяют друг друга «машикули», цепочки изразцов. Нижняя часть башни строга и сурова, имеет под аркой свода мрачный проход, придавленный 22-метровым сооружением, увенчанным изящной главкой. Нарядная надвратная церковь Благовещения стоит отдельно от ворот монастыря, но по старой традиции освещает проход в монастырь. Крепость монастыря не подвергалась нашествиям врага: она строилась в то время, когда границы государства далеко отошли от суздальских земель.

Свято-Введенский Толгский женский монастырь, живописно расположившийся на левом берегу Волги, в нескольких километрах от Ярославля, основан в 1314 году епископом Ростовским Трифоном (рисунок 2.13). В 1670–1730-е гг. складывается существующий ансамбль монастыря: Никольская церковь со Святыми воротами, Настоятельский корпус, новый Введенский собор, стены и башни. К 1683 году возведен величественный пятиглавый Введенский собор, который становится главным сооружением монастырского ансамбля. В первой половине XVIII века построена Спасская церковь с больничными палатами для отставных военных чинов. Впервые в ярославском зодчестве проступают черты декоративно-насыщенного стиля барокко. Церковь отличается своеобразным куполом, вокруг которого расположены восемь главок. Верх купола увенчан более крупной девятой главой. Спасская церковь – необычайно гармоничное, уравновешенное и в то же время нарядное сооружение.

В первой половине XIX века монастырский ансамбль пострадал от перестроек в стиле провинциального классицизма. Из новых построек XIX века – Крестовоздвиженский корпус, за монастырем – странноприимный дом, гостиница, на Волге, против Святых ворот, – пристань с

часовой. В монастырском саду устроена оранжерея для смены устаревших кедров, почитавшихся в округе священными деревьями, и питомник.

Никитский монастырь в Переславле-Залесском – один из самых древних в здешних краях (рисунок 2.14). Его основание относят к концу XI – началу XVI вв. Все первоначальные монастырские постройки были деревянные и не сохранились. Для Никитской обители особенно важным был XVI век. Тогда вместо деревянных появились новые каменные строения: крепостные стены и башни, храмы и трапезная палата.

Никитский монастырь-крепость был построен в очень короткий срок с 1561 по 1564 год. Это было время, когда Иван Грозный задумал создать опричнину. Строительство в монастыре в 60-е годы XVI века связывают с возведением укрепленных пунктов будущей Опричнины, расположенных на северном торговом пути из Москвы в Поморье: Александровой слободы, Борисоглебского монастыря, Ростовского Авраамиева монастыря, Кремля в Вологде. Главенствующее положение среди монастырских построек занимает стоящий в центре монастыря могучий и грандиозный пятиглавый Никитский собор, включивший в себя «малую церковь» Никиты, построенную при Василии Ш. Вместе с приделами Никиты Переславского и Всех святых он имеет пять абсид. Собор был построен в 1561–1564 гг., перестраивался в XVII и XVIII вв. Многие необычно в архитектуре собора. Пять глав венчают храм. Среди них своими необычно крупными размерами выделяется центральный купол. Собор поражает обширностью своего интерьера, что достигается с помощью широкой расстановки опорных столбов и перекрытия его пространства громадным куполом на мощном 8-оконном барабане. А стрельчатость его подпружных арок и сводов – единственный пример в древнерусском зодчестве. Последнее обстоятельство породило гипотезу об участии в строительстве собора кавказских мастеров, прибывших на Русь в свите второй жены Ивана Грозного черкесской княжны Марии Темрюковны.

К югу от Никитского собора расположено обширное здание, которое состоит из Благовещенской церкви, трапезной палаты, жилых и хозяйственных помещений, колокольни. По своим конструктивным особенностям и архитектурным формам оно ближе всего к XVII столетию. Двухэтажная трапезная Благовещенской церкви переделана в XVII веке и уже отмечена духом «московского барокко». Своими размерами она производит особое впечатление. Благовещенская церковь тоже пятиглавая, но в ней нет ничего общего с собором. Главки легкие, словно игрушечные. Наружное убранство здания разнообразно. Наличники первого этажа, сделанные из фигурного кирпича, сильно отличаются от белокаменного убранства оконных проёмов верхнего этажа, обработка фасадов колокольни имеет также свои особенности.

Прекрасным памятником оборонного зодчества эпохи Ивана Грозного являются монастырские стены с зубчатыми парапетами, бойницами верхнего и подошвенного боя, с квадратными и восьмигранными башнями. Они сильно пострадали в начале XVII столетия во время осады монастыря войсками польского военачальника Сапеги и были частично перестроены в XVII и XIX вв. Не сохранились и первоначальные Святые ворота с церковью Архангела Гавриила – она заменена в 1818 году высокой колокольней. Раньше, когда башни имели шатровое покрытие, крепостной образ монастыря рисовался, конечно, ярче. В связи с этим вообще следует напомнить, что XVI век был веком расцвета шатровой архитектуры, в которой отразилась не только народная эстетика, но и образность крепостного зодчества. В ансамбле Никитского монастыря это проявилось весьма недвусмысленно.

В Никитском монастыре два жилых корпуса. Один из них расположен у восточной крепостной стены. К южной крепостной стене примыкает братский корпус, сооружённый в XVIII веке. Крупным последним сооружением в Никитской обители была высокая многоярусная колокольня. Строительство её велось в первые десятилетия XIX века. По своим размерам и архитектурным формам колокольня плохо связывается с древними монастырскими строениями, но играет важную роль в панораме города.

2.4 Монастырские комплексы Московского государства конца XV – начала XVI вв.

Монастыри центральных земель. Саввино-Сторожевский монастырь находится в пятидесяти верстах от Москвы к западу и в версте с половиною от Звенигорода, на левом берегу реки Москвы и речки Разварни (рисунок 2.15). Название «Сторожевского» современно основанию монастыря и дано ему от горы «Сторожи», на которой он построен. Во время литовских набегов на этой горе стояла

воинская стража для наблюдения за движением неприятелей, которые проходили к Москве по старой Смоленской дороге, за Можайском уклонявшейся влево к Звенигороду.

Местоположение монастыря красиво. С горы открывается превосходный вид на Москву-реку, на Звенигород и на окрестные села. Первоначально монастырь занимал лишь южную часть холма. Первый храм, построенный в монастыре, был деревянным. Существующий в настоящее время белокаменный собор был выстроен в начале XV века на средства звенигородского князя Юрия Дмитриевича и стал местом погребения Саввы, умершего 3 декабря 1407 года. Исторический, конструктивный и художественный анализ Рождественского собора определяет дату его строительства между 1404–1405 гг. Мы не имеем оснований оспаривать эту дату и принимаем ее для начала отсчета хронологии этапов каменного строительства в Саввино-Сторожевском монастыре. Уже тогда Рождественский собор представлял собой центр комплекса зданий, будучи построен на самой вершине холма. К первой половине XVI века относится возведение новой кирпичной крепостной башни, в нижнем этаже которой находились въездные ворота, а в верхнем – надвратная церковь, освященная в честь Сергия Радонежского. Вплотную к башне было построено двухэтажное здание трапезной. Ввиду незначительных размеров территории монастыря (она составляла в то время менее половины теперешней его площади) большая часть палаты выступала за пределы монастырских стен. Эти здания были разрушены в середине XVII века во время перестройки ансамбля. До нас дошли лишь фундаменты и подвальные помещения.

Середина и вторая половина XVII века – время правления царя Алексея Михайловича – стала «золотым веком» и для Саввино-Сторожевского монастыря. Монастырь быстро «залечивает раны», нанесенные ему Смутным временем, и всего за несколько лет становится одним из самых многолюдных, богатых и почитаемых в России. Архитектурный комплекс Саввино-Сторожевского монастыря, как и отдельные здания, его составляющие, весьма типичен для русского зодчества середины и второй половины XVII века. Новые черты архитектуры этого времени создавались в условиях подъема всего хозяйства страны, оправившейся от трагических событий начала XVII века. В условиях образования всероссийского рынка и развития торговых связей, в том числе с западноевропейскими государствами. Расширение границ России на запад, включение в ее состав земель, населенных братскими украинскими и белорусскими народами, долгое время находившимися под игом панской Польши, наложило отпечаток на художественные вкусы. Творческая переработка наследия древнерусской, белорусской, украинской и западноевропейской архитектуры, появление на этой основе новых форм и эффектных композиций зданий, разнообразие и богатство декоративных украшений, заимствование строительных приемов из народного деревянного зодчества – вот характерные черты русской архитектуры XVII века, воплотившиеся и в комплексе Саввино-Сторожевского монастыря.

Примечательна общая планировка монастыря. Он состоит из двух частей: южной части, парадной, и северной части, на которой расположены хозяйственные здания. Парадная площадь вокруг Рождественского собора имеет так называемую периметральную застройку. Этот древний прием в ансамбле монастыря получил наиболее развитое выражение. Здания располагаются здесь не случайно, а по строго продуманному плану. Строители использовали своеобразие рельефа местности, расположив все здания в зависимости от их назначения на различной высоте. Самую высокую точку монастырской площади занимал по-прежнему Рождественский собор, вокруг которого и группировались другие сооружения. Несколько ниже его, справа от главного портала, находится дворец Алексея Михайловича, еще ниже – на левой стороне площади – Царицыны палаты. Напротив собора выросла монументальная звонница, ставшая вторым композиционным центром монастырских зданий. Она ограничивает парадный двор от хозяйственной части. Монашеские корпуса находятся уже на склоне холма, прячутся вдоль крепостных стен, служащих архитектурным обрамлением всего комплекса. В плане корпуса повторяют причудливые изломы стен, следующих конфигурации склонов.

Началось строительство с возведения крепостных стен. Согласно царскому указу их протяженность составила около 760 метров, высота около 8 метров, толщина около 3,5 метров. На территорию ведут двое ворот – парадные и хозяйственные. Парадные «Святые ворота» расположены с восточной стороны, а хозяйственные – прорезают толщу северной стены. Красная башня, вместе со стоящей рядом надвратной Троицкой церковью, оформляет необычный парадный вход в монастырь. Двое ворот башни ведут в монастырский дворик, он, в свою очередь, – в подклет Троицкой церкви. Широкая лестница подклета под прямым углом поворачивает налево и выводит на соборную площадь монастыря. Лестница идет сначала на запад, затем поворачивает на юг. С южных

маршей по мере подъема постепенно раскрывается вид на Рождественский собор, архитектурный центр монастыря. Наконец, рядом с ним показывались дворцы царя и царицы. Такой прием показа основных зданий, предусмотренный строителями, был весьма эффективным. С каждым шагом, с каждой ступенью собор «вырастает» из холма, увеличиваясь в размерах и приближаясь к зрителю. Таким оригинальным образом зодчие XVII века еще раз подчеркнули главное здание в архитектурном ансамбле монастыря – собор Рождества Пресвятой Богородицы.

Царицыны палаты – дворец, построенный в 1652 – 1654 гг. для первой супруги царя Алексея Михайловича царицы Марии Ильиничны Милославской, поставлен налево от главного входа в монастырь на склоне холма, поэтому со стороны крепостной стены имеет подклет, служивший для хозяйственных целей. По длине здание делится на две части: парадную, выходящую окнами на соборную площадь, и хозяйственную, выходящую окнами на монастырскую стену. Напротив Царицыных палат через соборную площадь находится Дворец царя Алексея Михайловича, являющийся одним из значительных памятников гражданского зодчества середины – конца XVII века. Одновременно с царскими дворцами вдоль юго-восточной стены были поставлены каменные братские корпуса – жилые помещения для монахов, которые неоднократно достраивались и перестраивались. При расширении территории была разобрана старая трапезная XVI века и в северной части монастыря в 1652–1654 гг. была возведена новая трапезная. Вплотную к трапезной была поставлена звонница, обращенная фасадом на соборную площадь. В архитектурном ансамбле звоннице отведено особое место. Она делит территорию на парадную и хозяйственную. Она – самое высокое здание монастыря. Но, несмотря на это, она не заслоняет собой древний Рождественский собор, а только подчеркивает его особое место. За звонницей, в глубине хозяйственного двора, был построен трехэтажный корпус, называвшийся при царе Алексее Михайловиче «казенною (казначейскою) палатою». Он предназначался для помещения служилых бояр, приезжавших с государем в монастырь. Между царским дворцом и северной стеной монастыря в середине XVII века был построен как был монастырь в монастыре с отдельным входом – больничные палаты. Все хозяйственные помещения были сосредоточены в северной части монастыря, за звонницей и трапезной палатой, и не мешали восприятию соборной площади. Таким образом, Саввино-Сторожевский монастырь был задуман и создан зодчими XVII века как единый архитектурно-художественный ансамбль, сочетавший в себе необыкновенную живописность с удивительно точным использованием рельефа местности, логически обоснованным размещением храмов, жилых и хозяйственных зданий.

Намеченное обширное строительство ставило своей целью преобразовать Саввино-Сторожевский монастырь в богатую царскую обитель, которой предстояло, по замыслу царя, принять на себя особую роль, принадлежавшую до этого Свято-Троице-Сергиевой лавре. Государь Алексей Михайлович не только заново отстроил и благоустроил любимую обитель, но и наделил ее особыми правами. Монастырь стал «собственным государевым богомольем» – любимым местом богомольных выходов царской семьи и находился в непосредственном ведении самого государя, который подчинил его дела Приказу Тайных Дел. При царе Федоре Алексеевиче Саввино-Сторожевский монастырь сохранил все свои преимущества. При нем монастырь назывался «комнатным государевым» и «первостатейным», а дела его были переведены в Приказ Большого Дворца, который заменил собой Приказ Тайных Дел. Для царей Ивана и Петра Алексеевичей, царевны Софьи и царицы Натальи Кирилловны Саввин монастырь стал не только местом богомолья, но и убежищем во время первого стрелецкого бунта 1682 года.

Любовь и уважение, которое питал к Саввино-Сторожевскому монастырю царь Алексей Михайлович, передались по наследству его детям, также ставившим монастырь в особенное, исключительное положение, сравнительно с другими монастырями. Речь шла, таким образом, скорее не об общей тенденции, а о единичном акте. В отличие от этого в нашем случае мы сталкиваемся с устойчивой традицией, прослеживаемой на протяжении почти двух столетий.

Иосифо-Волоколамский монастырь находится в 25 км к северо-востоку от Волоколамска, в Теряево (рисунок 2.16). Вы ещё только приближаетесь к нему по шоссе, а вашему взору уже открывается великолепный панорамный вид – мощные крепостные стены с разнообразными шатровыми башнями и сверкающие купола. Это выдающийся художественный комплекс XVI–XVII вв. Созданный ансамбль – один из красивейших в русской архитектуре, сохранивший свою целостность, несмотря на дальнейшее, достаточно активное развитие. Основан монастырь в 1479 году видным церковным деятелем Иосифом Волоцким при поддержке местных удельных князей и московского государя.

Первоначально обитель имела деревянные стены. В связи с усилением значения монастыря как крепости в 1543–1566 гг. они были заменены на каменные, с девятью башнями. В начале XVII века стены выдержали натиск польских интервентов; в конце XVII века они обветшали и были перестроены. Стены и семь башен возводились московским подмастерьем Иваном Неверовым. Строительство началось с 1676 года и окончилось в 1686 году. Красивые башни украшены изразцами, изготовленными в Москве, в Гончарной слободе. Две башни имеют каменные шатры: Германова, квадратная в плане, с помещением для колоколов, и угловая – Кузнечная. Остальные башни имели деревянные шатры, которые в XVIII веке заменили кирпичными. Северная надвратная Никольская башня была вновь выстроена в 1785–1787 гг. Надвратная пятиглавая церковь, построенная на вклад Малюты Скуратова в 1589 году, также претерпела изменения. Композиционный центр обители – массивный Успенский собор, построен на вклад дьяка Силина и царские пожертвования с 1688 по 1696 год. Пятиглавый двухсветный храм стоит на высоком подклете, который использовался для погребений как особо почётное место. Собор окружён открытыми галереями и украшен ленточными поясками из полихромных изразцов «павлинье око» работы мастера Степана Полубеса. Монастырская колокольня, по высоте и красоте равная кремлёвской Ивана Великого, была разрушена в 1941 году и более не возобновлялась, поэтому не покидает ощущение, что в общей композиции ансамбля чего-то не хватает.

Если подъезжать к Костроме от верховий, то на самой границе его, с левой стороны, при впадении реки Костромы в Волгу, на стрелке, стоит Ипатьевский монастырь (рисунок 2.17). Точная дата основания монастыря на сегодняшний день отсутствует. Но время появления монастыря в первой половине XIV века представляется наиболее вероятным. Монастырь состоит из 2 участков: Старого и Нового города. В плане территория монастыря образует неправильный пятиугольник с протяженностью стен 558 метров. Высота стен достигает 11 метров. Как можно судить по отдельным элементам архитектурного оформления первоначальной каменной ограды конца XVI века, она имела более строгий и простой вид, надстройки стен и башен в XVII веке сделали ее наряднее. С внутренней стороны ограду украшает ритмическое чередование ступенчатых опорных арок галереи, их профиль хорошо выявляет толщину стены. В засенье (узком открытом внутреннем коридоре между стенами и монастырскими корпусами) архитектурные формы ограды выглядят особенно выразительно.

Многие из построек гоудуновского времени дошли до наших дней, но в перестроенном виде. Реставрационные работы последних лет частично возвратили некоторым из них первоначальный облик, сохранилась без изменения и планировка Старого города – древнейшей части монастыря. Для планировки Старого города характерно отсутствие регулярности и разнообразие архитектурного решения. Зодчие XVI века искусно избегают геометрической сухости и симметрии форм. Стены Старого города спускаются к реке Костроме, послушно следуя профилю местности, на южном участке они, подчиняясь изгибу реки Игуменки, образовали выпуклую закругленную линию. Оси ворот сдвинуты в сторону, разбивая стены на прясла различной протяженности. Создается впечатление, что каменная ограда в какой-то степени повторяет сложившуюся в течение многих столетий планировку территории монастыря, когда постройки были деревянными.

Монастыри северных земель. Ферапонтов монастырь в 19 км от города Кириллова основал сподвижник преподобного Кирилла Ферапонт в 1398 году (рисунок 2.18). Монастырь выстроен на холме меж двух озер – Бородаевского и Паского, которые соединяет маленькая речка Паска. Само село Ферапонтово расположено, преимущественно, на противоположном от монастыря берегу реки. В отличие от Кириллова, Ферапонтов монастырь очень невелик: четыре храма, колокольня, трапезная и казённая палаты обнесены невысокой кирпичной оградой. Если кирилловский ансамбль поражает мощью и размахом, то Ферапонтов – тихой прелестью, уютом, единением с природным окружением. Главный вход в монастырь – Святые ворота, были построены в 1649 году. Несмотря на суровую простоту, главный фасад их живописен и наряден. Длинные и узкие окна заключены в вытянутые наличники с острым килевидным верхом. Под карнизом – два ряда узорчатых поясов. Венцом мастерства зодчего являются шатры, отделанные с большим вкусом. Уникальный памятник монастыря – храм Рождества Богородицы. Он кажется необыкновенно легким, стройным, изысканным. У каждой стены свое лицо. Особенно нарядна западная сторона. Основу ее убора составляет двухъярусный декоративный пояс, выложенный из блестящих изразцовых плиток с растительным орнаментом. Выше сооружен узорчатый карниз. Богато отделаны также барабан центральной главы, кокошники, полукружия алтарных аспид. В оформлении их использованы все

виды декора – балясины, изразцовые пояса, фигурные ниши. Храм Рождества богородицы одно из первых каменных сооружений на Севере.

К Рождественскому собору примыкают крытые двухъярусные переходы с встроенной в центре колокольней. Они идут к церкви Благовещения, построенной в 1530–1534 гг. Это одноглавый храм кубической формы, разделенный на три этажа-яруса. На первом, нижнем этаже, находились хозяйственные кладовые, на втором – помещение для богослужения, на третьем – колокольня. Необычно завершение храма. Вокруг высокого цилиндрического барабана, увенчанного вычурной главой, группируются колокольня, небольшие комнатки, служившие «тайниками» и книгохранилищами, ходы сообщения.

В соборе монастыря сохранилась почти в полном составе стенопись знаменитого художника Дионисия, чье имя стоит в одном ряду с именами Феофана Грека и Андрея Рублёва. Современник великих итальянцев Микеланджело и Рафаэля Дионисий со своими сыновьями Владимиром и Феодосием создал торжественный и прекрасный цикл росписей, посвящённых Богоматери. Стенопись собора является не только величайшим национальным достоянием, но и ценнейшим вкладом в мировую художественную культуру. В 2002 году исполнилось 500 лет со дня создания росписи собора.

Общие принципы организации ансамбля малого монастыря можно проследить на примере древнейшего из всех монастырей Великого Устюга – Михаило-Архангельского (рисунок 2.19). По сведениям летописца монастырь был заложен в 1212 году, когда основатель его монах Киприан «изобрел место при озерах за острожною осыпью». В 1438 году одновременно со строительством первых укреплений городского посада монастырь был обнесен новой деревянной стеной, а его главные ворота получили форму проездной четырехугольной крепостной башни с тремя рядами бойниц. Эти ворота располагались на том месте, где была сооружена надвратная Владимирская церковь. А обращенная к городу юго-западная монастырская стена примыкала к воротной башне фронтально, оставляя за пределами монастыря и Криночный ручей, и оба озера, которые, вероятно, играли роль дополнительного оборонительного рубежа. Таким образом, общая территория монастыря в древности была значительно меньше современной, а сам монастырь в период XV–XVI вв. представлял собой надежную крепость, способную к длительной обороне. Замена старых деревянных сооружений проводилась по грамоте Ростовского митрополита Ионы Сысоевича. Грамота эта, по-видимому, содержала определенные строительные указания, вот почему в сооружениях Михаило-Архангельского монастыря прослеживается сходство с построенными при содействии того же митрополита монастырями Ростова и Углича. В результате перестройки на этом этапе развития монастырь сохранил свой исторически сложившийся и укрепленный древними деревянными сооружениями план. План его свободно застроен культовыми зданиями, размещенными в середине и периметрально расположенными жилыми и хозяйственными постройками, тяготеющими к стенам. Таким образом, он представлял собой типичный пример организации древнерусского монастырского ансамбля.

Строительство основных каменных зданий этого монастыря относится ко второй половине XVII века. В 1653 году здесь был освящен новый центральный монастырский комплекс, в состав которого вошли величественный пятиглавый собор с колокольней и связанные с ним переходами зимняя Введенская церковь и трапезная. В 1682 году было закончено строительство каменной Владимирской надвратной церкви, а в 1695 году построен больничный корпус с церковью Всех Святых. Позднее во втором этаже этого здания разместились настоятельские кельи, а для удобства их связи с собором были построены дополнительные переходы. Окончательно оформился этот ансамбль в 30-х гг. XVIII века. Было закончено строительство здания братских келий, после пожара возобновлен настоятельский корпус с церковью Всех Святых, на месте обветшавших деревянных монастырских укреплений была возведена новая каменная стена, в которой разместилось четверо ворот. Вдоль всей стены на деревянных брусках был устроен боевой ход, перекрытый тесовой кровлей. Длина стены по периметру составила около 800 метров, а общая конфигурация всего комплекса приблизилась к форме почти правильного прямоугольника. Эта стена была первой в Великом Устюге каменной монастырской стеной и, видимо, поэтому Михаило-Архангельский монастырь получил название кремля. Со строительством стены территория монастыря была значительно расширена в юго-западном направлении, в результате чего оба озера вместе с Криночным ручьем оказались теперь внутри монастырского участка, так же как и Владимирская надвратная церковь. Но поскольку церковь эта продолжала сохранять свое значение главных Святых ворот монастыря, постольку новые стены

примкнули к ней под углом и образовали на месте засыпанного к тому времени ручья и бывшего моста широкий парадный проход.

Устройство перед главными воротами монастыря перекрестно простреливаемого пространства в виде небольшого двора облегчает оборону главных ворот и, несомненно, является деталью фортификационных сооружений. Этот факт вместе с наличием боевого хода и большого внутреннего пространства для размещения гарнизона может быть использован в пользу причисления Михаило-Архангельского монастыря к разряду монастырей-крепостей. Однако такое предположение, скорее всего, ошибочно, так как расположение вблизи города хорошо укрепленных пунктов скорее было опасно для него, нежели полезно. Подобно большинству монастырских ансамблей Михаило-Архангельский монастырь претерпел немало поздних переделок, выполненных в основном в конце XVIII века и в первой половине XIX века. К Владимирской надвратной церкви в это время примкнуло обширное хозяйственное сооружение, закрывшее собой здание трапезной и церкви Введения, поздние пристройки исказили первоначальный облик церкви Переполовения (Киприяновской), были уничтожены старые переходы, связывавшие некогда настоятельские кельи с соборным комплексом, а само здание келий подверглось полной переделке. Из новых построек этого периода следует отметить главные ворота монастыря, возведенные между входящими углами западной монастырской стены.

Если теперь мысленно отбросить все эти поздние изменения и пристройки, то весь замечательный ансамбль Михаило-Архангельского монастыря представится таким, каким его видели его горожане в первой половине XVIII века. Перспективу Архангельской улицы города в то время замыкала расположенная над главными Святыми воротами монастыря Владимирская надвратная церковь, общий эффект от которой значительно усиливали горизонтальности монастырских стен, образующих подобие кулис перед этим изящным и живописным сооружением. Пройдя через арку Святых ворот, посетитель попадал на внутреннюю площадь монастыря, и перед ним открывалась наиболее выгодная точка зрения на всю живописную группу центральных монастырских сооружений. Прямо перед посетителем вырастал могучий и величественный пятиглавый объем собора, окруженного легкими пристройками паперти, на которую вело нарядное крыльцо, расположенное по оси Святых ворот монастыря. Юго-западный угол собора венчала шатровая колокольня, видимая отсюда от ворот монастыря примерно под углом 45 градусов. Справа от Михаило-Архангельского собора группировались необычайно выразительные строгие и лаконичные объемы Введенской церкви и трапезной палаты. Расположенная на переднем плане скромная и маленькая церковь Преполовения первоначально не заслоняла собой общей перспективы основных сооружений, но в то же время она играла в этом ансамбле очень важную роль, отделяя парадную официальную часть от внутренней монастырской площади. Пройдя мимо этой церкви, обогнув колокольню и выйдя из-под арки бывшего северного перехода, посетитель попадал в интимную часть ансамбля: сюда выходили своими главными фасадами корпуса братских келий, здесь располагались разнообразные хозяйственные постройки и монастырские огороды, а главные сооружения ансамбля в эту сторону были обращены своими алтарными апсидами.

К числу выдающихся ансамблей Великого Устюга относится также Троице-Гледенский монастырь (рисунок 2.20). Он расположен в четырех километрах от города на противоположном берегу реки Сухоны в том месте, где она, сливаясь с Югом, дает начало Малой Северной Двине. Место для монастыря было выбрано необычайно удачно, и вплоть до наших дней этот величественный ансамбль господствует над бескрайней ширью заливных лугов и водных просторов, отмечая важнейший узел пересечения древних торговых путей. Одна из основных видовых точек на монастырь открывается с Двины, откуда путешественник, подъезжающий к Великому Устюгу по реке, уже на расстоянии 12–15 км видит замечательный ансамбль, как бы представляющий город.

Дата основания монастыря теряется в глубокой древности. Некоторые исследователи считают, что Троице-Гледенский монастырь был древнейшим оплотом христианства в этом районе и даже предшествовал Михаило-Архангельскому монастырю. Однако это предположение вызывает большие сомнения, так как очень трудно представить себе, чтобы самая ранняя христианская обитель возникла у стен чудского языческого Гледена, в то время как вблизи на противоположном левом берегу реки Сухоны уже существовал Великий Устюг, основанный русскими. Поэтому правильнее, по-видимому, предполагать, что первым по времени своего основания был все-таки Михаило-Архангельский монастырь, построенный под защитой укреплений Великого Устюга, а уж вслед за ним, в процессе

дальнейшей христианизации и постепенного обращения в новую веру местного населения, возникали новые монастыри, в числе которых одним из ранних был и Троице-Гледенский.

Таким образом, дату основания комплекса ориентировочно можно отнести ко второй половине XIII века. К сожалению, устюжские писцы XVII века не включили в свои книги описания построек Троице-Гледенского монастыря. Поэтому мы не располагаем материалами, позволяющими представить ранний облик монастыря, и только размещение каменных его зданий, построенных согласно традиции на местах старых деревянных сооружений, в известной степени отображает первоначальную планировочную структуру этого ансамбля, очень сходного с ансамблем Михаило-Архангельского монастыря.

Возведение каменных зданий Троице-Гледенского монастыря было завершено в 1659 году, через шесть лет после окончания строительства центрального комплекса Михаило-Архангельского монастыря. Общее композиционное сходство главных сооружений обоих ансамблей свидетельствует о том, что строителями их были, очевидно, одни и те же мастера. При этом Троице-Гледенский монастырь как более поздний, представляет вариант совершенствования общих принципов организации монастырских ансамблей этого типа. Так же как в Михаило-Архангельском монастыре, напротив главных западных Святых ворот здесь разместилось центральное сооружение всего ансамбля – величественный пятиглавый Троицкий собор, окруженный двухэтажными крытыми галереями паперти. Однако, шатровая колокольня расположилась здесь не на северо-западном углу главного объема собора, а прямо над западным крыльцом, предворяя тем самым симметричные композиции храмов XVIII века. Зимняя Тихвинская церковь с трапезной палатой аналогична комплексу Введенской церкви Михаило-Архангельского монастыря, но отличается от последнего своими скромными размерами и более интимной трактовкой основного объема. Значительно усиливали общее сходство центральных сооружений этих монастырей и каменные переходы, связывавшие некогда Троицкий собор с трапезной и Тихвинской церковью, но, к сожалению, в настоящее время утраченные.

В первой четверти XVIII века в монастыре было завершено строительство каменных зданий, и весь ансамбль приобрел тот облик, который в основном сохранился до наших дней. В это время в северо-западном углу монастыря была построена одноглавая больничная Успенская церковь, получившая типичную для культовых сооружений XVIII века форму восьмерика на четверике и связанная в единый комплекс с низким одноэтажным корпусом больничных палат и братских келий. Ближайший к реке северо-восточный угол монастыря был укреплен восьмигранной каменной башней, от которой к Успенской церкви и далее на юг протянулась каменная монастырская стена. В этой стене были устроены двое одинаковых ворот, обращенных на запад и на север и выполненных в сдержанных и строгих формах, хорошо гармонирующих с общим характером архитектуры монастырского ансамбля. Остальные стены и неправильного многоугольника территории монастыря оставались деревянными, равно как и все его хозяйственные, подсобные и жилые постройки.

Троице-Гледенский монастырь был беднее Михаило-Архангельского и значительно уступал ему, а в XIX веке и вовсе приписан к нему. С этого времени ведение строительных работ здесь совсем прекратилось. Вот почему монастырь не знал поздних переделок, а его каменные постройки вплоть до наших дней сохранили почти неизменными свои первоначальные формы. Это обстоятельство еще больше повышает художественную ценность Троице-Гледенского монастыря, который, несомненно, может быть отнесен к числу наиболее совершенных монастырских ансамблей.

Спасо-Прилуцкий мужской монастырь – один из крупнейших монастырей Севера, великолепный архитектурный ансамбль древней Руси (рисунок 2.21). Он находится на северо-востоке от города Вологды, по дороге в Белозерск, на левом берегу реки Вологды. Свое название монастырь получил от главной Спасской церкви и речной излучины, на которой расположен. Художественное значение монастыря чрезвычайно велико: здесь сконцентрированы основные черты вологодских построек за три столетия, а монастырские архитектурные памятники последовательно отражают все этапы строительства на русском севере – с XVI по XVIII век включительно. Спасо-Прилуцкий монастырь основал в конце XIV века (между 1377 и 1392 годами) преподобный Дмитрий Прилуцкий, уроженец города Переяславля-Залесского, известный деятель русской церкви второй половины XIV века, ученик и сподвижник преподобного Сергия Радонежского. Дмитрий Прилуцкий построил в монастыре деревянную церковь и около нее деревянные кельи для иноков.

Спасо-Прилуцкий монастырь был важным военно-стратегическим пунктом, расположенным на пути, ведущем из Вологды в Белозерск, Великий Устюг, Пермь и другие города. Москву

интересовало не только его стратегическое, но и торговое значение: в Вологде, а значит, и в Прилуках скрещивались пути в Москву и Новгород. Первоначально все постройки обители были деревянными, однако обладая значительными средствами, необходимыми для благоустройства, Спасо-Прилуцкий монастырь ранее многих современных ему обителей начал украшаться каменными строениями. Начало новому архитектурному ансамблю положило возведение в первой половине XVI века каменного соборного храма во имя Всемилоственного Спаса Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня с одноименной колокольней. На рубеже XV–XVII вв. в монастыре создаются и другие каменные постройки – Введенская теплая церковь с трапезной палатой и главные северные Святые ворота с надвратной церковью во имя Святого Великомученика Феодора Стратилата.

В начале XVII века, в эпоху Смутного времени, монастырь претерпел много бедствий, неоднократно подвергаясь нападениям и грабёжам, когда, в частности, была уничтожена значительная часть древнего монастырского архива. Но, несмотря на разрушения и разорения, монастырь быстро восстанавливался и отстраивался. Так, во второй половине XVII века здесь вновь развернулось интенсивное каменное строительство. Возводится мощная каменная ограда с башнями, надежно обезопасившая монастырь от вражеских набегов; сооружается новая высокая колокольня, вертикальная доминанта комплекса, а также различные жилые и хозяйственные постройки. Всё последующее строительство на территории обители в XVIII–XIX вв. было незначительным и ограничивалось лишь отдельными перестройками и надстройками келейных и хозяйственных корпусов. Кроме каменных зданий в XVII и XVIII вв. территорию Спасо-Прилуцкого монастыря заполняло множество всевозможных деревянных построек. Среди них были и жилые, но главным образом – хозяйственные. Все эти деревянные строения не сохранились, а между тем именно они когда-то придавали монастырю вид зажиточного древнерусского городка с его развитым феодальным хозяйством. Таким образом, Спасо-Прилуцкий монастырь является интереснейшим архитектурным ансамблем, в котором отдельные памятники, сохраняя самостоятельное историко-художественное значение, образуют вместе с тем неповторимое сочетание, подчеркивающее единство эстетического идеала нескольких поколений зодчих.

Православные монастыри северо-западных земель. Свято-Троицкий Александра Свирского Мужской монастырь находится на восточном побережье Ладожского озера, в поселке Свирское (или Старая Слобода) у старого тракта, идущего на Олонец. Годом основания монастыря официально считается 1506 год. Монастырь состоит из двух комплексов: Троицкого и Преображенского (рисунок 2.22). Комплексы находятся друг от друга на расстоянии в 500 метров. Ни одна деревянная постройка ансамбля не сохранилась до нашего времени, и его первоначальный облик мы можем представить только по дошедшим до нас изображениям. Окруженные жилыми постройками, в центре монастыря возвышались столпообразная шатровая Троицкая церковь, рядом с ней рубленая Покровская церковь с трапезной и колокольня.

Каменное строительство в монастыре началось в 1533 году, когда под руководством приглашенного сюда известного каменных дел мастера Игнатия, много строившего в это время в Новгороде и Москве, была возведена Покровская церковь с обширной трапезной и часозвоней на месте обветшавшей или сгоревшей деревянной предшественницы. Затем выстроили в камне и Троицкую церковь. Ядро ансамбля составляют три сооружения: Троицкий собор, звонница и трапезная палата с Покровской церковью. В архитектуре Троицкого собора сочетаются суровость и величественность, свойственные новгородским постройкам, с декоративностью московского зодчества XVII века. Мощный объем собора с трех сторон обнесен галереей на высоком подклете с тремя крыльцами. Интерьер его хранит фресковую живопись на библейские и евангельские темы, выполненную тихвинскими мастерами Гаврилой Самсоновым, Петром и Иваном Фалилеевыми, Родионом Сергеевым и Иваном Ивановым в конце XVII века. Большая часть фресок пока закрыта росписью 1717 года. К югу от собора, уравновешивая его, стоит самое древнее сооружение ансамбля – Покровская церковь с трапезной палатой. Сама трапезная палата с поварней под ней занимает средний объем сооружения. С востока к палате примыкает одноглавая Покровская церковь, завершенная тремя рядами кокошников, а с запада – келарская палата с башней-часозвоней. В трапезную ведет высокое двухмаршевое крыльцо. Исследование и атрибуция этой постройки, а также восстановление ее первоначального облика проведены архитектором А. Н. Милорадовичем. Реставрация освободила здание от позднейших пристроек и наслоений, вернула не только утраченное крыльцо и часозвоню, но и тесовую кровлю, и трубы-дымники с флюгерами над трапезной палатой, и многое другое. Со стен

были убраны слои поздней штукатурки, скрывавшие их живописную кладку и прекрасную пластику фасадов. Проведенные работы возродили один из интереснейших памятников древнерусского зодчества XVI века, выдающееся произведение мастера Игнатия. Между Троицким собором и трапезной высится центральный элемент композиции ансамбля – звонница. Перестройки XIX века лишили сооружение, а значит, и весь ансамбль выразительного силуэта. Тщательное обследование памятника позволило выполнить проект реставрации (архитектор А. Н. Милорадович), вернувшей постройке ее первоначальное трехшатровое завершение. Это редкое по красоте мощное монументальное сооружение, благодаря прекрасным пропорциям кажется легким и изящным.

Кирилло-Белозерский монастырь был основан монахом московского Симонова монастыря Кириллом, учеником и последователем Сергия Радонежского. Ориентация на Троице-Сергиев монастырь в основных строительных начинаниях была в Кириллове давней и прочной (рисунок 2.23). В этой ориентации вряд ли сколько-нибудь существенная роль принадлежала чисто эстетической стороне. Троицкий монастырь, первейший среди монастырей, освященный непререкаемым в духовной среде авторитетом его основателя Сергия Радонежского, должен был восприниматься как в большей или меньшей степени совершенный образец идеального монастырского устройства. Воспроизведение в строительстве других монастырей внешних форм его устройства, какими были состав, взаимное расположение и типы построек, в какой-то мере сопоставимо с повторением литературных приемов, а иногда и целых эпизодов в агиографической литературе. На примере Кирилло-Белозерского монастыря, немногим уступавшего Троицкому по размаху развернувшегося в нем каменного строительства, это явление прослеживается с особой отчетливостью. Этому способствует и полнота сохранности его древних сооружений, позволяющая сопоставлять их с аналогичными сооружениями Троице-Сергиева монастыря.

Одна из стен Кирилло-Белозерского монастыря обращена к городу, другие стены построены вдоль берегов Сиверского и Долгого озер. Монастырь занимает площадь около 12 гектаров, превосходя по занимаемой площади Свято Троице-Сергиеву лавру и Соловецкий монастырь. Он сформировался из нескольких последовательно возникавших частей: Старого города, образованного Успенским и Ивановским монастырями, и Нового города. Главные укрепления опоясывали его западную часть, называющуюся Большой Успенский монастырь, – тот самый, который был построен переселившейся сюда братией московского Симонова монастыря.

Доминирующее положение в ансамбле Успенского монастыря занимает величественный кубический четырехстопный одноглавый Успенский собор. Он был первым каменным храмом монастыря и третьим каменным всего Русского Севера. Впоследствии храм перестраивался: изящное позакомарное покрытие храма было заменено четырехскатной кровлей, строгую шлемовидную главу сменила вычурная барочная. Сегодня составить целостное впечатление об этом храме практически невозможно: с годами он «оброс» более поздними постройками, вплотную обступившими его. К северо-западному углу собора пристроены две небольшие кубические одноглавые бесстолпные церкви – Владимирская и Епифания. С юга к собору примыкает придельная церковь, сооруженная в 1792–1794 гг. над гробницей основателя монастыря Кирилла Белозерского. Справа от Успенского собора располагается мощная четырехстолпная церковь Архангела Гавриила, построенная в 1531–1534 гг. Василием III в благодарность за рождение у него сына – Ивана Грозного. С церковью Архангела Гавриила соединяется массивная невысокая колокольня, к которой с северо-запада примыкает квадратная одностолпная трапезная палата с церковью Введения. В южном углу Успенского монастыря, в окружении больничных палат и келейного корпуса, стоит небольшая, но очень изящная церковь Евфимия с деревянным шатровым покрытием.

В XVI веке взамен деревянных укреплений монастырь обнесли сохранившимися до сих пор каменными стенами в 2 яруса (до 5,2 м высоты и до 1,5 м толщины). Были построены две надвратные церкви и четыре угловые башни: Свиточная, Грановитая, Мереженная и Круглая. Башни достигали 15 метров высоты и имели до 60 амбразур. Позже башни перестраивались, и сегодня мы видим более поздние их варианты. Исключение составляет Свиточная башня, сохранившаяся полностью. В мирное время для военных сооружений находилось соответствующее занятие. Монахи жили в некоторых башнях, использовали их как хозяйственные постройки. Со стороны Сиверского озера парадный вход в монастырь охраняли Водяные ворота с надвратной трехглавой церковью Преображения. Вход со стороны города осуществлялся через Святые ворота с одноглавой надвратной церковью Иоанна Лествичника. Изначально ворота венчались башенкой, и для постройки надвратной церкви их конструкция была усилена понижением подпружных арок и

постановкой круглых пристенных столбов. К Святым воротам, которые служили парадным въездом в Большой Успенский монастырь, по сторонам пристроены каменные двухэтажные палаты XVII в.

С востока к Большому Успенскому монастырю примыкает Малый, или Горний Ивановский, монастырь. Он образовался вокруг холма, на котором изначально поставили крест и срубили деревянную часовню основатели монастыря Кирилл и Ферапонт. Это место в середине XIX века отмечено двумя каменными сенями, нарытыми воспроизведенные в дереве часовню и крест. На вершине холма в 1531–1534 гг. также на средства Василия III поставили одноглавую церковь Иоанна Предтечи, а рядом с ней на склоне разместилась одноглавая церковь Сергия Радонежского с трапезной палатой. Обе эти церкви первоначально были двуглавыми. Вокруг Ивановского монастыря стены были ниже – до 4 м и тоньше – 1 м. Всего в ограде было 4 башни, из которых сохранилась лишь одна – Котельная, выходящая к озеру. Она внешне напоминает Свиточную, но приземистее и шире ее.

Итак, более 1000 м крепостных стен, 735 бойниц, восемь башен, трое укрепленных ворот, плюс выгодное положение на берегу озера давали возможность населению Кириллова смотреть в будущее с оптимизмом. Укрепления особенно пригодились жителям Кириллова в Смутное время. Столица края – город Белозерск был razoren и сожжен польско-литовскими войсками, а Кириллов оказался врагу не по силам. Благодаря мощным укреплениям монастырь, в течение шести лет осаждаемый интервентами, так и не был взят. Однако он понес серьезный урон: до 90 % жителей монастырских слобод были убиты, хозяйства разграблены, деревни сожжены. Оправиться от бедствий войны монастырь смог лишь к 30-м годам XVII в. Он опять стал разрастаться, строились новые церкви и хозяйственные постройки. В 1648 году по просьбе царя Алексея Михайловича, в монастыре укрывают от московского восстания его воспитателя боярина Бориса Морозова. За оказанную услугу царь отпускает монастырю огромную сумму на возведение новых стен.

В итоге с 1654 по 1680 год монастырь обрастает еще одним оборонительным полукольцом – стенами Нового города. Они имеют трехъярусное галерейное устройство, на углах сооружены массивные многогранные башни, в середине стен – четырехгранные проездные башни. 732 м десятиметровых стен, при толщине до 7 м, башни диаметром 20 м и высотой около 40, плюс модернизация старых укреплений с учетом развития артиллерии.

Православные монастыри южных и юго-восточных земель. Никольский монастырь в городе Гороховце был построен в XVII–XVIII вв. В панораме его доминирует Троицкий собор, построенный в 1681–1689 гг. Он двухэтажный: на первом этаже располагалась зимняя Никольская церковь, на втором Троицкая летняя. Прямоугольное в плане, бесстолпное здание собора завершается пятиглавием. Окна обрамлены наличниками с килевидным и зубчатым завершением. Барабаны глав глухие, декорированы колонками, перехваченными бусинами. С южной стороны собора находится интересное крыльцо с ширинками на столбах и ползучей аркой, ведущей на паперть. С северо-западной стороны собора стоит шатровая колокольня, построенная в те же годы, что и собор, и составляющая с ним одно целое. Это первая по времени каменная колокольня. Она имеет ярко выраженное местное своеобразие, заключающееся в особом пропорциональном соотношении высот заниженного четверика и повышенного восьмерика.

Впоследствии этот тип колокольни закрепился в Гороховецком зодчестве. На краю северного склона горы, в линии монастырской ограды, стоит двухэтажная церковь Иоанна Лествичника, выстроенная в 1710–1716 гг. Нижние помещения ее использовались для хозяйственных целей. Церковь относится к типу бесстолпных четвериковых храмов с трапезной. Чтобы впечатление от монастыря осталось более цельным, нужно представить, что в XVIII веке он со всех сторон был огражден стеной. Башенки по углам ограды были украшены цветными изразцами, вставленными в ширинки. Несколько таких изразцов с мотивом «вазона» еще сохранились. Яркие зеленые, желтые, синие и коричневые цвета поливы очень оживляют красное поле стены. На восточной стороне ограды располагались кельи и святые врата с церковью Покрова. Здесь пролегалась основная дорога из города в монастырь.

Все основные постройки Никольского монастыря располагались по периметру комплекса, создавая вместе с оградой своеобразное пространственное обрамление основному архитектурному сооружению – Троицкому собору. Это интересный пример центрического построения ансамбля, имеющего огромное градостроительное значение в облике всего города. Контур зданий монастыря, его органическая пространственная связь с природным ландшафтом, свободное соединение с городской застройкой – все это делает его неповторимым памятником древнерусского зодчества.

Солотчинский Рождества Богородицы женский монастырь в Солотче, в 20 км от Рязани, относился к типу «княжеских» обителей, основанных светскими владыками, как правило, с весьма многообразными целями: и дело богоугодное, и место для посмертного упокоения, и добрая память в веках, и форпост обороны княжеской столицы (рисунок 2.24). По преданию, князь рязанский Олег выстроил здесь деревянный Рождественский собор, соединенный подземным ходом с его дворцом в Переславле-Рязанском и кельи. Было это в 1390 году. Перед смертью, в 1402 году, князь Олег постригся в Солотче, приняв имя Иоакима. В 1552 году через монастырь, видимо, прошли на Казань отряды армии Ивана Грозного, потому что во второй половине 1550-х гг. в нем построили шатровую Алексеевскую церковь в честь Казанской победы (разобрана в 1847 г.). В XVII в. монастырь переживал некоторый упадок.

Возрождение его связано с именем архимандрита Игнатия Шангина, назначенного в 1688 году. Он выстроил здесь великолепный ансамбль зданий в «нарышкинском» стиле. Обогнув мощные укрепления и войдя на территорию монастыря, сразу попадаешь в иной мир. За стенами плавно течет размеренная монастырская жизнь со своими радостями и заботами. Старые монастырские стены и башни невольно внушают уважение своей монументальностью. Это довольно типичные монастырские укрепления, но впечатление от них остается надолго. Если пройти вглубь монастыря, неожиданно откроется вид на очень симпатичный небольшой храм. Это самая старая из сохранившихся построек – Рождественская церковь (возведена в XVI–XVII вв.). Рождественская церковь относится к довольно редким в древнерусской архитектуре двустолпным храмам. Когда-то ее внутренний свод поддерживали не четыре, а два столба. О том, что храм был двустолпным напоминают фасадные лопатки на северной и южной стенах. Сама церковь выдержана в строгих формах, характерных для XVI века. Построенный в 1696–1698 гг. храм Иоанна Предтечи над Святыми воротами – выдающийся архитектурный памятник. Предполагают, что его автором мог быть известный русский зодчий Яков Бухвостов. Предтеченская церковь богато украшена изразцами, в том числе довольно редкими декоративными деталями. Между окнами на гранях главного восьмерика в особые обрамления вставлены огромные фигуры евангелистов. Автором этих изразцовых фигур был известный московский мастер Степан Полубес.

В 1688–1689 гг. была построена величественная Духовская церковь. Предположительно, строил ее также Яков Бухвостов. Церковь с большой трапезной палатой похожа на настоящий монастырский дворец и напоминает скорее светские постройки. Раньше в трапезную вела снизу торжественная лестница, что усиливало дворцовое впечатление. Звонница, восстановленная современными реставраторами, вероятно, тоже была не столь проста. Несмотря на все перемены, Духовская церковь производит сильное впечатление. Сохранилось великолепное декоративное убранство с чудесными изразцами.

И последнее симпатичное здание, на которое хочется обратить внимание, настоятельские покои. Очень органичное и уютное монастырское строение. Смотришь на него, и кажется, что не прерывалось ни на минуту спокойное течение монастырской жизни.

Напомним, что внимание в нашем исследовании мы в первую очередь обращаем на комплексы монастырей, в которых, несмотря на более поздние переделки и определенные утраты, первоначальный облик мало искажен или сохранился наиболее полно. Поэтому комплекс Раифского Богородицкого мужского монастыря, а именно его художественный облик, представляет несомненный архитектурный интерес (рисунок 2.25).

Несмотря на утраты и более поздние постройки, Раифский Богородицкий мужской монастырь сохранил цельность облика до наших дней. Это единственный в Татарии сохранившийся монастырский комплекс, выдержанный в стиле барокко и предшествующих традиций XVII вв. Каменный ансамбль монастыря сложился за короткое время в 1690–1717 гг. Сохранившееся изображение неизвестного художника показывает, насколько выразительным в целом этот ансамбль был в XVIII ст. На ней ясно читается его композиция с множеством башен и глав. Достаточно точно воспроизведены сами постройки. Сравнительно небольшой по размерам комплекс, в плане имеющий форму пятиугольника, был обнесен по периметру невысокими стенами с башнями. Эта ограда носила традиционный для монастырей предшествующего времени оборонительный характер, оправданный здесь расположением обители вдаль от города среди инородцев. Она во многом определила выразительный облик ансамбля. Как обычно, по углам крепости стояли круглые башни, а на пряслах – прямоугольные, проездные и с церквями. Планировочную ось ансамбля определяли Святые врата. Главная дорога из Казани вела к Святым вратам в восточной стене. Вторые Святые врата акцентировали парадный фасад монастырского комплекса с южной стороны. Кроме того, проездные

ворота были устроены также в северной стене монастыря, вблизи хозяйственного двора. Композиционным ядром монастырского комплекса являлись два каменных храма – собор во имя Живоначальной Троицы и церковь во имя Преподобных Отцев в Синае и Раифе избитых, поставленные в центре монастыря по сторонам главной оси. К церкви Преподобных Отцев примыкала колокольня, служившая высотной доминантой всего ансамбля.

Церкви, которых в 1739 году насчитывалось до 15, располагались также в башнях и ограде. Софийская церковь возвышалась над северной монастырской стеной. Была также церковь в южной ограде. К Софийской церкви с восточной стороны примыкал корпус с братскими кельями, так называемые «Алексеевские покои». Еще одни братские кельи располагались у южной стены, примыкая к ризнице. Настоятельские (казначейские) покои тянулись вдоль западной стены. Есть сведения о том, что в одном из корпусов находилась больница, учрежденная в монастыре в 1724 году. Юго-восточную часть монастыря слева при входе занимало кладбище, а дальний северо-западный угол – хозяйственный двор.

Таким образом, направление движения пришедшего в монастырь паломника складывалось следующим образом. При входе ориентиром для него служила церковь Преподобных Отцев, и дорожка, минуя кладбище слева, вела прямо к ней. Затем посетитель видел Троицкую церковь, и дорожка направлялась туда, обогнув церковь Преподобных Отцев. От Троицкой церкви открывалась перспектива с видом на Святые врата "у озера" в створе двух храмов. Дорожка приводила на открывшуюся площадь, сформированную двумя храмами, братским и настоятельским корпусами. Такая пространственно-планировочная структура не менялась на протяжении всего времени существования монастыря и сохранилась до наших дней.

Анализ показывает, что ансамбль Раифского Богородицкого мужского монастыря сложился в русле общего развития русской архитектуры конца XVII – начала XVIII в. под влиянием традиций различных архитектурных школ, в том числе и местных. Сейчас трудно сказать, что имели в виду древние, говоря о его уподоблении образцам, – необходимо дальнейшее исследование, чтобы «расшифровать» их сложные связи. Период классицизма получил выражение в двух монастырских постройках. В 1833 г. по проекту архитектора А. К. Шмидта была построена каменная часовня. Она возникла на месте прежней деревянной, стоявшей на повороте от дороги к монастырю и пришедшей в ветхость. В 1835–1842 гг. вместо обветшавшей к этому времени церкви во имя Преподобных Отцев был построен новый теплый храм. Собор был освящен во имя Грузинской Божьей Матери по имевшемуся в старой церкви одноименному приделу. Массивное шестистолпное здание в формах позднего классицизма, возведенное по проекту казанского архитектора М. П. Коринфского, стало доминировать в застройке монастыря и играть заметную роль в его облике, в особенности со стороны главного входа.

Последний период активных строительных работ в монастыре относится к концу XIX – началу XX века. В 1899–1903 гг. над святыми вратами была построена новая колокольня с храмом. Композиционный центр ансамбля сместился к входу, а новая пятирусная высотная доминанта в формах неоклассицизма начала XX столетия более соответствовала масштабу поздних построек. В 1904–1910 гг. был возведен новый холодный Троицкий собор. Он был решен в характерном для конца XIX века псевдорусском стиле со стилизацией форм под кирпичную узорность XVII века. Таким образом, строительная история ансамбля Раифского монастыря отразила изменения архитектурных вкусов целой эпохи, начиная от средневековья и до Новейшего времени, в целом оставаясь при этом ярким памятником древнерусской культуры.

Все сказанное выше, как нам кажется, проливает свет на некоторые не всегда учитываемые особенности распространения архитектурных типов и форм в монастырском зодчестве древней Руси. Специфика этого процесса определяется особым положением заказчика, что для средневекового искусства чрезвычайно важно. «По образу, подобию и по существу» – вот каноническая формула, предполагающая бесконечную повторяемость иконографических черт «подлинника», единожды данного образца. Каноничность мышления и общественного поведения, регламентация форм практической деятельности и познания – сущностные определения. При этом искусство обустройства православного монастыря нельзя назвать заимствованным и подражательным в прямом смысле этого слова, поскольку канон (художественный канон, заимствованный из Византии вместе с христианством) содержал лишь «дотворческие» требования к произведению искусства. Результат же, как раз и носил те особенные черты, которые накладывали на произведение искусства конкретные особенности и культурные традиции. Каноничность монастырской православной архитектуры свидетельствует в целом о ее принадлежности к тому типу мышления, которое характеризовало

средневековье вообще. Известно, что в позднем средневековье она подчинялась определенным правилам, сложившимся под воздействием представлений о семантике монастыря как земной модели «Небесного града», духовной крепости, Горнего Иерусалима, огражденного сада и других символов.

Можно сопоставить наблюдающееся во всех монастырях упорное сохранение изначально выбранного центра – места возведения первого собора – с прослеживаемым позднее строго иерархизированным пространством, подразделяемым на сакральное (храм, некрополь, Святые врата), собственно монастырское (ограниченное стоящими по периметру кельями) и сугубо земное (хозяйственный двор). Вероятно, именно этой структурностью, однажды заложенной и вполне осознаваемой иерархичностью, объясняется устойчивость планировочных схем. Семантические требования обусловили раннее возникновение регулярных элементов в планировке монастырей. Их площадки мыслились квадратными или прямоугольными. Во многих случаях они такими и были, лишь впоследствии, в XVI–XVII вв. приобрели усложненную, частично следующую рельефу пятиугольную или ромбическую конфигурацию, особенно при обстройке каменными стенами.

«Расположение города четвероугольником говорит о твердости и прочности; ибо равномерность высоты, долготы и широты некоторыми называется кубом и означает, говорят твердость», – пишет святой Андрей, Архиепископ Кессарийский в «Толковании на Апокалипсис». Возможно, святому Андрею Кессарийскому были знакомы основы фортификации. Нам это неведомо. Впрочем, и сам святой Андрей в предисловии к Толкованию пишет: «Часто, когда многие по любви ко мне имевшие лучшее, чем должно, о моем разумении мнение, просили истолковать Апокалипсис Иоанна Богослова и применить видения ко временам, бывшим после него, я откладывал взяться за то, что выше сил моих, зная, что изъяснение таинственно виденного Святым и имеющего исполниться в будущее время есть дело великого и просвещенного Божественным Духом разума».

Монастырские ансамбли складывались по своим законам. Конечно же, в их формировании существенную роль играли те скрытые символы, которые пронизывают религиозные взгляды и представления о мире. Вместе с тем устроители монастырей не могли абстрагироваться от реальных опасностей, которыми была столь щедра жизнь: и иноземный неприятель, и княжеские усобицы. Поэтому монастыри уже с первых шагов обретали мужественный, крепостной облик. И место для их устройства выбиралось соответственное. Да к тому монастырские отшельники нуждались еще и в защите от жизненных соблазнов. Так что по сравнению с крепостями монастыри нуждались еще в дополнительных степенях защиты. Письменные и иконографические источники убеждают, что возведение ограды, следующей определенному плану, являлось одним из важнейших требований при возведении монастырей. Вопрос же об оградах вплотную подводит к проблеме использования монастырей как фортификационных сооружений, то есть крепостей.

Но всякий ли монастырь был призван соответствовать крепости как таковой? Имеем ли мы основание вслед за авторами многих публикаций на эту тему, повторять, что монастырь обязательно проектировался и строился как долговременное фортификационное сооружение – крепость? Вопросы весьма серьезные, по крайней мере, просто так отмахнуться от них не позволяющие. Попробуем и мы дать ответы на заданные вопросы и критически взглянуть на обозначенную проблему.

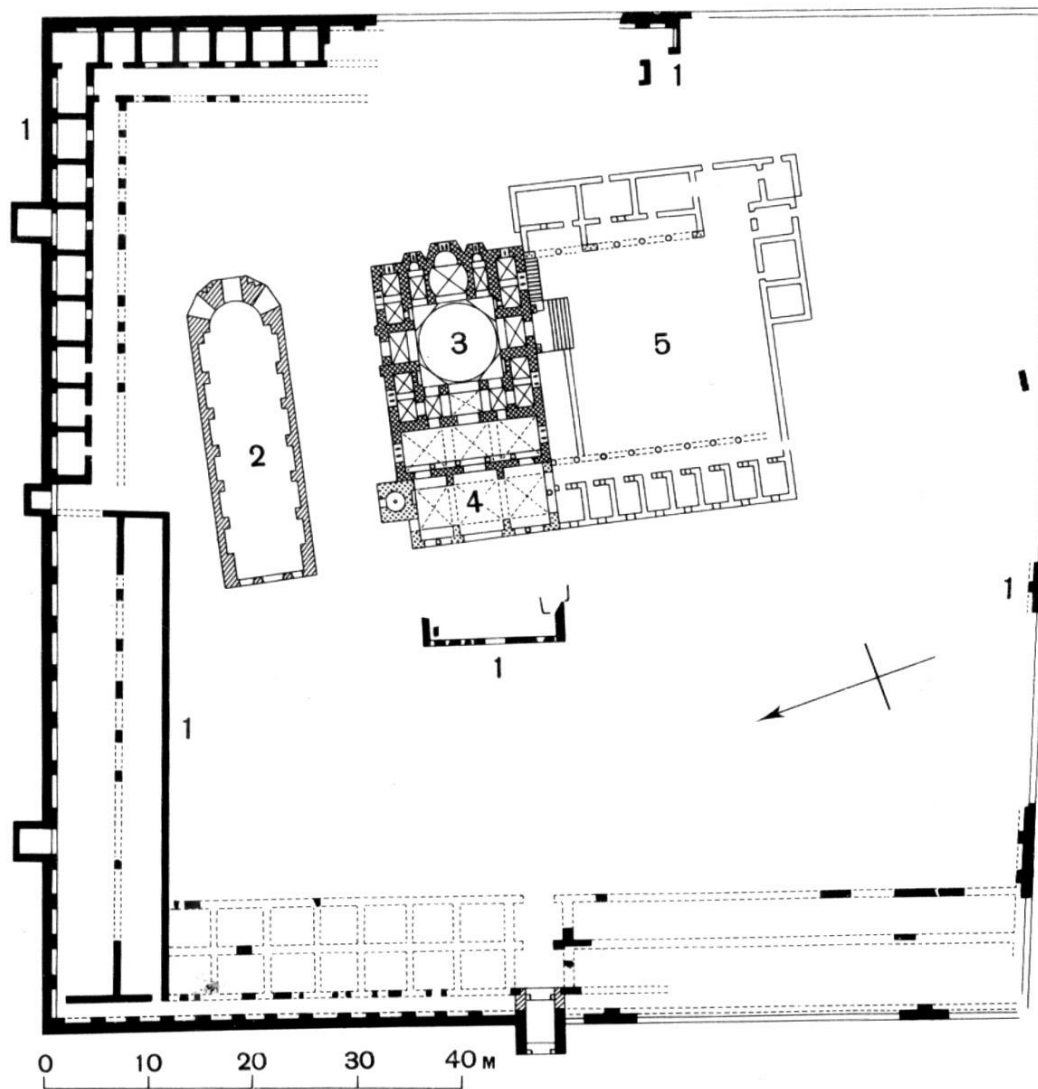

Рисунок 2.1 – Монастырь Дафнии около Афин. План монастырского комплекса:
 1 – остатки построек V–VI вв.; 2 – остатки трапезной XI века; 3 – церковь Успения Богородицы; 4 – нартекс церкви Успения Богородицы, построен между 1211–1458 гг.; 5 – монастырский двор, построен не ранее XVI в.

Рисунок 2.2 – Православные монастыри на Афоне

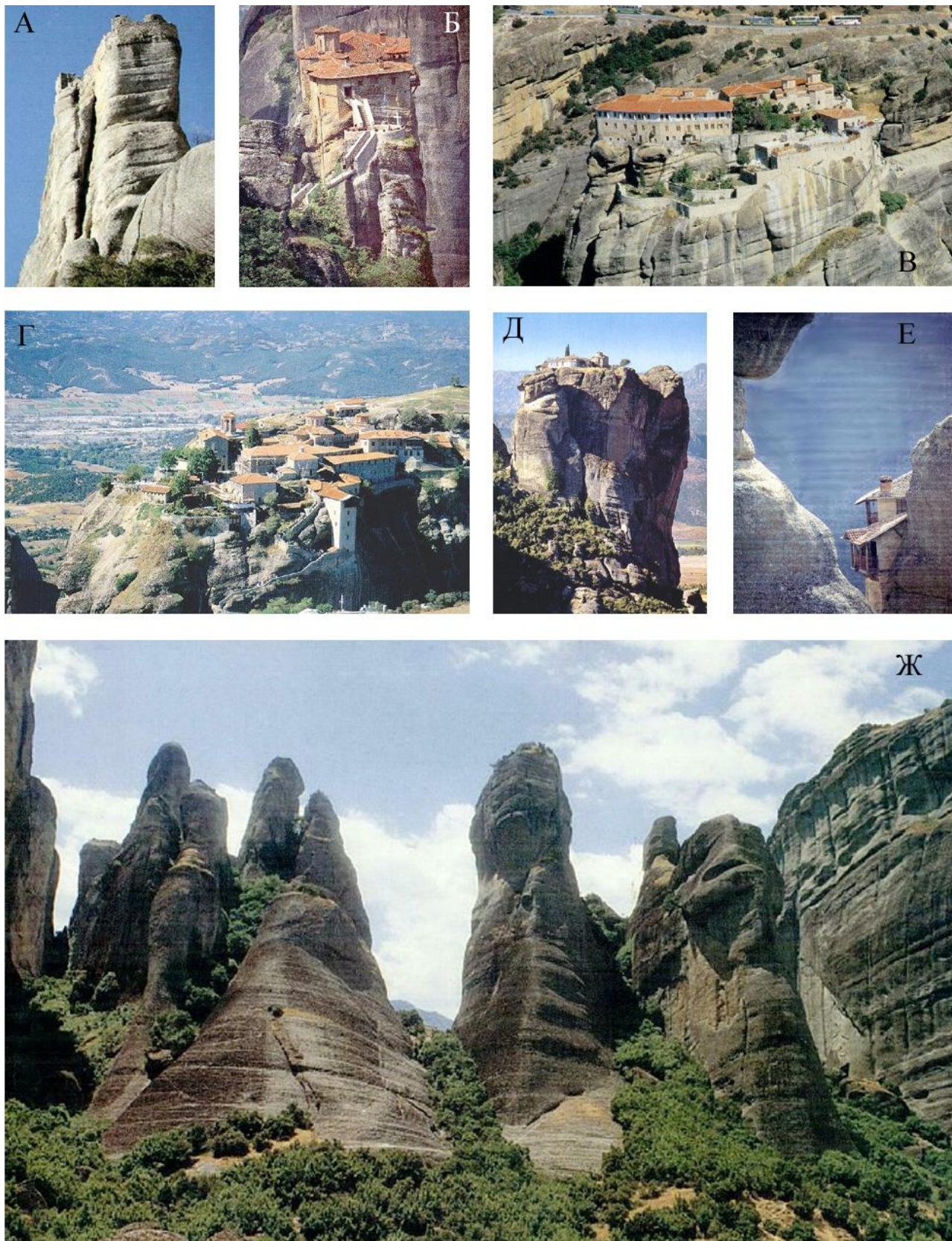

Рисунок 2.3 – Монастыри Метеоры:
 А – Аскитарий; Б – женский монастырь Русану; В – монастырь Святого Варлаама; Г – Спасо-Преображенский монастырь; Д – монастырь Святой Троицы; Е – монастырь Святого Николая Анапавса; Ж – общий вид

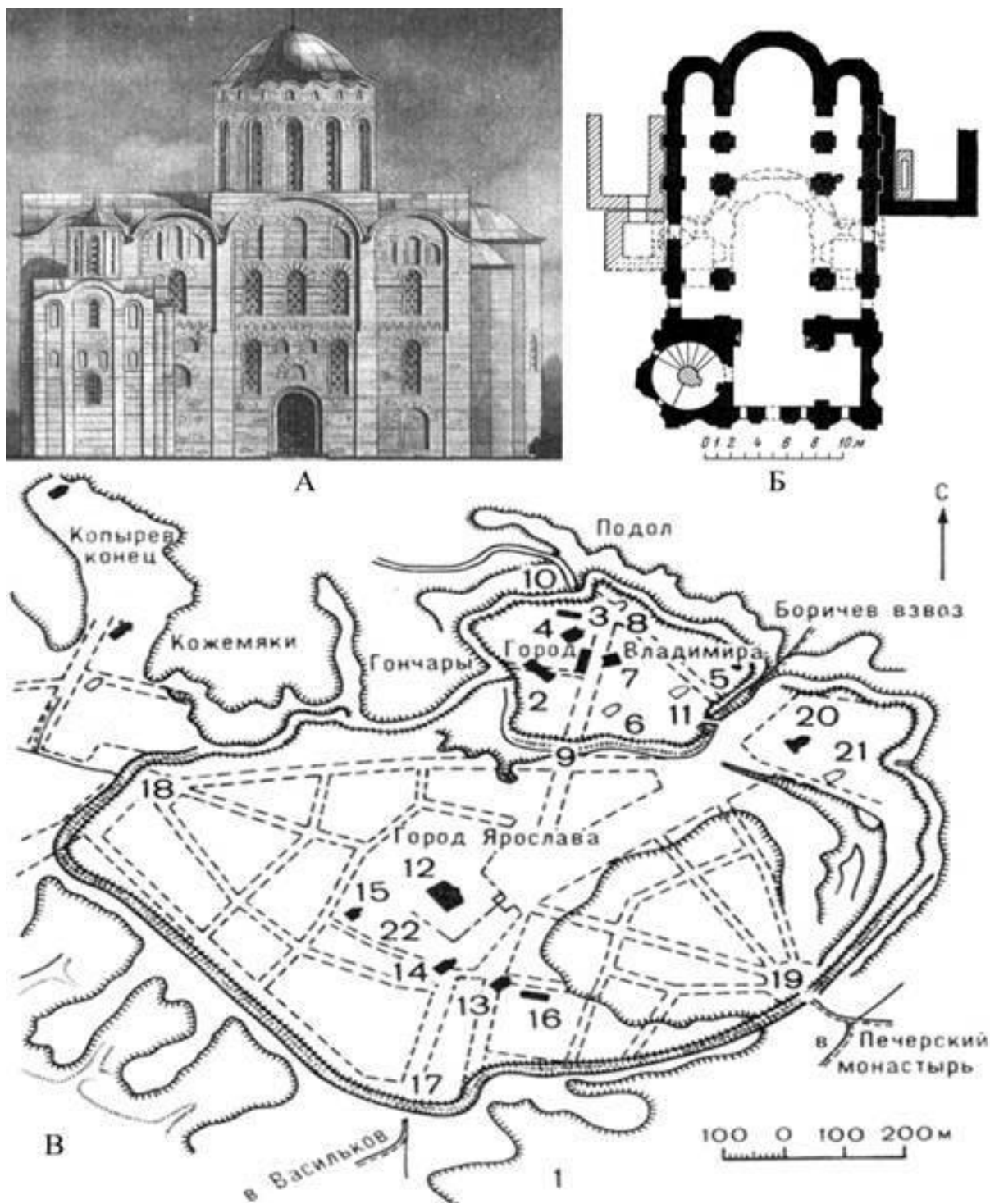

Рисунок 2.4 – Монастыри Киева X–XI вв.:

А – собор Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве (реконструкция Ю. С. Асеева); Б – план собора Выдубицкого монастыря в Киеве (реконструкция М. К. Каргера); В – план Киева X–XI вв.:

1 – 3 – дворцовые постройки; 4 – Десятинная церковь; 5 – церковь Василия; 6 – церковь Федоровского монастыря; 7 – церковь Андреевского монастыря; 8 – церковь Крестовоздвиженского монастыря; 9 – Батыевы ворота; 10 – Подольские ворота; 11 – ворота к Боричеву извозу; 12 – Софийский собор; 13 – церковь Святой Ирины; 14 – церковь Святого Георгия; 15 – церковь; 16 – дворец; 17 – Золотые ворота; 18 – Львовские ворота; 19 – Лядские ворота; 20 – собор Михайловского Златоверхого монастыря; 21 – церковь Дмитриевского монастыря; 22 – остатки стены

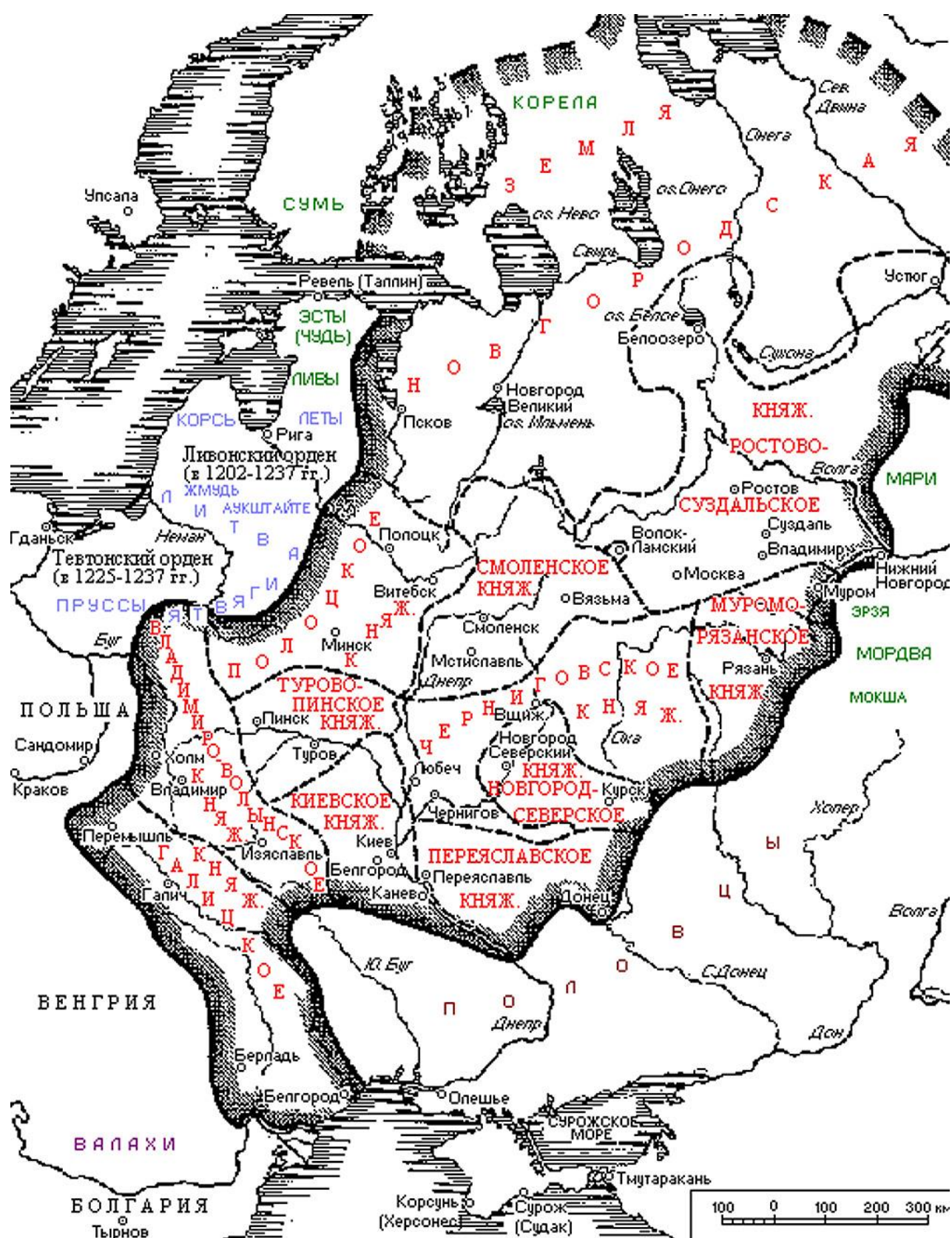
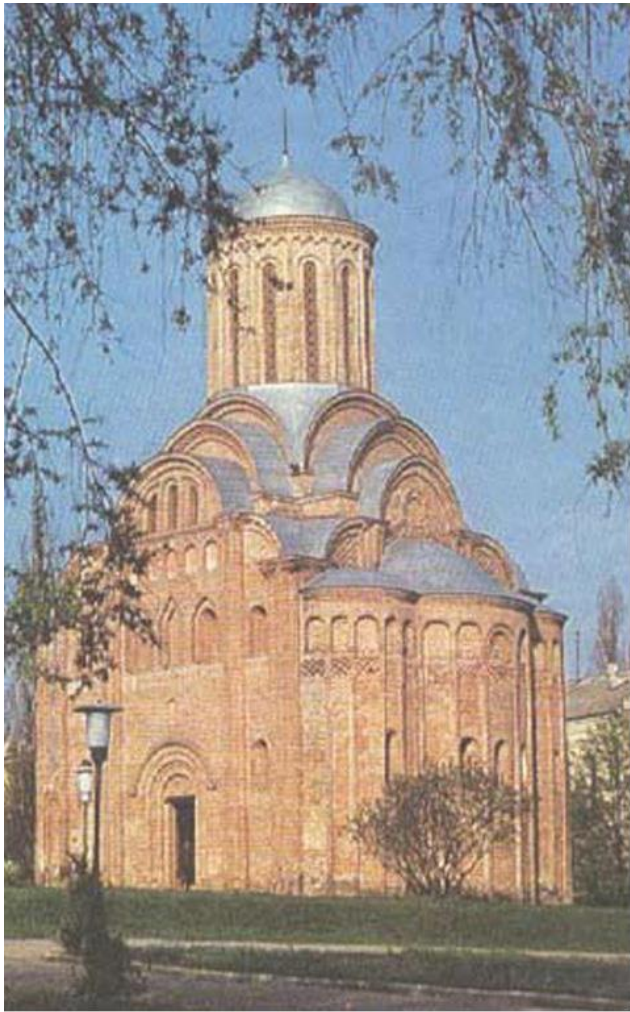

Рисунок 2.5 – Русские княжества XII века

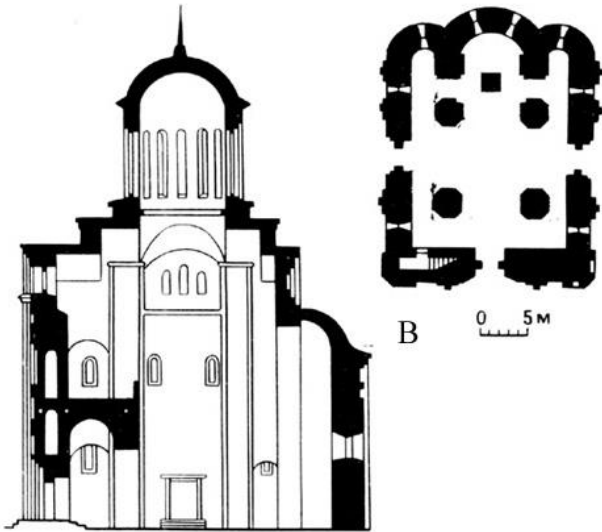

А

Г

Б

В

0 5М

0 5М

Д

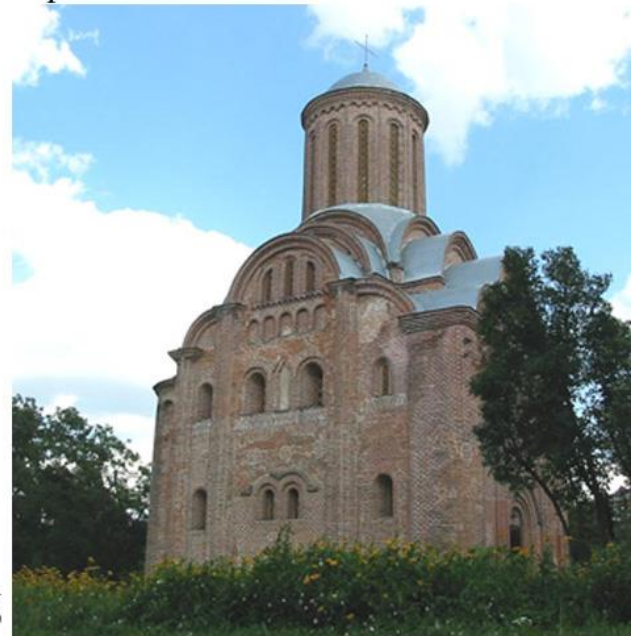

Рисунок 2.6 – Церковь Праскевы Пятницы в Чернигове:
 А – вид с юго-востока; Б – разрез; В – план; Г – западный фасад; Д – вид с северо-запада

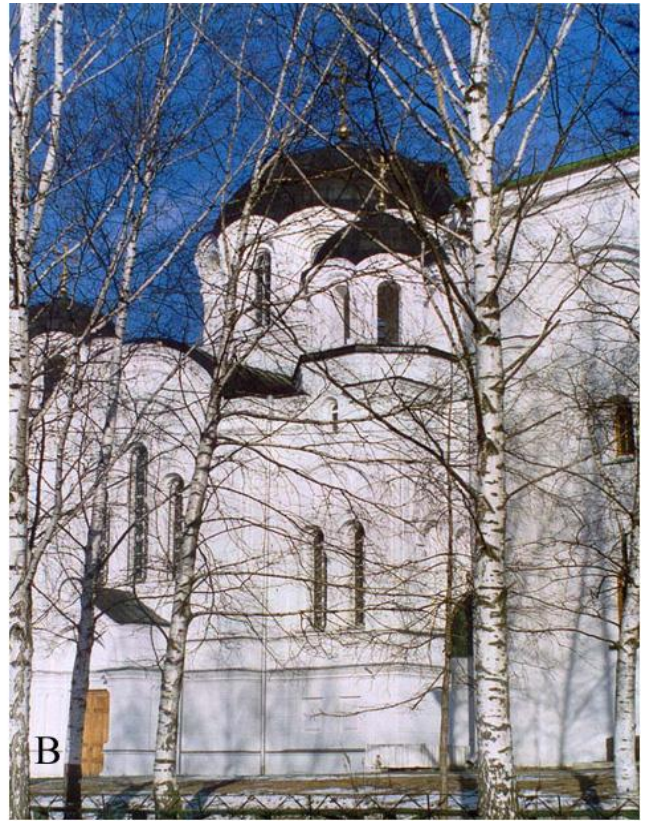

Рисунок 2.7 – Спасо-Евфросиньевский монастырь в Полоцке:
А – общий вид монастыря с птичьего полета; Б – панорама монастыря с востока;
В – Крестовоздвиженский собор; Г – Спасо-Евфросиньевский монастырь в Полоцке (вид с юго-востока)

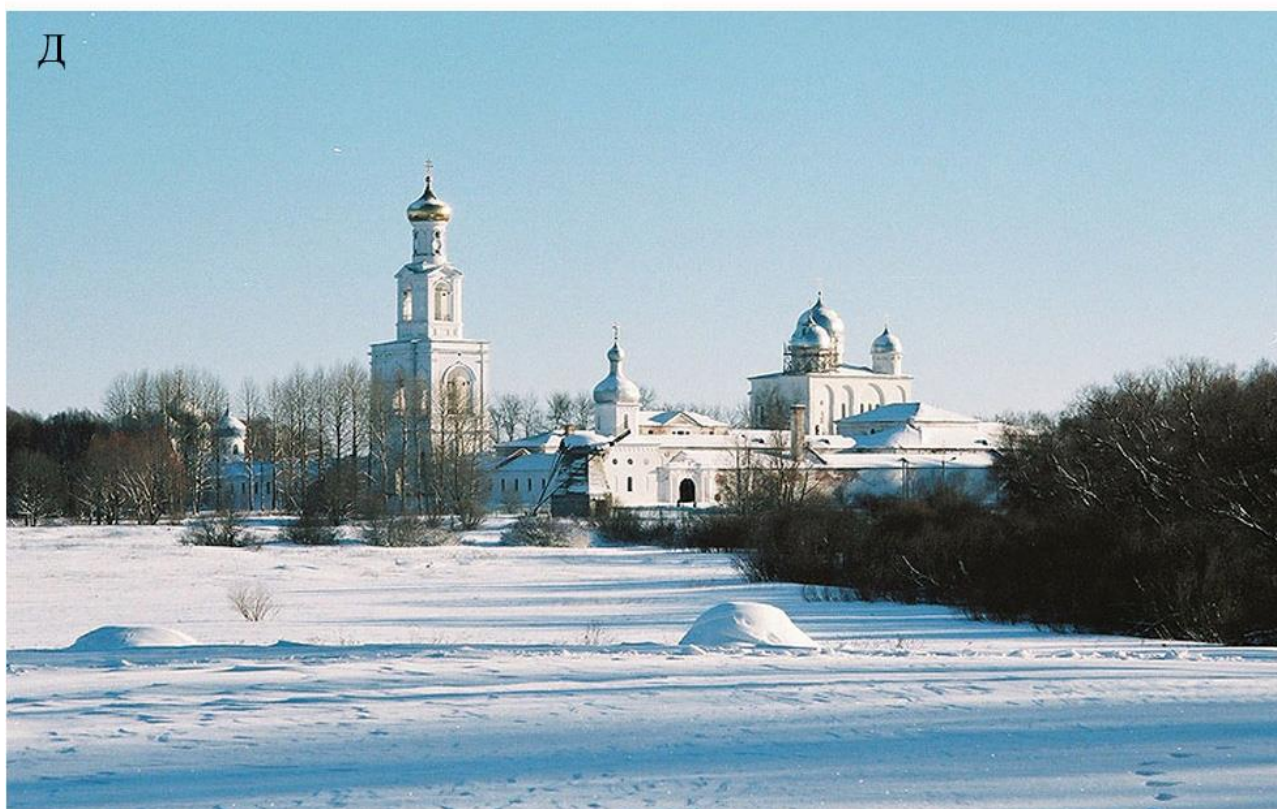

Рисунок 2.8 – Юрьев монастырь:

А – общий вид монастыря; Б – Крестовоздвиженский собор; В – панорама монастыря с реки Волхов; Г – вид монастыря с северо-запада; Д – вид монастыря от Витославиц

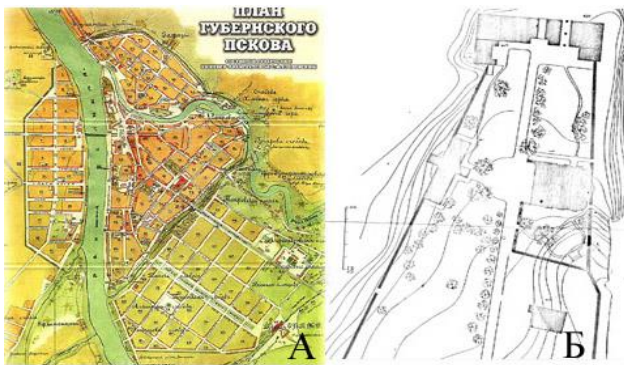

Рисунок 2.9 – Мирожский монастырь:

А – схема генерального плана города Пскова; Б – схема генерального плана монастыря; В, Г – Стефановская надвратная церковь (вид с северо-востока и востока); Д – панорама монастыря с противоположного берега реки Великой; Е – вид на монастырь от Псковского кремля

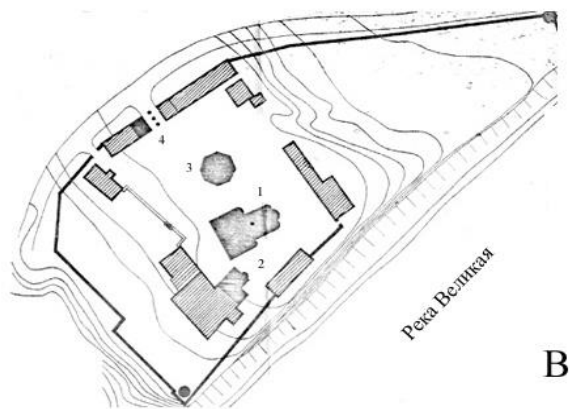

Рисунок 2.10 – Снетогорский монастырь: А – общий вид монастыря;
 Б – схема генерального плана монастыря:
 1 – Рождественский собор; 2 – Никольская церковь; 3 – Вознесенская церковь; 4 – Святые ворота; В – Святые
 ворота; Г – внутренний двор монастыря; Д – панорама монастыря со стороны реки Великой

Рисунок 2.11 – Покровский монастырь в Суздале:
А – вид на монастырь с юго-востока; Б – Покровский собор с колокольней; В – Святые ворота с Благовещенской церковью; Г – вид на Покровский монастырь от Спасо-Евфимьева монастыря

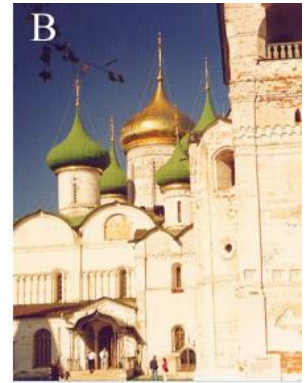
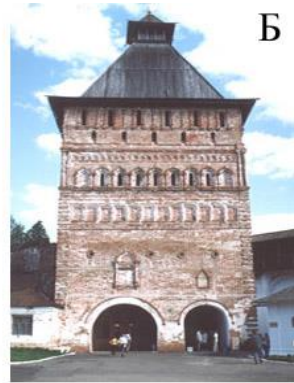

Рисунок 2.12 – Спасо-Евфимьев монастырь в Суздале:
А – общий вид монастыря; Б – Проездная башня; В – Спасо-Преображенский собор со звонницей; Г – вид монастыря с юго-запада; Д – Спасо-Преображенский собор (вид с юго-востока); Е – звонница

Рисунок 2.13 – Свято-Введенский Толгский монастырь в Ярославле:
А – общий вид монастыря; Б – вид монастыря с юго-запада; В – ворота в кедровник;
Г – пруд внутри монастыря; Д – вид монастыря с запада

Рисунок 2.14 – Никитский монастырь в Переславле-Залесском:
А – общий вид монастыря; Б-Г – башни и стены монастыря; Д – вид с юго-запада.

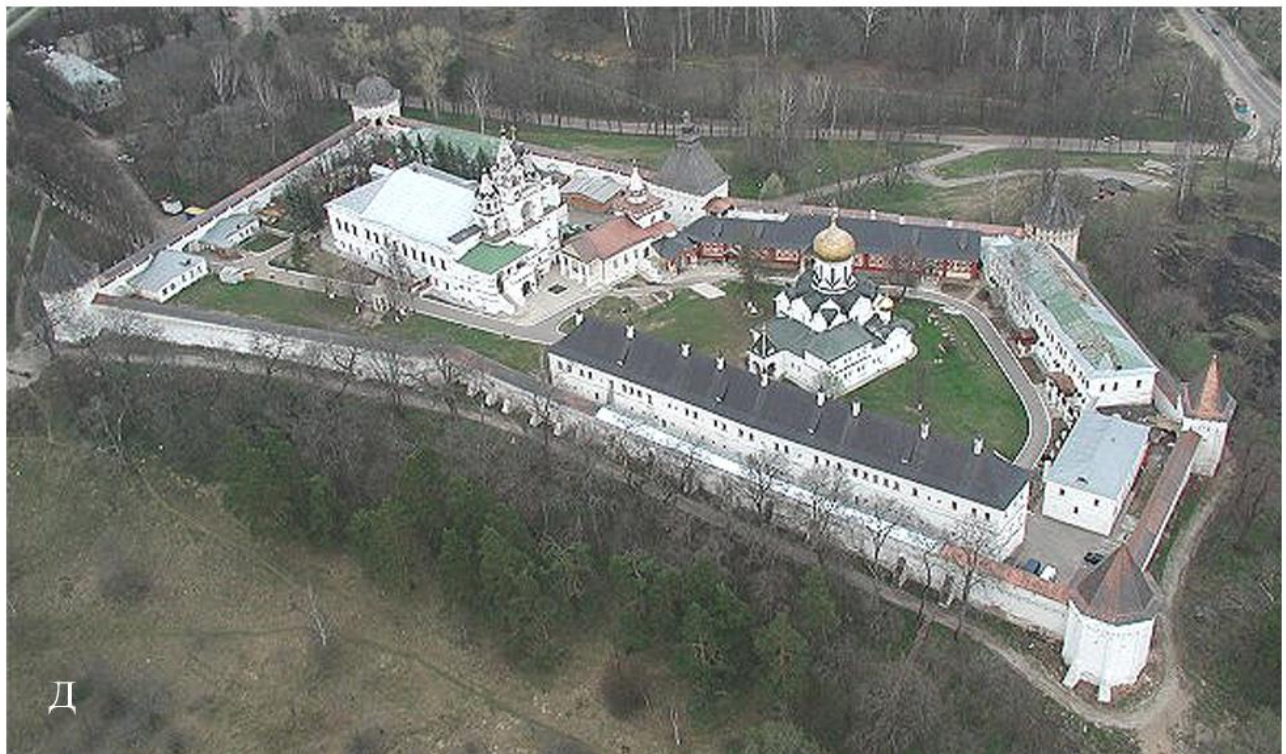
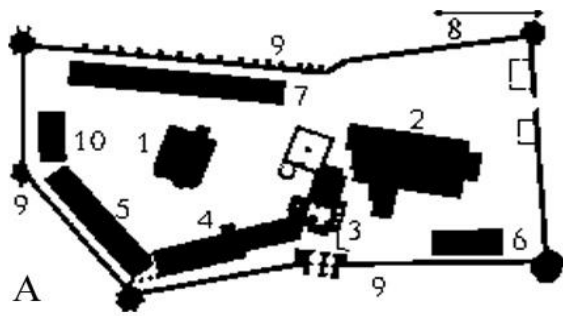

Рисунок 2.15 – Саввино-Сторожевский монастырь:

А – схеме генерального плана: 1 – Собор Рождества Богородицы; 2 – комплекс трапезной со звонницей; 3 – Надвратная Троицкая церковь; 4 – Царицыны палаты; 5 – братский корпус; 6 – жилой корпус Духовных училищ; 7 – дворец царя Алексея Михайловича; 8 – смотровая площадка; 9 – ограда с башнями; 10 – кельи; Б – вид с северо-восточной стороны; В – церковь Святой Троицы и звонница; Г – вид с севера; Д – вид с птичьего полета

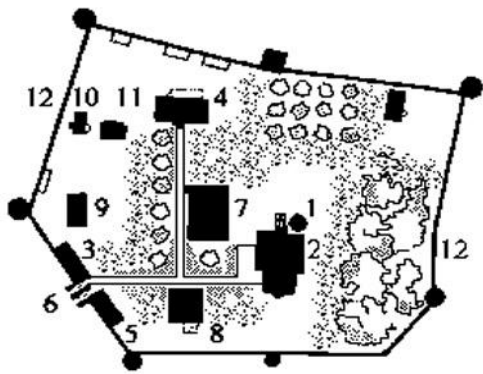

Рисунок 2.16 – Иосифо-Волоколамский монастырь:

А – схема генерального плана: 1 – колокольня; 2 – Успенский собор; 3 – казначейский корпус; 4 – братский корпус с гостиницей; 5 – настоятельский корпус; 6 – Святые ворота; 7 – трапезная; 8, 9 – певческие корпуса; 10 – келарский корпус; 11, 12 – хозпостройки; Б – вид с юго-запада; В – вид с востока; Г – панорама

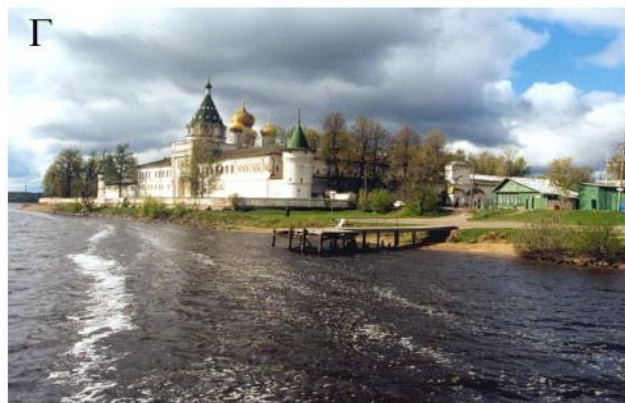
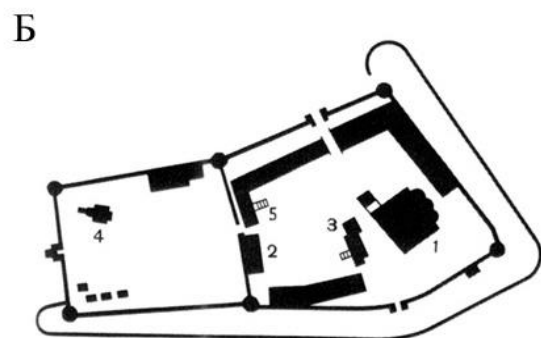

Рисунок 2.17 – Ипатьевский монастырь в Костроме:
 А – вид с северо-запада; Б – схема генерального плана: 1 – Троицкий собор; 2 – корпус «над погребами»;
 3 – звонница; 4 – Спасопреображенская церковь; 5 – палаты бояр Романовых; В, Г – вид с юго-востока;
 Д – панорама со стороны реки Кострома

Рисунок 2.18 – Феропонтов монастырь:

А – общий вид монастыря: 1 – собор Рождества Богородицы; 2 – церковь Благовещения с трапезной палатой; 3 – казенная палата; 4 – церковь преподобного Мартиниана; 5 – надвратная церковь Богоявления с приделом преподобного Феропонта; 6 – колокольня; Б – вид с востока; В – церковь преподобного Мартиниана; Г – Святые ворота; Д – вид с северо-запада

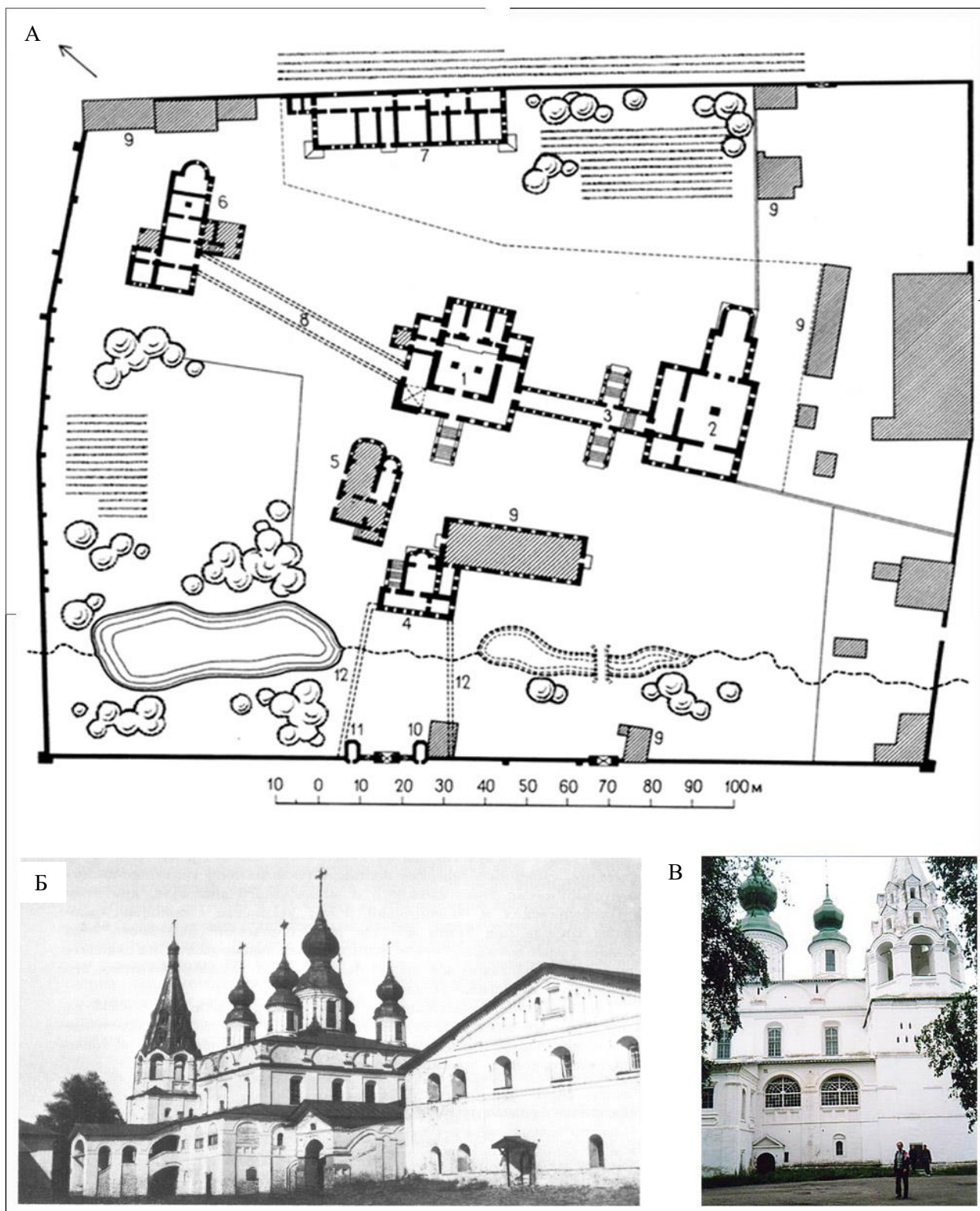

Рисунок 2.19 – Михаило-Архангельский монастырь:

А – схема Михаило-Архангельского монастыря: 1 – архангельский собор с колокольней; 2 – церковь Введения с трапезной палатой; 3 – переходы; 4 – Владимирская надвратная церковь; 5 – церковь Киприяновская; 6 – настоятельские кельи с церковью всех святых; 7 – братские кельи; 8 – не сохранившийся переход; 9 – хозяйственные постройки; 10 – часовня Прокопия; 11 – часовня Иоанна; 12 – предполагаемое место старой каменной монастырской стены; Б – архангельский собор; В – колокольня архангельского собора

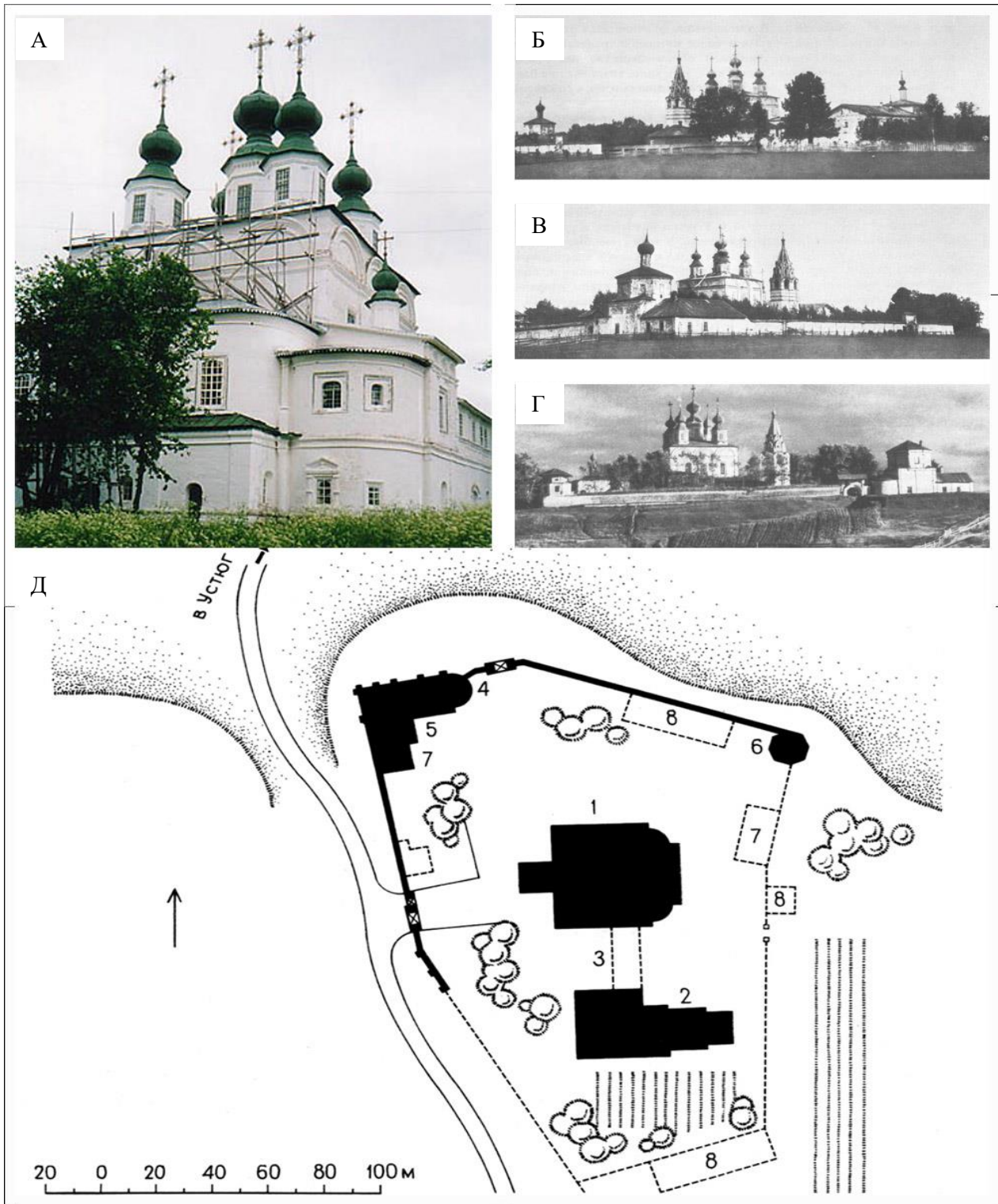

Рисунок 2.20 – Троице-Гледенский монастырь:

А – Троицкий собор. Вид с северо-востока; Б – Троице-Гледенский монастырь. Вид с северо-запада; В – Троице-Гледенский монастырь. Вид с юго-запада; Г – Троице-Гледенский монастырь. Вид со стороны Великого Устюга. Д – схема монастыря: 1 – Троицкий собор; 2 – Тихвинская церковь с трапезной палатой; 3 – несохранившиеся переходы; 4 – Успенская церковь; 5 – больничный корпус; 6 – угловая башня; 7 – кельи; 8 – хозяйственные постройки

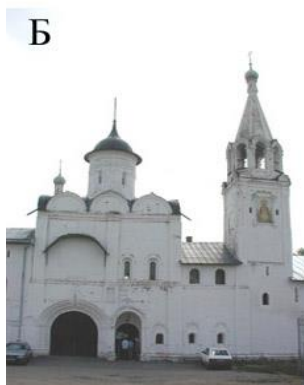
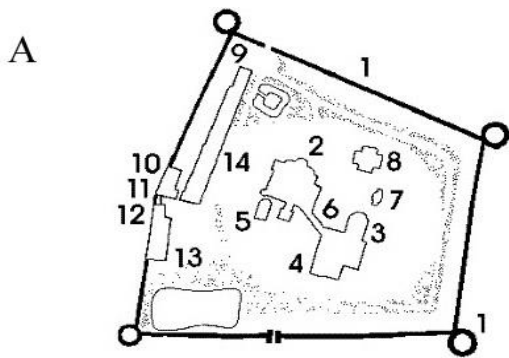

Рисунок 2.21 – Спасо-Прилуцкий мужской монастырь:

А – схема генерального плана: 1 – стены и башни; 2 – Спасский собор; 3 – Введенская церковь; 4 – настоятельские кельи; 5 – колокольня; 6 – галерея; 7 – церковь Екатерины; 8 – Успенская церковь; 9 – церковь Всех Святых; 10 – хозяйственные; 11 – Святые ворота; 12 – колокольня надвратной церкви; 13 – зимние настоятельские кельи; 14 – братский корпус; Б – церковь Вознесения; В – Спасский собор и колокольня; Г, Д – стены и башни монастыря; Е – внутренний вид

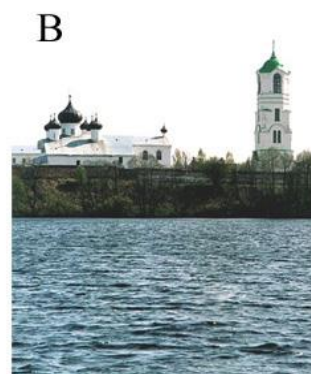

Рисунок 2.22 – Свято-Троицкий Александра Свирского мужской монастырь:
А – общий вид; Б – колокольня; В – вид с северо-востока; Г – панорама внутреннего двора;
Д – Спасо-Преображенский собор и колокольня

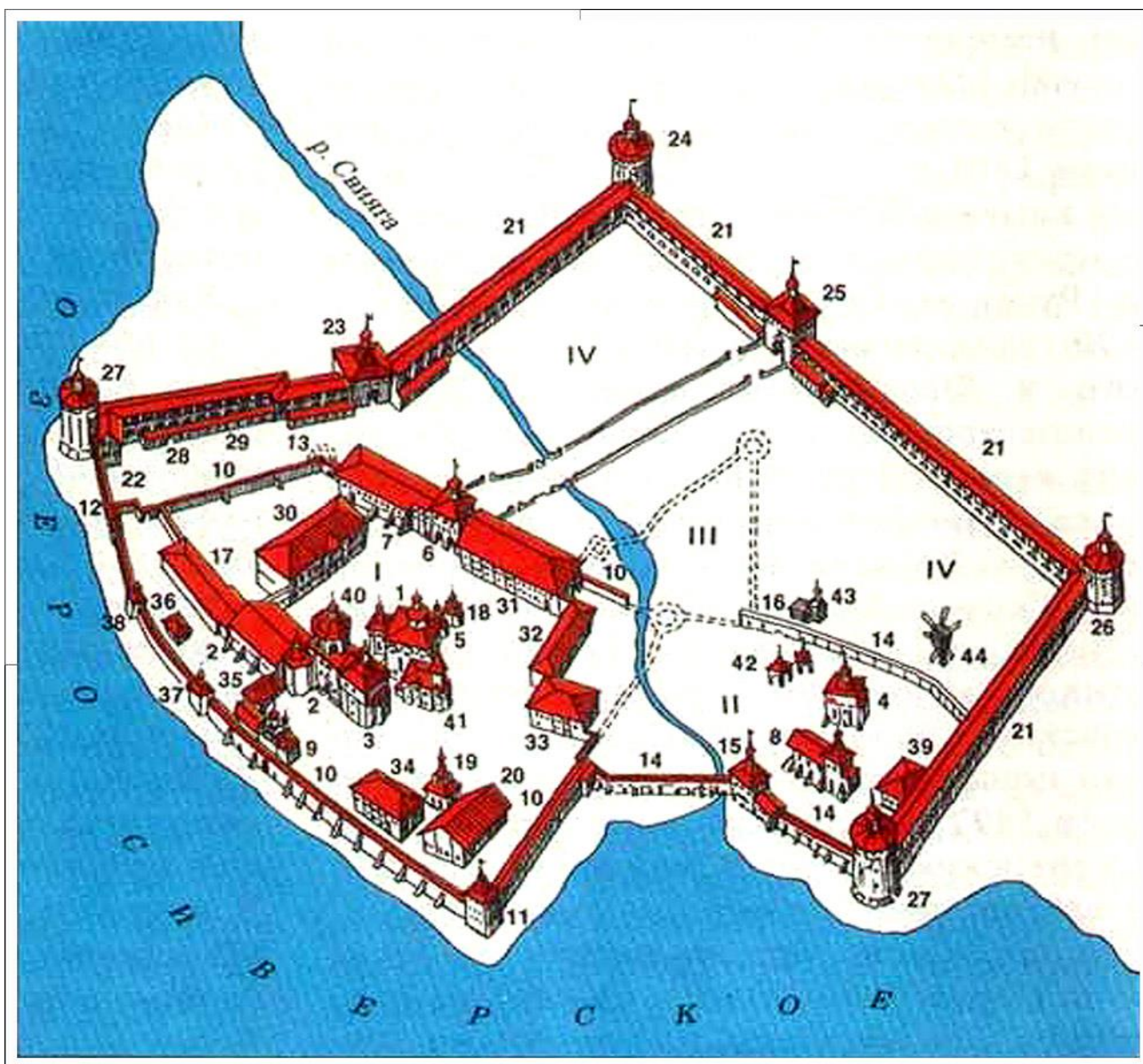

Рисунок 2.23 – Схема Кирилло-Белозерского монастыря:

- I – Успенский монастырь; II – Ивановский монастырь; III – острог; IV – новый город; 1 – Успенский собор; 2 – церковь Введения с трапезной палатой; 3 – церковь Архангела Гавриила; 4 – церковь Иоанна Предтечи; 5 – церковь Владимира; 6 – Святые ворота с церковью Иоанна Лествичника; 7 – казенная палата; 8 – церковь Сергия Радонежского с трапезной палатой; 9 – церковь Преображения; 10 – стены Успенского монастыря; 11 – свиточная башня; 12 – Мереженная башня; 13 – Грановитая башня; 14 – стены Ивановского монастыря; 15 – Глухая башня; 16 – Святые ворота Ивановского монастыря; 17 – поварня; 18 – церковь Елифания; 19 – церковь Евфимия; 20 – большие больничные палаты; 21 – Стены «Нового города»; 22 – Большая Мереженная башня; 23 – Косая башня; 24 – Ферапонтовская башня; 25 – Казанская башня; 26 – Вологодская башня; 27 – Кузнечная башня; 28 – Троицкие ворота; 29 – так называемая «тюрьма»; 30 – архимандричьи кельи; 31 – монашеские кельи; 32 – священнические кельи; 33 – кельи, так называемый «Монастырский архив»; 34 – кельи, так называемое «Духовное училище»; 35 – кельи, так называемый «Домик келаря»; 36 – поваренные кельи; 37 – Хлебная башня; 38 – Поваренная башня; 39 – малая больничная палата; 40 – колокольня; 41 – церковь Кирилла; 42 – каменные сени над часовней с крестом; 43 – церковь Ризоположения из села Бородавы; 43 – деревянная мельница

Рисунок 2.24 – Соловчинский монастырь Рождества Богородицы женский монастырь:
 А – общий вид; Б – Духовская церковь с трапезной и колокольней; В – то же до реконструкции; Г – святые
 ворота с церковью Иоанна Предтечи вид с востока до реконструкции; Д – то же вид с юго-запада после
 реконструкции; Е – храм Рождества Богородицы; Ж – стена; З – настоятельский корпус

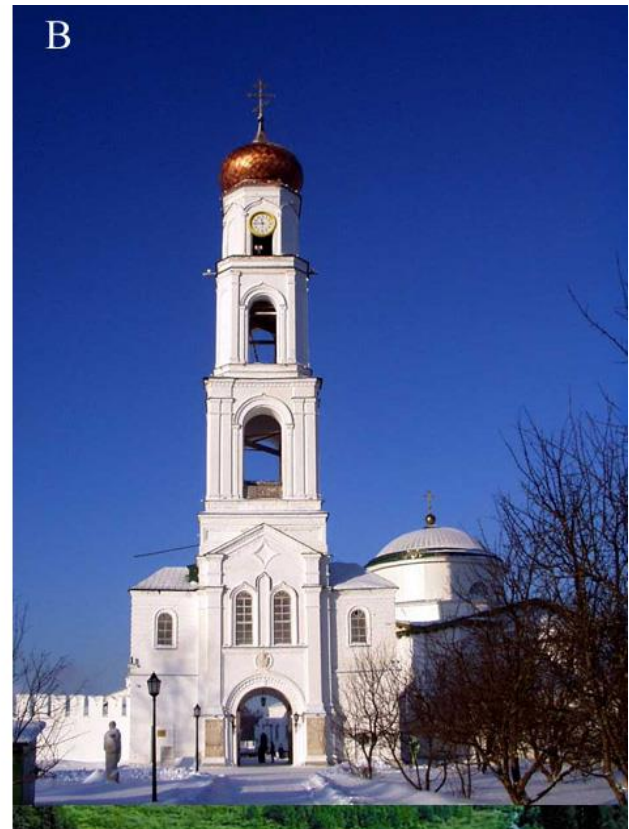

Рисунок 2.25 – Раифский Богородицкий мужской монастырь:
А – комплекс монастырских храмов; Б – вечерняя панорама монастыря; В – колокольня;
Г – общий вид монастыря

3 МОНАСТЫРИ-КРЕПОСТИ. КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Авторы настоящего исследования, будучи ограниченными определенным объемом своего труда, не имеют возможности уделить место даже краткому описанию эволюции фортификационных форм, и вынуждены остановиться только на эволюции идей и форм фортификации.

3.1 Фортификационные идеи и формы в Древний период и Средние века

Ограды, стены и башни и их значение в обороне. Соединение отдельных людей и их семей в общины послужило толчком для дальнейшего расширения и развития первобытной формы укрепленного жилья, которое к тому же должно было оказывать сопротивление уже не хищному зверю, а более опасному врагу – самому человеку. За недостатком местных преград устраивали искусственные: врывали в землю колья, которые оплетали толстым хворостом, располагали засеки, наконец, насыпали земляные валы. Так появились первобытные ограды. Сообразно местному материалу ограды древних устраивались из земли, земли и дерева и из камня. По сохранившимся образцам можно думать, что ров не составлял неотъемлемой принадлежности ограды, хотя возможно, что в некоторых случаях ров сгладился от времени. У наружного гребня вала иногда располагался палисад (частокол) или плетень, из-за которого обороняющиеся, стоя на поверхности вала, могли поражать атакующих (рисунок 3.1). Иногда вал образовывали двумя параллельными палисадами, промежуток между которыми засыпали землей; палисад, обращенный к неприятелю, делался выше и служил обороняющемуся, стоявшему на насыпи, укрытием. Земляные и деревянные ограды можно было легко эскалаторировать, то есть влезать на них, а деревянные стены последних также поджигать. Поэтому в Европе скоро перешли к каменным оградкам, представлявшим собой стены, обычно окружавшие город и имевшие башни на углах или, при большей длине, и посередине. Стены делались высокими (от 6 м и выше), чтобы на них трудно было взобраться по приставным лестницам. Одновременно стены делались прочными и толстыми (около 2 м), чтобы их нельзя было пробивать стеноломными машинами, и чтобы наверху их можно было располагать войска и метательные машины (рисунок 3.2). Иногда возводили две параллельные стены, соединяя их поперечными стенками и заполняя промежуток землей. Этим достигали такой толщины стены, что поверху ее могли разехать две колесницы. Так, например, стены Вавилона имели толщину в 21 м. Книзу стена для устойчивости утолщалась. Для прикрытия стоящих наверху стены людей наружная часть последней увенчивалась тонкой стенкой высотой от 1,4 до 2 м, называвшейся брустверной стенкой или парапетом. В брустверной стенке делались приспособления для стрельбы по впереди лежащей местности в виде отверстий с наклонными подошвами, которые назывались бойницами, благодаря чему появились зубчатые стены. Так как из бойниц можно было обстреливать местность лишь в некотором удалении от подошвы стены, то у стены образовывалось непоражаемое пространство. Для ликвидации его устраивали так называемые навесные бойницы – «машикули», путем образования у брустверной стенки свесов. От французского выражения «mache-col», то есть бить в голову.

Башни представляли собой многоэтажные оборонительные постройки большой прочности (толщина их стен делалась внизу в 4 – 6 м) и высоты (до 1,5 раза выше стен), с открытой платформой наверху, увенчанной зубчатым парапетом. Этажи сообщались между собой приставными лестницами.

В нижнем этаже устраивалось сообщение с внутренностью ограды, а в одном из средних этажей и с верхом ограды, которая в этом месте доводилась до башни лишь на толщину парапета, образуя здесь ров, который перекрывался подъемным мостом из башни с тем, чтобы штурмующие, взобравшись где-нибудь на стену, не смогли отсюда проникнуть в башню. В плане башни бывали круглые, овальные, многоугольные и располагались одна от другой на расстоянии, не превосходящем двойной дальности полета стрелы, – 200 шагов. Значение башен в обороне состояло в том, что они разделяли обороняющегося на отдельные участки, позволяли вести оборону шаг за шагом и не давали атакующим возможности распространяться по всей ограде. Другое назначение башен состояло в продольном обстреле стен, то есть во фланкировании доступов к стенам. Одновременно башни прикрывали выходы и сообщения внутреннего пространства с полем, для чего в башнях или стенах (между двумя сближенными башнями) устраивались ворота. Таким образом, башни являлись опорными пунктами ограды.

Земляные и деревянные ограды. Простые земляные ограды были единственным первобытным средством защиты у славян до половины IX века. Русские земляные ограды в первоначальном своем виде были такие же, как и в Западной Европе, то есть состояли из вала со рвом впереди (рисунок 3.3). Их сила заключалась в значительной высоте вала, такой же глубине рва и труднодоступной крутизне отлогостей. По уцелевшим старинным земляным оградам и основываясь на официальных актах, историки указывают на высоту валов до 21 м и глубину рвов в 10,5 м. В конце XI столетия земляной вал стали увенчивать деревянным забором, носившим название тына или заборола, а пространство за ним называлось затином. Это был первообраз бруствера. Наиболее характерным типом древних русских оград являются деревянные ограды, начавшие входить в употребление с IX века. Деревянные ограды разделялись на тыновые и венчатые; первые состояли из палисада с бойницами или с банкетом; вторые – из срубов, или, по-тогдашнему, из городней, прислоненных один к другому. Говоря о постройке деревянных оград, летописцы применяют выражение «срубить город». Простейший тип древнерусской деревянной ограды представляет сруб из двух бревенчатых стен, увенчанный спереди меньшим срубом, образовавшим парапет или бруствер, в котором устраивались как простые бойницы для обстреливания впереди лежащей местности, так и навесные – для обстреливания подножия ограды (рисунок 3.4).

Длина срубов определялась величиной имевшегося под рукой леса, а ширина – толщиной стены, необходимой для помещения на ней войск и свободного их действия. Вскоре стали применять деревянные стены, рубленные тарасами, состоявшие из двух продольных стен, связанных поперечными, промежутки между которыми заполнялись землей и камнями. Высота деревянных стен зависела от разных обстоятельств: от важности укрепляемого пункта, положения ограды относительно местного горизонта и прочее. Толщина стен изменялась в пределах 2–6 м, что было достаточно для помещения стрелков. Метательные же машины обычно помещались в башнях, которыми усиливались стены, укрепляя внешнюю и внутреннюю оборону. Башни назывались в старину вежами, столпами, кострами (от слова *castrum* – замок). Башни возводились большей частью квадратной формы в плане (по выражению летописцев – «рубилась на 4 стены») или шестиугольные высотой от 6 до 13,5 м. Различали проезжие и подзорные башни. Первые служили для сообщения, вторые – для наблюдения за отдаленной местностью. Подзорные башни строились выше и оканчивались караульной с крышей, называвшейся вышкой. В стенах башен устраивались отверстия для стрельбы, называвшиеся окнами и бойницами. Башни располагались по углам ограды и у длинных прямолинейных ее участков, выступая из-за стены на 2 – 3 м.

Осадное искусство, особенности приемов атаки и соответствующие мероприятия обороны. Осадное искусство стояло в древности на очень высокой ступени развития. Основные способы атаки древних крепостей выражались в нечаянном нападении, атаке открытой силой, блокаде и постепенной атаке. Нечаянное нападение обычно производилось ночью при слабом гарнизоне в случае измены или подкупа. Нападали с нескольких сторон, стараясь овладеть воротами и впустить в них главную массу войск. Для непосредственного проникновения в город особых правил не существовало, и здесь большую роль играли хитрость (взятие Трои) и случайность. Мерами противодействия нечаянному нападению были охрана, бдительность гарнизона и расположение на стенах часовых.

Атака открытой силой или приступ производилась днем, после выигранного сражения, с большими силами. Выдвигали сначала стрелков, которые прикрывались переносными или подвижными (на колесах) деревянными, обитыми кожей щитами, называвшимися плутеи. Стрелки старались прогнать

обороняющихся со стен, а следовавшие за ними колонны рабочих заваливали ров приносным материалом и устанавливали лестницы для влезания на стены (для эскалады). Эти лестницы назывались самбуки, имели высоту до 17 м и такую ширину, что по ним могли всходить 2–3 человека рядом. Иногда самбуки бывали двойные и по ним сразу могли влезть 20 человек. Применялись также веревочные самбуки с крюками, которыми захватывали за зубья стен. Наконец встречались смешанные лестницы: наполовину деревянные, наполовину веревочные. За рабочими двигалась плотной массой штурмовая колонна, прикрывая себя спереди, с боков и сверху щитами. В большей части случаев атака велась одновременно с разных сторон и даже со стороны моря. Отбитый штурм повторялся.

Действия обороняющихся против штурма заключались в поражении стрелами и иными снарядами (копьями, камнями и пр.) наступающих войск. Во время эскалады стен, обороняющиеся сбрасывали тяжелые предметы, лили кипяток, горячую смолу, сыпали известь на штурмующих. Лестницы обороняющиеся старались опрокинуть. Когда штурмующий влезал на стену, то на последней разгорался рукопашный бой. Если стена очищалась от войск обороняющегося, то штурмующий подвергался перекрестному огню с двух соседних башен. Наконец обороняющиеся производили вылазки, стараясь действовать ими во фланг и тыл осаждающих крепость.

Блокада являлась довольно распространенным способом овладения древними крепостями. Будучи изолирована, крепость предоставлялась собственным средствам, и защитники ее, истребив запасы, пытались прорваться или сдавались на капитуляцию. Единственным средством обороны против блокады было снабжение крепости в изобилии жизненными припасами. Деревянные крепости успешно противостояли врагу, выдерживая длительные осады, и только совершенствование военной техники и частые пожары ускорили замену деревянных стен каменными.

3.2 Русские православные монастыри как долговременные фортификационные сооружения

Мы отмечали в предыдущем подразделе, что возведение ограды, следующей определенному плану, – одно из важнейших требований при возведении монастырей. Вопрос же об оградах вплотную подводит к проблеме использования монастырей как фортификационных сооружений. Монастыри – «сторожи» Москвы давно превратились в одно из общих мест историографии. Исходную гипотезу предложили еще до революции 1917 года. Аргументы исследователей сводятся к хорошо известным фактам:

- во-первых, использования монастырей как опорных пунктов в войнах XVI–XVII вв.;
- во-вторых, применение приемов крепостного зодчества при строительстве монастырей в тот же период;
- в-третьих, размещение части монастырей на стратегически важных направлениях.

Эти аргументы, а особенно последний аргумент, не бесспорны даже для периода позднего средневековья. Что же касается особо интересующего нас времени, то следует, прежде всего, отметить отсутствие подтвержденной гипотезы в натурных археологических материалах.

Благодаря многочисленным обмерам и раскопкам археология позволила детально представить фортификационные сооружения Древней Руси. Их основу всегда составляли земляные насыпи – валы с внутренними конструкциями, с деревянными стенами, воротами и башнями, окруженные рвами. Упрощая, можно сказать, что наличие рва и вала – важнейший типологический признак объекта военного характера, предназначенного для сколько-нибудь упорной защиты. Однако ни в одном из известных монастырей ранней Москвы не зафиксировано валов или рвов. Притом, что эти элементы прочно входят в топографию даже после прекращения функционирования крепости и археологически почти всегда прослеживающиеся уверенно. Не показывают их также ни планы, ни описания XVIII–XIX вв. Распространенное мнение, что монастыри располагались в местах, укрепленных самой природой, подтверждается далеко не всегда. Если это верно, например, для Симонова монастыря, то для Данилова отнюдь не так (он поставлен на луговой стороне реки, вблизи поймы). Не были, по-видимому, существенно укреплены и монастыри, стоявшие внутри города. При возведении новых линий городских укреплений монастыри, стоящие вблизи, включаются в обводы XVI века, а не

оставляются снаружи как дополнительные укрепления типа фортов, бастионов, барбаканов и т. п. Это указывает на отсутствие восприятия их как военных, стратегических объектов.

П. А. Раппопорт, затронувший проблему монастырей как фортификационных сооружений, точно подметил особенность, присущую расстановке ранних монастырей Москвы за пределами города. Они возникают далеко ниже крепости по течению реки на юг и юго-восток, отнюдь не прикрывая Кремль со стороны «приступа», с напольной площадки. При таких условиях упорная оборона (и, следовательно, фортификационная защита) пригородных монастырей, вероятно, становилась ненужной и невозможной. Письменные источники и не показывают нам подобных действий вблизи города в XIV–XV вв.

Необходимо отметить, что даже в более позднее время, когда монастыри не только используются, но и целенаправленно перестраиваются с целью обороны, речь идет не обо всех обителях, но о вполне конкретном, достаточно узком круге монастырей-крепостей, имеющих самостоятельное значение региональных центров, вполне сопоставимых по размерам со средневековыми городами. Это такие монастыри как Свято-Троице-Сергиева лавра, Кирилло-Белозерский монастырь, Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь.

Для остальных, гораздо более многочисленных монастырей, стены из камня характерны только со второй половины XVII в., когда их военные функции явно убывают. Сложившаяся традиция, обусловленная требованиями семантики, обеспечивает строительство каменных оград «крепостного» типа вплоть до начала XX века. Разумеется, говорить о боевом назначении их для Нового времени невозможно, хотя под случай их используют и в XIX веке. Важно, что до XVI века в Древней Руси можно назвать очень немного примеров упоминания использования монастыря как укрепления. В XI–XIII вв., как показал П. А. Раппопорт, валы и рвы так же нехарактерны монастырям, как и в ранней Москве. Типичным является ограждение монастырской территории тыном, частоколом и т. п. вертикальными деревянными конструкциями. Даже выгодно расположенная и богатая Киево-Печерская лавра не имела укреплений, сравнимых с реальными крепостными стенами города. Изначально монастырь «оградиша столпием», впоследствии деревянную стену заменили каменной. Но и та, и другая стояли на ровном месте, а не на валу, и не были окружены рвом. Даже каменные ворота Киево-Печерской лавры, сохранившиеся до наших дней, очень мало отвечают требованиям обороны, прежде всего, это Святые врата с церковью над ними.

Очевидно, монастырская ограда и врата с самого начала воспринимались, прежде всего, как ограждение обители от грешного «земного мира». Оборонительной функцией они наделялись лишь в той мере, в какой это было присуще любому отдельно стоящему средневековому комплексу построек – жилой усадьбе, крестьянскому двору. Это обеспечивало каждодневную защиту от покушений на жизнь и имущество, подчас значительное. Как известно, оборона любого города строилась на защите обвода крепостной стены, внутри которой собирались жители и укрывались ценности. Расположение вблизи города маленьких, но хорошо укрепленных пунктов было скорее опасно для крепости, чем полезно. Известно, что в Новгороде, уже окруженном в XIV–XV вв. достаточно плотным кольцом монастырей, их укрепления разбирали или сжигали в ходе осады. Это касалось не только обителей на посаде, внутри застройки, безжалостно сносившейся вместе с хоромами и церквями, но и отдельно стоявших, наделенных собственной системой укреплений обителей, например, Новгородский Юрьев мужской монастырь. Вполне вероятно, что подобным образом были вынуждены поступать с монастырями вне града и москвичи в XIV–XV вв.

Косвенно это подтверждает В. В. Яковлев, описывая оборону Пскова в 1581 году: «Русские сожгли предместья и посеы вокруг каменной крепостной ограды и свезли запасы в город, жители бежали туда же и были размещены в осадных дворах. Уничтожение запасов и иных средств при помощи сжигания считалось тогда общим приемом при приведении города в оборонительное состояние, так как неприятелю приходилось для своего пропитания производить набеги и реквизицию, что, конечно, отвлекало от осады»

Таким образом, археология требует подходить к проблеме военно-стратегических функций монастырей Москвы в древнейший период с большей, чем принято, осторожностью. До обнаружения у них валов и рвов предназначение обителей остается под большим вопросом.

Крепости Древней Руси. Ограды, стены и башни. На внешнее сходство крупных монастырей с городами обратили внимание уже путешественники по Руси XVI–XVII вв.: их также окружали каменные или деревянные стены, из-за которых виднелись колокольни, купола храмов, галереи палат. Ученые XIX и особенно XX вв. видели в этом внешнем подобии сходство функций; утвердилось даже

мнение, что это связано с важными военными задачами обитателей. Эта идея опиралась, во-первых, на впечатление от оград поздних монастырей. Наивному взгляду они могут показаться весьма внушительными. Во-вторых, на хорошо известные в истории случаи их обороны. В силу этого считалось возможным рассматривать укрепленные каменными оградами монастыри как аналог городским цитаделям Руси – кремлям.

Однако уже сама «фортификационная составляющая» монастырской архитектуры показывает ее важнейшие отличия от архитектуры кремлей, а тем более крепостей. В подавляющем большинстве случаев монастыри не сопоставимы по укрепленности с городскими кремлями. Ограда, конечно, была важнейшим планировочным элементом, но совсем не обязательно крепостного характера: до сих пор не обнаружено ни одного монастыря XI–XV вв., который имел бы крепостные валы и рвы, а это наиболее характерный тип фортификации на Руси в этот период. «Земляные части оборонительных сооружений – естественные склоны, эскарпы, искусственные валы и рвы были основой устройства русских крепостей XI–XII вв. Особенно большое значение имели земляные валы» – пишет П.А. Раппопорт.

Размеры валов были различны. В укреплениях средней величины валы редко поднимались на высоту более 4 м., но в сильных крепостях высота валов бывала значительно большей. Особенно высокими были валы крупных древнерусских городов. Так, валы Владимира имели высоту около 8 м, Рязани – до 10 м, а валы «города Ярослава» в Киеве, самые высокие из всех известных валов древней Руси, – 16 м. Валы не всегда были чисто земляными; иногда они имели внутри довольно сложную деревянную конструкцию. Эта конструкция связывала насыпь и препятствовала ее расползанию. Внутривальные деревянные конструкции не являются особенностью только древнерусских оборонительных сооружений; они есть в валах польских, чешских и других городищ. Однако эти конструкции существенно различаются между собой. В польских крепостях конструкции внутривальные большей частью состоят из нескольких рядов бревен, не соединенных между собой, причем бревна одного слоя обычно лежат перпендикулярно бревнам следующего слоя. У чехов деревянные конструкции имеют вид решетчатого каркаса, иногда укрепленного каменной кладкой. В древнерусских крепостях внутривальные конструкции почти всегда представляют собой забитые землей дубовые срубы.

Рвы в русских крепостях XI–XII вв. обычно имели симметричный профиль. Уклон их стенок был равен примерно 30–45° к горизонту. Стенки рвов устраивались прямыми, а дно, большей частью, слегка скругленным. Глубина рвов обычно была примерно равна высоте валов, хотя во многих случаях для устройства рвов использовали естественные овраги, и тогда рвы, конечно, превосходили по размерам валы и имели очень большую величину. В тех случаях, когда укрепленные поселения возводили в низменной или заболоченной местности, рвы старались отрывать так, чтобы они были заполнены водой. Оборонительные валы насыпали, как правило, не на самом краю рва. Чтобы предотвратить осыпание вала в ров, в основании вала почти всегда оставляли горизонтальную площадку-берму шириной около 1 м. В укреплениях, расположенных на возвышенностях, естественные склоны обычно подрезали, чтобы сделать их более ровными и крутыми, а там, где склоны имели малую крутизну, их часто перерезали террасой-эскарпом; благодаря этому склон, расположенный выше террасы, приобретал большую крутизну.

Какое бы большое значение ни имели в древнерусских крепостях земляные оборонительные сооружения и в первую очередь валы, они все же представляли собой лишь основу, на которой обязательно стояли деревянные стены. Кирпичные или каменные стены в XI–XII вв. известны в единичных случаях. Так, кирпичными были стены митрополичьей усадьбы вокруг Софийского собора в Киеве и стены Киево-Печерского монастыря, кирпичными же были стены митрополичьего «города» в Переяславле. Каменной стеной был окружен детинец, вернее княжеско-епископский центр во Владимире. Все эти стены по существу представляют собой памятники скорее культового, чем военного зодчества; это стены митрополичьих или монастырских усадеб, где военно-оборонительные функции уступали место функциям художественно-идеологическим. Ближе к собственно крепостным сооружениям стояли каменные стены замков в Боголюбове (Суздальская земля) и в Холме (Западная Волынь). Однако и здесь художественные задачи, стремление создать торжественно-монументальное впечатление от княжеской резиденции играли большую роль, чем чисто военные требования.

Стены достигали в высоту примерно 3–5 м. В верхней части их снабжали боевым ходом в виде балкона или галереи, проходящей вдоль стены с ее внутренней стороны и прикрытой снаружи бревенчатым же бруствером. В Древней Руси такие защитные устройства назывались забрами. Здесь

во время боевых действий находились защитники, которые через бойницы в бруствере обстреливали противника. Возможно, что уже в XII веке такие боевые площадки устраивали несколько выступающими перед плоскостью стены, что давало возможность стрелять с забрал не только вперед, но и вниз к подножию стен, или лить на осаждающих кипяток. Сверху забрала прикрывали кровлей.

Важнейшим участком обороны крепости были ворота. В подавляющем большинстве крепостей ворота сооружались в виде башни с проездом в ее нижней части. Проезд ворот обычно располагался на уровне площадки, т. е. на уровне основания валов. Над проездом поднималась деревянная башня, к которой с боковых сторон примыкали валы и стены. Следует отметить, что в русских крепостях XI–XII вв., как правило, не было башен. В каждом городе существовала, конечно, воротная башня, но ее рассматривали именно как ворота, и так она всегда называется в древнерусских письменных источниках. Отдельные же, не надвратные, башни строили очень редко, исключительно как сторожевые вышки, располагая их на самом высоком месте и предназначая для обзора окрестностей, чтобы обезопасить крепость от неожиданного подхода врагов и внезапного захвата. Представление о принципах устройства башен можно составить по изображениям городов и монастырей.

Существенные изменения в развитии русского военно-инженерного искусства произошли в XIII веке. При штурме начинают применять вспомогательные приспособления – рвы заваливают вязанками хвороста, на стены взбираются с помощью приставных лестниц. С самого начала XIII века начинают употреблять также камнеметные машины для разрушения стен. К середине XIII века эти новые тактические приемы постепенно слагаются в целую систему новой тактики штурма крепостей. Трудно сказать, как окончательно оформилась бы эта тактика, и как эти изменения отразились бы на дальнейшем развитии русских крепостей. Монгольское нашествие резко изменило всю военно-политическую ситуацию. Монголы принесли с собой на Русь детально разработанную тактику осады крепостей. Это была, в общем, та же тактика, которая слагалась в то время и на самой Руси, но у монголов она была подкреплена широким применением камнеметов. Кроме того, начиная осаду города, монголы окружали его частоколом, чтобы прервать связь города с внешним миром, прикрыть своих стрелков, а главное, предотвратить вылазки защитников, стремившихся разрушить камнеметы.

Применение монголами хорошо разработанных приемов штурма должно было бы ускорить сложение на Руси новой защитной тактики и новой военно-инженерной организации обороны. Однако на развитии русского военно-инженерного искусства сказались, прежде всего, разрушительные последствия монгольского нашествия. Один из наиболее экономически развитых районов Руси – Среднее Поднепровье – был настолько обескровлен разгромом, что здесь крепостное строительство вообще прервалось на несколько столетий. Лишь два района Руси смогли сравнительно быстро оправиться от монгольского удара – Юго-Западная (Галицко-Волынская) земля и Северная (Владимири-Суздальская и Новгородская) Русь. Именно здесь можно проследить дальнейшие пути развития русского военно-инженерного дела.

Крепостное искусство Галицко-Волынской земли. Еще до монгольского нашествия на Волыни начали появляться оборонительные сооружения, приспособленные к новым тактическим требованиям. Поскольку штурм, как правило, всегда поддерживался камнеметными машинами, укрепления стали располагать так, чтобы не было никакой возможности установить эти машины перед городскими стенами. Так, например, города Данилов и Кременец были построены в первой половине XIII века на довольно высоких отдельных горах с крутыми склонами (рисунок 3.5). Камнеметы же не могли бить вверх на большую высоту. Замечательно, что монголы, которые взяли штурмом все крупнейшие города Киевщины и Волыни, эти две крепости даже не пытались штурмовать. Найти на волынской земле такие места для строительства городов, которые бы гарантировали безопасность от камнеметов противника, было очень нелегко. Здесь во второй половине XIII и в начале XIV века строят крепостные сооружения нового типа – каменные башни. Поставленные внутри городских стен, обычно ближе к наиболее опасной при штурме стороне, эти башни обеспечивали широкий и далекий обстрел окружающей территории. Давая возможность стрелять по противнику из самострелов и луков сверху, сами башни мало страдали от ударов камнеметов (рисунок 3.6).

По письменным источникам известно, что такие же башни были в Гродно и Берестье. Все они представляют собой аналогию западноевропейским донжонам; да и появились они на Волыни, несомненно, под влиянием военного зодчества западных соседей Волыни – Польши и Венгрии, где башни-донжоны получили распространение в то же самое время. Изменения тактики осады и обороны крепостей сказались на Волыни не только в строительстве отдельных башен-донжонов. Появилась также новая тенденция укрепления всеми доступными средствами той стороны крепости, против

которой осаждающие могли поставить камнеметы. Усиление одной, напольной, стороны крепости проявилось также и в том, что именно здесь обычно сооружали башни. Башня же в городе Гродно, по-видимому, даже выступала наружу от напольной крепостной стены и давала возможность обстреливать подход к воротам, т. е. вести косопрямую, фланкирующую стрельбу. Впрочем, новая организация обороны с применением фланкирующей стрельбы, по-видимому, не сложилась еще в законченную систему до середины XIV века, когда Галицко-Волынская земля потеряла свою политическую самостоятельность. Но, по-видимому, многие элементы галицко-волынского военного зодчества в дальнейшем получили развитие уже в крепостном строительстве Польши и Литвы.

Крепости Северо-восточной и Северо-западной Руси в XIV–XV вв. Северо-восточная Русь пострадала от монгольского нашествия значительно больше, чем Волынь, а тем более ее западные и северные районы. Однако уже с середины XIV века здесь намечаются признаки нового расцвета городов, с этого же времени начинается и строительство новых крепостей, особенно в Московском и Тверском княжествах. Эти новые крепости коренным образом отличаются от крепостей домонгольского времени, приспособленных к сопротивлению пассивной осаде. Крепости XIV века построены так, чтобы успешно отражать штурм, поддерживаемый камнеметами.

Крепости, построенные в соответствии с этой системой, были организованы так, что большая часть их периметра прикрывалась естественными преградами – реками, широкими оврагами, крутыми склонами. С этих сторон противнику не удавалось установить камнеметные машины, и здесь можно было не опасаться штурма. Ту сторону, где такие естественные препятствия отсутствовали, защищали мощными валами, рвами и деревянными стенами. С напольной стороны ставились и башни. В отличие от каменных башен-донжонов Западной Волыни эти башни были рассчитаны не на круговой обстрел, а на косопрямую стрельбу вдоль прилегающих участков крепостных стен, т. е. служили для их фланкирования. Участки стен между башнями стали делать по возможности прямолинейными, чтобы фланкирующий обстрел мог быть наиболее успешным. Таким образом, крепости Северо-Восточной Руси второй половины XIV и первой половины XV века имеют «односторонний» характер: одна их сторона защищена мощными укреплениями и снабжена башнями для фланкирования стен, а остальные – более слабыми укреплениями, приспособленными только к фронтальной стрельбе, но прикрытыми естественными преградами. С точки зрения экономии средств и рабочей силы наиболее выгодным было расположение крепости на таком мысу, где напольная сторона попадала бы на узкий перешеек и, следовательно, имела бы очень небольшое протяжение.

Те же принципы лежат и в основе планировки укреплений Северо-Западной Руси XIV – первой половины XV века. Новгородские и псковские крепости этого времени в большинстве случаев очень похожи на московские и тверские, но они имеют и некоторые отличительные особенности. Здесь широко распространены укрепления островного типа, занимающие отдельные холмы с крутыми склонами со всех сторон. Отличительной же особенностью оборонительных сооружений XIV – первой половины XV века является дифференцированный подход зодчих к конструкциям в соответствии с их местом в системе обороны. Валы и стены, расположенные со стороны достаточно мощных естественных заграждений, очень невелики и имеют простейшую конструкцию. Валы и стены с напольной, «приступной» стороны гораздо более мощные и высокие и имеют более сложную и совершенную конструкцию. Рвы в укреплениях XIV – первой половины XV века обычно широкие и глубокие. Они, как правило, отрезали крепость с напольной стороны и имели очень большое значение в системе обороны. Рвы обычно имели симметричный профиль с уклоном стенок около 30°. Стены крепостей Северо-Восточной Руси вплоть до конца XV века были деревянными. Единственное исключение – стены Московского Кремля, построенные из тесаного камня в 1367–1368 гг.

Таким образом, письменные источники рассказывают в основном о деревянных оградах, в одном-двух случаях – о каменных стенах, но не крепостных. До начала XVI века нет сведений об использовании монастырей как фортов – напротив, при приближении врагов их уничтожают сами же защитники города, а крупные монастыри часто получают в подарок от ктиторов специальные осадные дворы внутри городов.

Каменные ограды окружают многие монастыри только с середины XVI и, особенно, со второй половины XVII века – теперь они внешне действительно напоминают крепости. Но функция их стен состоит в основном в защите небесной, символической, а не реальной. Стены с башнями явно претендуют на то, чтобы служить выражением отгороженности от внешнего мира и подобием Небесного Иерусалима, – это архитектурный образ, их военные возможности ограничены. Главные ворота каменной ограды (Святые врата) всегда несут большую надвратную церковь и непригодны для

эффективной обороны, что надежно доказано В. П. Выголовым. В немногих случаях, когда монастырь намеревались использовать как военную крепость, его укрепляли дополнительно. В том числе, снаружи от Святых ворот ставили еще одни ворота, уже боевые, без церкви; устраивали на стенах и башнях площадки для пушек, а внутри размещали гарнизон из профессиональных воинов. Таким образом, был решен главный вход в Свято-Троице-Сергиеву лавру. Еще при деревянной ограде главный вход в монастырь с восточной стороны был отмечен каменными воротами с церковью Сергия над ними. При сооружении новых стен последние были несколько выдвинуты на восток, так что прежние ворота с церковью оказались внутри монастыря. Против них в новой крепостной стене были сделаны другие ворота, над которыми поставлена башня.

Такой вход был своеобразной интерпретацией так называемых отводных стрельниц, устроенных не перед воротными башнями, как это было, например, у Тульского кремля и у многих европейских замков, а сзади нее, со стороны монастыря. Такое решение имеет место и в Спасо-Евфимьевом монастыре в Суздале. Можно наметить конкретную хронологию возникновения укрепленных монастырей, призванных до известной степени играть роль «кремлей». В XVI веке параллельно строительству каменных хранилищ в городах (Архангельск, Верхотурье, Вологда, Холмогоры), что связано с быстрым экономическим развитием страны до середины столетия, расширяют и укрепляют некоторые монастыри. Под их охрану подозрительный Иван IV свозит во время опричнины огромные ценности из разграбленных торговых центров, а подчас и царскую казну. Он опирается на них и в «гражданской войне», которую навязал собственному народу. И крепостная обстройка Никитского монастыря в Переславле-Залесском обязана именно опричнине, а также размахом и темпами работ – Никитский монастырь-крепость был построен в очень короткий срок с 1561 по 1564 год.

Иными словами, «кремли» известных своими крепостями монастырей возникают тогда, когда их начинают рассматривать как царские города, как государственные крепости, которые предполагается включить в систему обороны и укреплять на государственные средства. Не обязательно от внешнего врага – недаром монастыри такого типа не ставят на южных рубежах, там преобладают крепости бастионного, европейского плана

3.3 Монастыри-крепости

В домосковский период, как правило, монастыри тяготели к крупным городам; становясь их спутниками, они еще не были центрами развитых и самостоятельных городских структур. Картина меняется, начиная с XIV–XV вв., когда с основанием монастырей на огромных просторах Московской Руси связываются задачи идеологического и политического закрепления территорий за государством, когда многие монастыри возникают в малообжитых местах и постепенно сами становятся центрами притяжения, сначала как очаги религиозной жизни, затем как стратегические пункты. На монастырских землях развиваются села и слободы, частично обслуживающие монастырь, частично производящие товары на продажу. Потребность в торговле растет по мере накопления монастырских богатств. С открытием Северного морского пути Свято-Троице-Сергиева лавра оказывается на торговой дороге к Архангельскому порту и широко развертывает освобожденные от пошлины торговые операции, направляя свои суда вплоть до Норвегии. Экономическое и политическое значение Свято-Троице-Сергиевой лавры возрастает. Все это обусловило широкое строительство монастыря. Лавра, имевшая к концу XV века два небольших каменных храма и трапезную, окруженные деревянной оградой, в XVI–XVII вв. становится первым по значимости и богатству культурным центром Руси (рисунок 3.7).

Свято-Троице-Сергиева Лавра. XVI век является крупным этапом в архитектурной истории монастыря. В этот период Москва принимает решительные меры по созданию единой общегосударственной системы обороны. В систему оборонительных сооружений включается также Свято-Троице-Сергиева Лавра. В связи с этим деревянную ограду сменяет каменная с большим числом мощных башен, расширяется территория монастыря. Стены Свято-Троице-Сергиевой лавры общей протяженностью около полутора километров неправильным четырехугольником опоясали весь монастырь, закрепив его территорию в существующих донныне размерах. В окружавших монастырь с трех сторон оврагах были устроены запруды, а с южной стороны был выкопан еще и огромный пруд. Крепостная стена имела два боевых яруса. Первый ярус представлял собой открытую в сторону монастыря аркаду с низко посаженными орудийными бойницами по оси каждой из арок (так

называемый подошвенный бой). Аркада поддерживала боевую площадку второго яруса, которая с напольной стороны ограничивалась парапетом с двумя рядами бойниц: навесными «машикулями», служившими для поражения врага, подошедшего непосредственно к стенам, и узкими щелями между зубцами. Общая высота стен составляла 5,5–6,0 м при толщине в 3,3–3,5 м. Узлами обороны крепости были двенадцать башен, четыре из которых располагались по углам, а остальные – по пряслам стен. Как и крепостные стены, башни XVI века не сохранили своего первоначального облика, так как тоже были надстроены в высоту, став основанием для существующих башен. Башни служили площадками для установки орудий и обеспечивали наиболее эффективный фланговый огонь, выступая за плоскости стен.

Своеобразно был решен главный вход в монастырь с восточной стороны. При сооружении новых стен последние были несколько выдвинуты на восток так, что прежние ворота с церковью остались внутри монастыря. Против них в новой крепостной стене были сделаны другие ворота, над которыми поставлена башня, получившая название Красной. Так сложилось планировочное своеобразие главного входа в Свято-Троице-Сергиеву лавру, состоящего из двух расположенных друг за другом ворот; над одними из них находилась башня, защищавшая вход, а над другими – церковь, осеявшая его. Небольшой дворик, образовавшийся между воротами и огражденный с севера и с юга дополнительными стенками, облегчал оборону входа в крепость. В случае прорыва неприятель оказывался в замкнутом пространстве, простреливавшемся из башни, с примыкающих стен и из окон расположенных рядом зданий. Несмотря на свое ответственное положение над главным входом в монастырь, Красная башня отличалась весьма скромными размерами и строгой архитектурой: только скупые тяги, переходящие с крепостных стен да традиционный киот с иконой, размещавшийся над аркой ворот, украшали ее фасад. Очевидно, строители крепости сознательно переносили основной архитектурный акцент главного входа в монастырь не на башню, а на надвратную церковь, размещаемую за ней.

В начале XVII века крепостные сооружения Свято-Троице-Сергиевой лавры, построенные более пятидесяти лет назад, проходили суровые боевые испытания. Шестнадцать месяцев длилась осада, когда польско-литовские войска осадили монастырь. Осада длилась до тех пор, пока к осажденным не пробился сперва небольшой отряд из Москвы, а затем подоспело подкрепление от регулярного войска воеводы Скопина-Шуйского, двигавшегося от Новгорода Великого (рисунок 3.8). Длительная осада тяжело отразилась на состоянии монастыря. Но блестящий исход ее обороны еще более укрепил авторитет Свято-Троице-Сергиевой лавры и значение монастыря как первоклассной крепости (рисунок 3.9). Первая половина XVII века в монастыре проходит под знаком интенсивного строительства.

Но как ни велики были перестройки внутри монастыря, еще более грандиозный размах получили работы по коренному усовершенствованию его оборонительных сооружений. Крепостные стены были почти вдвое увеличены по ширине и высоте до 6,0–10,0 (14,0) м. Открытый прежде первый ярус (подошвенный бой) после реконструкции стал состоять из серии изолированных казематов с самостоятельными входами со стороны монастыря. Эти казематы использовались для размещения гарнизона и в качестве кладовых для хранения оружия и припасов. Второй ярус, расположенный на уровне верхней площадки прежней стены, был перекрыт сводами и получил вид ряда сообщающихся между собой ячеек, открытых в сторону монастыря. Каждая ячейка имела орудийную бойницу. Надстроенный третий ярус повторял конструкцию верхней площадки старой стены, только в увеличенных размерах. Его боевой парапет имел два пояса бойниц: узкие вертикальные щели для стрелков, закрывавшиеся на засов деревянными ставнями, и навесные – «машикули». Галереи второго и третьего ярусов, проходившие по всему периметру крепостных стен монастыря создавали необходимые условия для маневренности гарнизона и артиллерии в боевой обстановке, а система расположения амбразур обеспечивала создание высокой плотности огня (рисунок 3.10).

Часто расположенные башни были значительно увеличены в размерах, тем самым, увеличив обороноспособность монастыря. Мы имеем возможность изучения оборонительных сооружений Свято-Троице-Сергиевой лавры середины XVII века, так как крепостные стены и большинство башен дошли до наших дней, сохранив в основном облик, полученный в то время. Последующие искажения коснулись, главным образом, формы бойниц и характера покрытий башен, почти не затронув их конструктивной основы. При подходе к монастырю со стороны Москвы первой видна угловая Пятницкая башня – одна из самых мощных. Башня имеет высоту 25 м и разделена на шесть ярусов. Этажи, перекрытые бревенчатыми накатами, сообщались с помощью лестниц. Только самый нижний ярус, размещавшийся под землей (пороховая камера), был отрезан каменным сводом, и вход в него вел из помещения для подошвенного боя примыкающей крепостной стены. В середине Пятницкой башни

на всю высоту проходит каменный полый пилон, служивший опорой для балок междуэтажных перекрытий. Восьмигранная форма плана придает Пятницкой башне особую конструктивную устойчивость. Значительно превышая высоту крепостных стен, эта башня обеспечивала круговой обстрел и могла держать оборону в условиях полной изоляции. Три другие угловые башни – Житничья, Плотничья и Водяная с воротами к реке – по своей восьмигранной форме и одинаковому числу ярусов с подземной пороховой камерой повторяют конструктивный тип Пятницкой башни, отличаясь от нее только отсутствием центрального пилона. Даже число бойниц на каждой из них одно и то же – семьдесят семь.

Прямоугольные башни Свято-Троице-Сергиевой лавры были надстроены в высоту путем увеличения толщины стен прикладкой изнутри помещений. Бревенчатый накат, разделявший башни на три этажа, соответствовал уровню галереи крепостных стен, обеспечивая свободный обход по всему периметру крепости. Четвертый же ярус башен с поясом «машикулей» и зубцов поднимался выше крепостных стен. Расположение прямоугольных башен по сторонам крепости определялось строгим расчетом в зависимости от условий местности и необходимости создания эффективного огня перед каждым ее участком. Самая длинная сторона монастыря – восточная – имеет две прямоугольные башни Красную воротную и Сушильную. Так как восточная сторона монастыря не имела естественных препятствий в виде оврагов или речек, то ров, вырытый здесь во время осады, теперь был углублен, а один его откос (от монастыря) выложен белым камнем и кирпичом. Против Красной башни через ров был перекинут деревянный мост на каменных сводах. В устоях моста размещались орудийные казематы. Северная стена Свято-Троице-Сергиевой лавры, проходя по берегу оврага, повторяет его изгиб. В XVI веке здесь размещались три башни: Кузничная Соляная и Каличьа. В процессе надстройки стен одна из башен – Соляная – была упразднена. Очевидно, для обеспечения необходимой плотности огня на этом коротком отрезке стены было достаточно двух усиленных башен. Западная сторона крепости проходит по крутому склону холма, и здесь была только одна Пивная башня. Наиболее короткая южная сторона Свято-Троице-Сергиевой Лавры, хорошо простреливаемая с угловых башен, имела только одну прямоугольную башню, поставленную в центре стены. Она называлась Луковой по располагавшимся перед ней огородам (рисунок 3.11).

Опыт минувшей обороны показал, что противник считал западную сторону крепости наиболее слабой, расположив против нее большую часть своей артиллерии. В результате массированного обстрела западная крепостная стена получила наибольшие повреждения. После осады она была не просто надстроена в высоту, как по всем другим сторонам, а несколько вынесена вперед, получив, таким образом, новый фасад от основания до зубцов. Этим фактом объясняется отсутствие здесь промежуточного пояса «машикулей», соответствующего высоте стены XVI века. Кроме того, как уже отмечалось, эта сторона крепости была дополнительно усилена сооружением в 1643 году Келларских служб в виде башни и двух пристроек к ней, приспособленных к обороне.

Вторая половина XVII века вносит новые черты в архитектурный ансамбль монастыря. Растущая пышность уклада жизни, общее стремление к нарядной узорчатости и декоративности проявилось в дальнейшем стремлении к украшению крепостных башен. Надо отметить, что даже такие мощные укрепления, как стены и башни Свято-Троице-Сергиевой лавры, к концу XVII века утратили свое оборонительное назначение. Троицкий монастырь следует примеру Московского Кремля, когда вслед за надстройкой Спасских ворот в короткий срок – с 1672 по 1686 год – почти все его многочисленные башни получили разнообразные по форме и силуэту декоративные завершения. В этот же период перестраиваются башни Иосифова Волоколамского монастыря, появляются высокие каменные шатры на башнях Симонова монастыря, ажурные украшения кремлевской башни Кутафьи повторяются в башнях Новодевичьего и Донского монастырей.

Если Успенская часовня и Каличьа башня не сохранились до наших дней, то надстроенная северо-восточная Житничья башня, получившая после этого название Уточьей, до сих пор украшает монастырский ансамбль и дает возможность реально представить характер перестроек того времени. С открытой площадки верхнего боя башни стремительно вознеслась вверх каменная надстройка причудливой формы, основанная на четырех мощных пятигранных пилонах, выведенных с основания башни. В связи с устройством этих опор был разобран белокаменный свод подземной пороховой камеры и нарушены все междуэтажные перекрытия. При этом в некоторых местах пилоны так близко поставлены к стенам, что сделали невозможным использование бойниц подошвенного боя. Это, однако, не беспокоило зодчих, которые теперь смотрели на крепостные башни как на объекты декоративного порядка.

Надстройка Уточьей башни представляет значительный интерес в художественном и конструктивном отношении. Равная по высоте всей нижней части башни она состоит из четырех своеобразно оформленных ярусов. Нижний ярус образован из восьми пятигранных столбов, сложенных из чередующихся рядов кирпича и выступающих в виде руста блоков белого камня. Между столбами перекинуты белокаменные арки, богато декорированные «модульонами», скульптурными раковинами и белокаменными вставками. Второй ярус, отделенный карнизом из белого камня, имеет на каждой из восьми граней огромные оконные проемы циркульной формы, обрамленные кольцом «модульонов», или в виде криволинейного креста, вставленного в прямоугольную раму из белого камня. Третий ярус – это открытая площадка, огражденная белокаменной балюстрадой с высокими столбами, увенчанными шарами. Столбы перевязаны диагональными арками с поднимающимся еще выше следующим ярусом надстройки в виде каменного балдахина. На его купольном своде установлен небольшой барабан с высоким шпилем, увенчанным каменной «утицей». Внутреннее пространство надстроенной части от основания и до купольного свода на этажи не расчленено. Внутри его размещались деревянные лестницы, выводившие на верхнюю террасу.

Крепость Свято-Троице-Сергиевой лавры послужила образцом при строительстве других укрепленных монастырей. Так, власти Кирилло-Белозерского монастыря, приступая к строительству новых крепостных стен, писали царю, что им «желательно, чтобы велено было в Кирилловом монастыре новый каменный город впредь строить, таким образом, как у Троице в Сергиевом монастыре город строен».

Кирилло-Белозерский монастырь. В литературе широко освещен лишь один факт обращения кирилловских властей при возведении новых построек к зафиксированному образцу, никак не связанному с местной традицией. В 1653 году в монастырь для строительства новой крепости был послан пребывавший на царской службе француз Жан де Грон, известный в русских источниках под именем Антона Грановского. Грановский начал закладку земляной крепости бастионного типа, усиленной невысокой каменной стеной, что вызвало в монастыре резкое недовольство. В ответ на ходатайство монастыря 4 августа 1653 года архимандриту и келарю с братией была направлена царская грамота с разрешением, самим строить в монастыре новый каменный город «тем же образом, каким в Троицком в Сергиеве монастыре город каменной строен». История возведения кирилловской крепости Нового города и ее характеристика достаточно полно изложены А. Н. Кирпичниковым и И. Н. Хлопиным. Напомним лишь, что следование образцу Свято-Троице-Сергиевой лавры строго соблюдалось и что подмастерья каменных дел Кирилл Серков и Семен Шам, возглавившие строительство, специально посылались в Троице-Сергиев монастырь для подробного изучения его крепостных сооружений.

Близость архитектуры кирилловской крепости и крепости Свято-Троице-Сергиевой лавры хорошо известна. В ориентации кирилловского строительства на троицкий образец можно наметить две стадии. Первоначально она распространяется только на состав и самые общие типологические черты возводимых в Кириллове зданий и также на их размеры. Лишь позднее образец начинает восприниматься более непосредственно, что находит отражение в хорошо заметном стремлении воспроизвести собственно архитектурные мотивы троицких сооружений. С профессиональным наибольшим совершенством использована архитектура троицких построек в крепости Нового города, принадлежащей к лучшим памятникам русского фортификационного искусства XVII века.

Бастионная земляная крепость, при всех своих фортификационных достоинствах, ни в какой мере не могла соответствовать традиционному представлению о том, какой должна быть монастырская ограда, призванная служить не только реальной, но и как бы символической стеной, ограждающей монастырь от мира. Для нас здесь особый интерес представляет ориентация монастыря не вообще на крепость традиционного типа с высокой каменной оградой, но именно на крепость Свято-Троице-Сергиевой лавры. Это обстоятельство находит, прежде всего, самое простое объяснение. Стены Свято-Троице-Сергиевой лавры XVI века, выдержавшие польскую осаду в годы Смутного времени, были перестроены и усилены в начале 40-х годов XVII века. Таким образом, это была одна из недавно построенных крепостей, уже в силу этого могущая служить образцом для возведения Нового города. Но в ориентации на названный образец можно угадать и иной подтекст. Свято-Троице-Сергиева лавра была первой по значению, наиболее богатой, наиболее чтимой среди русских монастырей. И естественно, что она могла служить своего рода моделью для строительства других крупных монастырей. В данном контексте термин «строительство» понимается в старом и самом широком его

значении, т. е. не только как возведение каменных или деревянных сооружений, но и как вообще всякое устройство.

Кирилло-Белозерский монастырь, как и многие монастыри Руси, являлся первоклассной крепостью, мощной и сильной, крупнейшей на всем Севере (рисунок 3.12). По своему военно-оборонительному значению он ничем не уступал, а во многом даже превосходил кремли древнерусских городов. Могучая крепостная ограда с башнями окружает всю огромную территорию обители. Она производит весьма внушительное впечатление, поражая своей суровостью и неприступностью. Неприступности монастыря содействовало и его выгодное местоположение на берегу двух озер – Северского и Долгого. Напольная сторона была защищена рвом и системой валов с тройным частоколом, остатки которых прослеживаются в ряде мест и поныне. Первоначально каменная ограда с башнями охватывала лишь часть нынешней территории ансамбля между озерами и рекой Свягой, которую в то время занимал весь монастырь. Начало ее создания относится к 1523 году, когда были построены Святые ворота – главный въезд в обитель и стоящее рядом (в линию стен) казнохранилище. Видимо, к середине века строительство стен Успенского монастыря заканчивается. Несколько позднее, в том же столетии каменной оградой был обведен и Горний, или Ивановский, монастырь, примыкающий с востока к Большому. Так называемый Старый город, включающий каменные ограды обоих монастырей XVI века, заменившие древние деревянные стены, возник в эпоху интенсивного сооружения Русским государством крепостей для обороны своих границ. Он имел форму неправильного многоугольника, вытянутого вдоль берега Северского озера. В планировке его отчетливо видны характерные для русского крепостного зодчества XVI века черты регулярности, соотнесенные, как всегда, с рельефом местности. Так, ограда Большого монастыря по форме напоминает трапецию, слегка изогнутое основание которой следует по береговой линии озера, повторяя ее очертания. В свою очередь ограда Ивановского монастыря близка к прямоугольнику, тоже с чуть-чуть изломанными длинными сторонами, вписанному в окружающий ландшафт. Общая протяженность стен Старого города, достигавшая 1100 метров, для своего времени была значительной. На углах, как и подобало крепостям, возвышались восемь различной формы башен: шесть прямоугольных, одна многогранная и одна круглая. Крепостное устройство его являлось традиционным для того времени. Основная часть стен была снабжена одним верхним ярусом боя с прямоугольными бойницами. Изнутри вдоль них шел местами боевой ход – крытая тесом галерея на арках. Особенно сильно была укреплена стена, выходящая к берегу озера. Кроме верхних бойниц с ходом она имела «подошвенный» бой, частично заметный и сейчас на отдельных ее участках. С внутренней стороны он представлял собой двойные арочные ниши-печуры с круглыми бойницами для стрельбы и оригинальными смотровыми отверстиями в виде креста над ними, форма которых была призвана «уберечь» защитников крепости от поражения.

Древнерусские мастера – горододельцы XVI века, строившие Старый город, уделяли большое внимание художественной выразительности созданных ими крепостных сооружений. Узорчатый пояс из рядов поребрика и нишек-впадин проходил под верхними бойницами стен. На отдельных участках стены он хорошо виден и ныне. Эти же мотивы в сочетании с бегунцом и балясинами звучат и в декоративном убранстве башен. Они образуют нарядные светотеневые полосы, которые значительно оживляют поверхность стен и башен, смягчая их суровый крепостной облик. С помощью декора достигалось также удивительное архитектурное единство всех построек монастырского ансамбля конца XV–XVI вв.

Осада монастыря во время польско-шведской интервенции выявила многие несовершенства укреплений Старого города XVI века. Поэтому в середине XVII века по распоряжению московского правительства была возведена новая, более мощная ограда, с огромными стенами и высокими башнями – Новый город. По протяженности стен, по общим размерам, а также по огневой мощи он превосходил не только все монастырские, но и большинство городских укреплений XVII века. Кирилло-Белозерская обитель превратилась в первоклассную крепость, одну из сильнейших в Древней Руси.

Стены Нового города протяженностью 1,3 км невероятно мощны (средняя высота 10,8 м, ширина – 6,76 м). Они имеют трехъярусное галерейное устройство с соответствующей системой бойниц. Нижний ярус представляет собой закрытую галерею, разделенную на отдельные сводчатые помещения с амбразурами «подошвенного» боя в глубоких двух уступчатых нишах наружной стены. Здесь находился гарнизон крепости, а также хранились оружие и боеприпасы. Второй ярус образует со стороны двора открытую сводчатую, на арках галерею с бойницами в печурах наружной стены.

Наибольшее количество бойниц – прямых, щелевидных и косых, направленных к подножию стен («машикулей»), – насчитывает третий ярус, также открытый со стороны двора. Все галереи сообщались между собой внутренними лестницами – каменными и деревянными, многие из которых существуют и сейчас (рисунок 3.13). Новая ограда имела четыре глухие и две проездные башни и одни ворота.

Архитектура башен монументальна и выразительна. Высоко вздымаются они надо всем монастырем. На углах, как обычно, высятся более мощные, многогранные, а в центре стен – четырехгранные проездные башни. У озера в конце короткой стены стоит Кузнечная башня, на восточном, ближайшем от нее углу – Вологодская, посреди восточной стены, сильно сдвинутая от центра к северу, – Казанская, на северном углу – Ферапонтовская (Московская), в изломе северной стены – Косая, и в конце этой стены, на берегу озера – Белозерская (Большая Мереженная) башни. Угловые башни в основе своей конструкции однотипны и отличаются лишь формой и размерами (высота – от 20 до 30 м при диаметре 20 м). Венчают их смотровые вышки – каменные восьмерики с окнами (рисунок 3.14). Первоначально башни завершали высокие тесовые шатры, которые в середине XIX века были заменены железными шатровыми крышами со шпилями. Лишенные всяких членений и декоративных разделок, кроме простого полулунного козырька над цоколем, огромные и величавые башни вздымаются над монастырем как суровые и молчаливые стражи. Прорезанные рядами, в шахматном порядке бойницы несколько оживляют суровую гладь их стен. Верхний ярус слегка выступает наружу, образуя широкую корону из «машикулей», нависающую надо всем «телом» башни. И лишь Вологодская башня отличается обильным декором в виде мощных вертикальных лопаток на ребрах и гранях, горизонтальных тяг, аркатурного пояса у основания верхнего яруса и кирпичных ширинок на «зубцах». Среди остальных башен монастыря проездные – Казанская и Косая – выделяются своей четырехугольной формой, гораздо меньшей высотой и совершенно иной конструкцией. Внутренние столбы в них отсутствовали, а ярусов было всего четыре. В нижнем ярусе находится арочный проезд высотой около 6 м, некогда имевший опускающиеся железные решетки – герсы. У Казанской башни, являвшейся главными воротами монастыря, проезд прямой, а у Косой – с изломом под прямым углом, что, кстати, и обусловило ее название. В конце XVIII века верх Косой башни обвалился, а проездные ворота заложили. Оформлены обе башни просто и строго; на углах скромные, слабо выступающие лопатки, вокруг арочного проема – легкое обрамление с рамкой-киотом над ним.

Однако этой крепости, как и многим другим, возведенным в XVII столетии, так и не суждено было увидеть под своими стенами неприятеля. Грандиозные башни и мощные стены, величественные и суровые, ни разу не услышали зова военных труб и клича врагов. Они застыли в гордом молчании, лишь напоминая о былом далеком времени, когда за каменной оградой и подле нее кипела жизнь, плыл над округой колокольный звон, безвозвратно отмеряя уходящее время. Овеянные романтикой прошлого, величественные стены и башни предстают перед нами как сказочный град, бесподобное соединение техники, романтики и красоты.

Итак, обращение монастыря к царю с просьбой разрешить возведение новых стен собственными силами по образцу новой Троицкой крепости отражало мысль, направленную по уже привычному руслу. Ориентация на Троице-Сергиев монастырь в основных начинаниях была в Кириллове давней и прочной. В этой ориентации вряд ли сколько-нибудь существенная роль принадлежала чисто эстетической стороне. Троицкий монастырь, первейший среди монастырей, освященный непререкаемым в духовной среде авторитетом его основателя Сергия Радонежского, должен был восприниматься как в большей или меньшей степени совершенный образец идеального монастырского устройства.

Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь. Крепость Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря (именно так звучит полное название обители) была построена в 1558–1565 гг. по приказу царя Ивана IV Грозного. Крепость, построенная во второй половине XVI века, когда в Русских землях уже лет 60–80 строились регулярные каменные крепости, в ряду подобных крепостей стоит особняком, поскольку совсем не является крепостью с регулярной планировкой. Более того, она построена в совершенно необычном для крепости месте – по берегам совсем немалого оврага, по которому еще и протекал ручей. Но, тем не менее, эта крепость своего времени, крепость с круговой обороной – великолепный пример того, как решались инженерные фортификационные задачи русскими зодчими и строителями в условиях сложной, пересеченной и, на первый взгляд, совсем не предназначенной для строительства крепости местности (рисунок 3.15).

Крепость весьма интересна своим расположением и планировочным решением. Сеем предположить, что это единственная крепость в государстве Российском, которая «построена в овраге». Крепость имеет форму неправильного многоугольника. Не все башни крепости, особенно в южной части, расположены в местах перелома стен, что для регулярных крепостей второй половины XVII века представляется некоторым анахронизмом, но непростреливаемых участков из-за кривизны стен крепость не имеет. В настоящее время в крепости девять башен: Петровская, Тюремная (Острожная), Тайловская, Башня Верхних решеток, Тарарыгина, Изборская, Благовещенская, Башня Нижних решеток и Никольская (рисунок 3.16).

Главный въезд в крепость находится теперь в Петровской башне, построенной в конце сороковых годов XVII века вместе с прилегающими стенами и новой Никольской башней, примыкающей к одноименной Никольской надвратной церкви. Ранее въезд в крепость выглядел иначе. Стена соединяла Никольскую церковь и Тюремную башню напрямую. Традиционный для русских крепостей северо-запада, коленчатый проезд был расположен в самой церкви. Есть сведения, что работы по реконструкции этой части крепости связаны с большим количеством повреждений, полученных в целом ряде осад в конце XVI – начале XVII вв. Есть и еще один въезд в крепость, он в Изборской башне.

Стены монастыря, наверное, самые тонкие из всех крепостей своего времени. Их толщина у подошвы менее двух метров, а на некоторых участках составляет и всего 1,5 м, что в то время совсем не гарантировало от разрушений при обстреле. Можно предположить, что этим объясняется та относительная легкость, с которой поляки и шведы брешировали стены крепости. Ввиду малой толщины стен боевой ход по верху стены был выполнен по деревянным закладным балкам или частично по стене, где ее толщина позволяла. Время пощадило стены Свято-Успенского Псково-Печорского монастыря. К середине прошлого века на них сохранились и конструкции боевого хода и боевой парапет, которые использовались как образец для реставрации многих крепостей Псковской и Новгородской земель. В целом стены – достаточно типовой, для своего времени, конструкции. Боевой парапет, толщиной 0,5 м, имеет прямоугольные или квадратные бойницы, равномерно расположенные по всей длине стен с интервалом до 5 м. Есть в стенах и подошвенный бой, бойницы, расположенные в нижних частях стен. Встречаются и бойницы навесного боя, но об этом чуть ниже.

Теперь о башнях. Две башни крепости – башни Верхних и Нижних решеток – находятся на дне оврага, остальные расположены по его берегам. От Тюремной башни стена идет по берегу оврага до Тайловской башни. Это единственный прямолинейный участок стен крепости. Он нарушен только портиком входа Михайловской церкви, построенной в первой трети XIX века. Сама башня – круглая в плане, имеет пять боевых ярусов. Толщина ее стен – 2,5 м, высота – 17 м. Фланговые бойницы хорошо фланкируют участки стен, поднимающиеся по берегам оврага, секторы обстрела бойниц разных этажей не совпадают друг с другом. Нижний ярус – не боевой и содержит свод для пропуска воды, закрывавшийся ранее решеткой. Тарарыгина башня, как и Тайловская, стоит в верхней части склона оврага. В XVI веке башня была круглой в плане. В 1615 году она была разрушена шведами. При восстановлении, башне придали прямоугольную форму. Бойницы башни квадратные, облицованы кирпичом, вероятно XVII века, так как при строительстве всей крепости в XVI веке, кирпич не использовался, а применялась местная плита и валунный камень. От Тарарыгиной башни стена с переломом идет по берегу оврага к Изборской башне. Сама башня расположена не на переломе стен, а за ним в 25 м. Башня имеет вытянутую подковообразную форму в плане и проездные ворота на боковом фасаде. У башни три яруса. Примечателен второй ярус с бойницами навесного боя. Бойницы по своим размерам значительно более серьезные, чем аналогичные бойницы Тайловской башни. В стене крепости сбоку от проезда в башне находится бойница навесного боя. Интересна ее конструкция. Бойница не представляет собой просто наклонный проем в стене, а имеет некоторое подобие эркера. В некоторых изданиях приводится информация (и есть реконструкции) о существовании подобных бойниц в крепости Орешек начала XVI века. Благовещенская башня, расположенная далее на южной стороне крепости, также поставлена не на переломе стен. Она прямоугольная в плане и конструкция ее подобна Тарарыгиной башне, о которой говорилось ранее. Интересны боевые камеры, имеющие по две бойницы, выходящие, как на фасадную сторону, так и на боковую. Это позволяло вести стрельбу по разным направлениям, не покидая одной боевой камеры. От Благовещенской башни стена с переломом спускается на дно оврага к башне Нижних решеток. Овраг здесь шире, поэтому водопропускное сооружение построено слева от башни и примыкает к ней. Башня имеет четыре боевых яруса с бойницами, похожими на бойницы в башне Верхних решеток. Они перекрыты ступенчатыми сводами.

Число бойниц в ярусах тоже одинаковое – по четыре, кроме верхнего яруса, в котором добавлено по одной бойнице на каждую сторону. Никольская башня представляет собой строение, пристроенное с алтарной части Никольской церкви и, по сути, не является башней. Можно считать, что сама церковь имеет помещение, приспособленное к обороне и выступающее за линию существующих стен.

Несколько слов о земляной фортификации начала XVIII века. В настоящее время, в той или иной степени, сохранились остатки всех пяти земляных бастионов, сооруженных у Петровской, Галавской, Тарарыгиной, Изборской башни и за Благовещенской башней у перелома стен, а также куртин между ними. На плане монастыря XIX века видно, что бастионная крепость и сами бастионы имеют неправильную форму и разные размеры, определяемые назначением и расположением соответствующих башен. Бастион у Изборской башни самый малый по размерам и его назначение – защита въезда в крепость. Остальные бастионы – значительно большего размера и имеют протяженные фланги сложной формы. Это бастионы за Благовещенской башней и у Тарарыгиной башни, с которых можно вести обстрел местности даже на противоположных берегах оврага как фланкирующий вдоль стен, так и косопримельный.

Псково-Печерский монастырь и крепость – свидетельство высокого мастерства русских зодчих. Крепость была в течение полутора веков западным форпостом русской земли, военно-оборонное значение которой в исторических событиях XVI–XVII вв. отмечено в документальной и исторической литературе довольно широко. Однако архитектурный ансамбль монастыря изучен мало и ждет своего исследователя, но уже сейчас своеобразие композиционного построения ансамбля, его художественное единство и наличие прекрасных памятников архитектуры делает Псково-Печерский монастырь одним из ценнейших и интереснейших историко-архитектурных комплексов.

Спасо-Преображенский Соловецкий Ставропигальный мужской монастырь. Спасо-Преображенский монастырь стоит около бухты Благополучия – единственно пригодной бухты для подходов и стоянки кораблей и расположен на узкой полоске земли, протянувшейся почти точно по меридиану с севера на юг, между бухтой Благополучия и большим искусственным Святым озером. Монастырский двор, обнесенный крепостной стеной, представляет собой в плане вытянутый пятиугольник с почти длинными параллельными сторонами (рисунок 3.17).

Стену начали возводить в 1582 году по приказу царя Федора Иоановича. Все новшества фортификационного искусства и ведения боя были воплощены в стенах и башнях Соловецкой крепости, кроме, быть может, одного – в стенах не было хода и амбразур среднего боя. И не было их по очень простой причине – крепостная стена сложена не из кирпича, а из огромных диких необработанных валунов. Длина ее равнялась 1084 м. Сделать галерею среднего боя в такой стене было бы чрезвычайно трудно. Стена находится на фундаменте, сложенном также из валунов и имеющем глубину около 2,5 м. Внизу стены уложены самые тяжелые камни. Говорят, что в стене есть каменные глыбы массой в 700 пудов, т. е. около 11 т. Камни в стене хотя и не обработаны, но подобраны и подогнаны с необыкновенной тщательностью и искусством. Грандиозное строительство продолжалось около четырнадцати лет, что нужно считать небольшим периодом времени для постройки такого сооружения. Высота стены нигде не меньше 8 м, а местами доходит даже и до 11 м. Толщина стен у уровня земли в среднем равна 6 м и с высотой постепенно уменьшается, доходя примерно до 3,5–4 м (рисунок 3.18).

Стена сложена так, что ее внутренние поверхности почти вертикальны, а наружные слегка наклонены внутрь, что характерно для всех древних сооружений Соловецкого монастыря. Профиль каменных стен монастыря создается с таким расчетом, чтобы сделать невозможным пребывание неприятеля у подножия стен. Атака крепостной стены была бы сильно облегчена, если бы сапер должен был браться только снарядов, выпускаемых по вертикали – с гребня стены: для прикрытия его было бы достаточно блиндированного навеса. Трудности значительно возрастают; когда нападающий, независимо от поражающих его навесных выстрелов, должен считаться и с выстрелами, направленными косвенно. Эти косвенные выстрелы достигаются тем, что подножию стены придается вместо вертикального профиля сильно выраженный излом, покатошь, от которой рикошетируют снаряды, сброшенные вертикально с верхушки стены. Огюст Шаузи отмечает, что этот прием применялся на Востоке с глубочайшей древности; крестonosцы заимствовали его из Сирии, а в средние века он стал применяться постоянно.

Стену начали возводить, вероятно, со стороны моря, откуда больше всего можно было ожидать нападения врагов. И действительно, с западной стороны стена гораздо толще, чем со всех других сторон. В этой части толщина стены доходит до 9 м. Верхняя кирпичная часть стены прорезана узкими

бойницами. Сверху, с внутренней стороны стены, на всем ее протяжении сделана галерея верхнего боя. Ширина ее около 4 м. Галерея открыта со стороны монастырского двора. Пол ее настлан толстым тесом, а верх покрыт тесовой двухскатной кровлей, опирающейся с одной стороны на стену, а с другой – на кирпичные столбики. Кроме уровня верхнего боя в стенах Соловецкой крепости имелся и нижний ярус – уровень подошвенного боя для обстрела врага во время штурма. В стенах внизу сделаны бойницы, а позади их, со стороны монастырского двора, устроены «печуры» – камеры со сводчатыми потолками, выложенными кирпичом. В них устанавливались пищали и пушки. Размеры «печур» большие для удобства наводки и стрельбы. Сейчас бойницы подошвенного боя заложены камнем, но печуры прекрасно видны со стороны монастырского двора. Часть бойниц в стенах и башнях тоже замурована кирпичом и камнем. Бойниц в крепости всегда было больше, чем пищалей и пушек, и в случае необходимости даже тяжелые затинные пищали перетаскивали по галереям к нужному месту.

По вершинам пятиугольника стен стоят пять мощных оборонительных башен. Они так же, как и стены, сложены циклопической кладкой из таких же огромных, диких и тщательно подогнанных гранитных валунов. Сначала башни не кажутся такими уж высокими, но это впечатление обманчиво, высота их каменной кладки примерно 15 м, а поперечник их громаден и практически равен высоте. Слегка коническая форма усиливает впечатление устойчивости и статичности башен, будто выросших в землю. Этому впечатлению способствует и соседство с протяженными пряслами крепостных стен. Коническая форма отличает башни Спасо-Преображенского Соловецкого монастыря от башен всех других крепостей и монастырей. Таких башен не увидишь больше нигде. Раньше башни не были покрыты ничем. Сверху они заканчивались боевыми зубцами. В начале XVIII века башни покрыли высокими коническими шатровыми крышами с дозорными вышками, украшенными сверху медными флажками-прапорами. Такими же коническими крышами высотой около 14–15 м башни покрыты и сейчас, так что их общая высота доходит примерно до 30 м. При первом взгляде все башни кажутся почти одинаковыми, но это ощущение пропадает при более внимательном ознакомлении.

Названия башен Соловецкого монастыря связаны или с их назначением, или с названием соборов, против которых они находятся. Прядельная башня, стоящая на южном углу западной стены, свое название получила от мастерских, в которых в давние времена сплетали, или, как тогда говорилось, пряли, рыболовные сети, а позднее вили канаты. Эта башня очень похожа на Архангельскую. В сечении своем она почти круглая и несколько меньшего диаметра, чем остальные, и потому кажется более стройной. Она менее отстоит от стены, чем другие башни, и с моря выглядит очень внушительно. Примерно посередине западной стены находится Успенская, или Оружейная, башня. В начале XIX века в ней хранилось старое монастырское оружие. Башня ниже других, квадратная, мало выдвинута за пределы стены, не раз горела – ее нижняя часть, сложенная из валунов, обуглена и почернела. Башня тоже была боевой, о чем свидетельствуют ее амбразуры и бойницы. Поставлена она посередине стены, чтобы разбить длинное прясло на два более коротких, увеличить прицельность и силу фланкирующего боя, усилить защиту выходящей к морю «приступной» стены. После Оружейной башни начинается подъем. Отсюда, снизу, особенно хорошо видно, как великолепно на бугре, в конце прясла стены стоит Корожная башня. Высота самой башни, вероятно, почти такая же, как и остальных, но размещенная на пригорке она кажется выше всех и господствует над всем Соловецким монастырем. Недаром ее называют еще и Сторожевой. Поперечное сечение башни неправильной овальной формы. Книзу образующая башни становится криволинейной, что еще более усиливает впечатление ее устойчивости. На высокой шатровой крыше сделана ротонда с деревянными колоннами. Свое название Корожная башня получила за близость к ней небольших каменистых островков – корг, хорошо видимых с крепостной стены.

С северной стороны крепости находится ров, давно уже высохший и заросший травой и луговыми цветами. За ним видны остатки каменной кладки, укреплявшей ров, и Никольская, или Северная, башня. Названа она в честь святителя Николая. Никольская башня – одна из самых живописных и своеобразных. Ее нижнее поперечное сечение сродни сечению Корожной башни неправильных очертаний. Башня у основания расширяется, как бы растекаясь во все стороны. Это характерно почти для всех башен Соловецкого кремля, но здесь особенно заметно, потому что башня стоит на косогоре. Никольскую башню сразу отличает от других «сторожка» для караульных. Рядом с Никольской башней находятся единственные открытые сейчас ворота, ведущие на территорию монастыря.

На другом углу восточной стены находится Архангельская, или Южная, башня, которая так же, как и Никольская, защищала монастырь со стороны Святого озера. По своему облику и силуэту она очень сходна с Прядельной башней. Последняя, угловая башня Соловецкого монастыря стоит на

пересечении стен, отходящих от Прядыльной и Архангельской башен. Это самая южная башня бастиона. Названа она Белой, или Сушильной, из-за близости к ней здания сушила, пристроенного к башне, как это ни странно, снаружи крепостной стены. В нем сушили рыболовные сети. Что касается другого ее названия, то его происхождение не выяснено. Толщина стен башен на уровне пола равна примерно 6 м. С высотой толщина стен постепенно уменьшается и у верха циклопической кладки на высоте третьего боевого яруса доходит до 3,5 м. От этой отметки и до самого верха башня построена из кирпича и толщина кладки равна 1,5 м (рисунок 3.19).

В стенах башни сделаны бойницы, ниши для бойцов и камеры для хранения пороха и ядер. Башни по высоте разделены на четыре боевых яруса или боя. Первый ярус находится на уровне земли, остальные образованы бревенчатыми перекрытиями, так называемыми мостами. Они сделаны из огромнейших бревен диаметром около 0,8 м и длиной до 10–12 м, заделанных в гнезда кладки стен с шагом около 1,5 м. На них настлан накат из мелких круглых бревен, хорошо пригнанных между собой и засыпанных сверху землей. На каждом ярусе в боевых камерах стояли пушки. Они устанавливались так, чтобы конец дула слегка выступал за край стены башни, иначе пороховые газы и дым задушили бы канониров, а давление выстрела разнесло края амбразуры (рисунок 3.20). Бойницы в стенах башен располагались в шахматном порядке, или, как тогда называли, вперемежку, что обеспечивало равномерную плотность боевого огня. В центре каждой башни стоял кирпичный столб, поддерживающий шатер крыши. Все боевые ярусы в башнях соединялись деревянными лестницами. В боевом отношении важнейшими считались Никольская, Архангельская, Прядыльная и, конечно, Сторожевая (Корожная) башни.

Восемь ворот соединяли территорию монастыря с внешним миром. Трое ворот раньше находились в угловых башнях – Никольской, Корожной и Белой, бывших тогда проездными, а остальные пробиты в стенах. Проходы в башнях были сделаны с изломом. Перед входом в ворота Белой башни (он и сейчас прекрасно виден) имелся небольшой захаб. Позже проемы в башнях заложили, все ворота пробиты в крепостных стенах. Ворота около Никольской башни сделаны на месте пушечной «печуры». Главными, парадными, воротами монастыря считались Святые ворота, выводящие на берег Белого моря. Над ними построена одноглавая надвратная Благовещенская церковь. Сами ворота очень живописны. Их арка, сложенная из кирпича, украшена орнаментом из ромбиков, зажатых между двумя дугами. Прекрасны старинные створки ворот, окованные железом. Все ворота устроены единообразно – через две арки с двухстворчатыми дверями, между которыми находятся сводчатые камеры. В Святых воротах для большей защиты от врагов имелась еще и опускаемая решетка – герса. Трое ворот находятся около башен и носят названия: Никольские, Успенские и Архангельские. Двое ворот названы по службам, находившимся возле них, – Квасоваренные (находящиеся со стороны Никольской башни) и Поваренные. На западной стене, кроме Святых, есть еще одни ворота – Сельдяные. Они служили для ввоза рыбы и потому назывались еще и Рыбными. У Рыбных ворот, как и у Святых, сохранились великолепные старинные, окованные железом створки. В наше время все монастырские ворота, кроме единственных действующих Никольских, закрыты.

Утилитарная функция была определяющей и при строительстве крепостных сооружений. Поэтому там, где эта функция существенно не изменилась – на многочисленных засечных чертах и оборонительных линиях, защищавших земли России от набегов степняков-кочевников, – сохранялись старые разновидности деревянных или деревоземляных крепостей. Новые земляные крепости бастионного типа строились иноземными фортификаторами. В 1630 году земляными валами с бастионами в форме девятиконечной звезды укрепили Ростов Великий. Однако поскольку возможность новой интервенции с Запада в центральные районы выглядела сомнительной, дорогостоящие работы такого рода больше не предпринимались.

Земляные крепости с их округлыми невысокими валами, с выступами бастионов, реданов и рavelинов, безусловно, обладали своей выразительностью, однако по силе художественного воздействия они явно уступали традиционным каменным и деревянным крепостям. Укрепления «миланского» образца, получившие столь широкое распространение на Руси в XVI в., вероятно, стали восприниматься как идеал крепости вообще. Когда в середине XVII в. французский фортификатор Антуан де Грон предложил возвести у Кирилло-Белозерского монастыря укрепления бастионного типа, монахи категорически отвергли новшество и испросили у царя разрешение поставить стены по образцу Свято-Троице-Сергиевой лавры. В итоге Новый город – ограда новой монастырской территории – была выстроена в традиционных, давно изжитых в европейской фортификации формах. Исследователи неоднократно отмечали особую декоративность крепостных

сооружений XVII века, свидетельствующую о сознательной эстетизации облика крепости. Эта эстетизация проявилась также в нефункциональных перестройках старых крепостей. В 1670–1680-е гг. Московский Кремль получил шатровые завершения всех башен (кроме Никольской). Прецедент был создан надстройкой в 1625 году Спасской башни Баженом Огурцовым и англичанином Христофором Галовеем, но эта надстройка имела определенный утилитарный смысл: она вызывалась потребностью в размещении часов, а высокий шатер отмечал парадный вход в Кремль. Перестройки же конца XVII века являлись вполне декоративными – «смотрильные вышки» на башнях были только формой, призванной создать образ мощной крепости. В это время отпала угроза татарских набегов на Москву, так как столицу надежно защищали дальние рубежи обороны, и использовать вышки по назначению – для дозора за приближением врага – определенно не предполагалось. Если же иметь в виду, что «смотрильные теремки» могли употребляться как пожарные вышки-каланчи, то наличие их на всех без исключения башнях, с функциональной точки зрения, все равно явно избыточно. В конце XVII века надстроили и некоторые башни Свято-Троице-Сергиевой лавры, причем Утичьа башня украсилась завершением, восходящим к постройкам голландского архитектора П. Поста. Легкость, с которой завершение голландской ратуши оказалось перенесенным на постройку совершенно другого назначения, говорит о самоценности художественного начала, отделении эстетической функции от функции утилитарной.

Такое отделение стало возможным вследствие утраты крепостями их практического значения. Не случайно с 1630-х годов строительство новых каменных городских укреплений полностью прекратилось. В центральных землях России потребность в них отпала, а по дальним рубежам строили укрепления других типов. Поэтому крепостное каменное зодчество во 2-й половине XVII века свелось почти исключительно к возведению монастырских оград (включая и комплексы архиерейских домов). Ограды же монастырей в XVII веке утратили скольнибудь серьезное оборонительное значение, что проявилось в изначальном размещении в стенах и башнях жилых и хозяйственных помещений. Началось вырождение некогда функциональных форм («машикули» без отверстий, декоративные бойницы, завершение башен своеобразными ажурными «коронами» взамен близко поставленных зубцов – мерлонов). Стена монастыря стала не боевым сооружением, а границей его освященной территории, что подчеркивалось обилием кирпичного, белокаменного или изразцового декора. Возможно, богато украшенные ограды Иосифо-Волоколамского, Новодевичьего, Донского монастырей ассоциировались с представлением о стенах Горнего Иерусалима. А «итальянизирующие» каменные крепостные сооружения в зодчестве XVII века представляли собой отживающий тип, продливший свое существование в монастырских оградах за счет смены практической функции на символически эстетическую.

3.4 Подмосковные монастыри, причисляемые к ряду крепостей

Существует целый ряд монастырей, которые во многих публикациях причисляются к монастырям-крепостям по нескольким признакам: по расположению, наличию признаков, мнению авторов этих публикаций, свойственных крепостному зодчеству. В других публикациях такая точка зрения начисто отвергается, причем доводы, которые приводятся в доказательство, также весьма убедительные. Не имея доводов в защиту той или иной точки зрения, мы позволим себе привести краткие описания этих спорных монастырей в нашем исследовании. Тем более, что архитектурные ансамбли этих монастырей известны давно и являются выдающимися памятниками монастырского зодчества.

Новоспасский Ставропигальный мужской монастырь. Новоспасский монастырь расположен в юго-восточной стороне города, на левом возвышенном берегу Москвы-реки, приблизительно в пяти верстах от Кремля. Начало монастыря относится к XIII веку – времени зарождения города Москвы. Первоначально монастырь, посвященный Спасителю, был основан Святым благоверным князем Даниилом, сыном святого Александра Невского, на месте, занимаемом теперь Даниловым монастырем. Но недолго был Спасский монастырь на этом месте. Сын святого Даниила, Иван Калита в 1330 году перенес монастырь на Кремлевский Боровицкий холм. Спасский монастырь ко времени своего основания являлся первым в городе. Во времена нашествия на Москву татарского хана Тахтомышы Спасская обитель испытала печальную судьбу всего города: она была разграблена и сожжена, а ее настоятель архимандрит Симеон был убит.

Со времени княжения Ивана III начинается новый период в истории Спасского монастыря. При сооружении новых зданий Кремлевского дворца оказалось неудобным существование здесь Спасского монастыря, так как он оказался в районе дворцовых зданий, которые окружили его плотным кольцом. Великий князь решил перенести монастырь на другое место верстах в пяти от Кремля на так называемый Васильевский, или Васильцов, стан на берегу Москвы-реки (рисунок 3.21). Полагают, что Васильевский стан являлся именно сторожевым пунктом, так как именно из исторических данных хорошо известно, что именно возвышенные места и являются центром расположения войск, а устройство здесь монастыря не помешало бы использовать это место в военных целях, так как монастыри в это время часто и являлись крепостями. По своему новому местоположению Спасский монастырь стал называться «Спас Новый» или Новоспасский. На старом же месте в Кремле оставлен Преображенский храм, известный также под именем Спаса на Бору.

Первоначальная ограда монастыря была деревянная, которая во время польско-литовского разгрома была разрушена. Затем, при царе Михаиле Федоровиче, в первые годы его царствования монастырь был обнесен вновь деревянной оградой, приспособленной к обороне. С 1640 по 1642 г. Новоспасский монастырь был обнесен каменной оградой с бойницами и башнями взамен деревянных стен. Для сооружения таких обширных построек царем Михаилом Федоровичем были вызваны каменщики, которые образовали слободу вблизи монастыря, известную под названием Каменщиков. Длина каменных стен около 660 м и высота 6,5 м. Она представляла собой неправильный пятиугольник с пятью башнями. В верхней части башен и стен устроены приспособления для орудий. Следует отметить, что в царствование государей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича обитель достигла наибольшего расцвета. В эти годы в монастыре ведется большое каменное строительство. Главные ворота монастыря находятся на восточной стороне ограды под колокольней. Колокольня возведена в период с 1759 по 1784 гг. по проекту И. Жеребцова. Кроме главных ворот находятся еще ворота у юго-восточной башни, а третьи – у юго-западной. С точки зрения обороны интерес представляет западная стена монастыря, выходящая на Москву-реку. Посередине стены построена пятиугольная башня, фланкирующая своим огнем всю стену, тогда как угловые башни здесь не выступают за линию стены, а выступают за линию южной и северной стен, фланкируя, в свою очередь, их.

Свято-Данилов Ставропигальный мужской монастырь. Монастырь считается древнейшим московским монастырем, основан он в конце XIII века первым московским князем Даниилом Александровичем, сыном Александра Невского. Как и многие древние православные монастыри, Свято-Данилов Ставропигальный мужской монастырь имеет славную историю, полную легенд, неразрывно связанную с историей Москвы (рисунок 3.22). Он чудом уцелел от разорения во время набега крымских татар в XVI веке. В XVIII–XIX вв. в монастыре идет активное строительство, складывается его архитектурный ансамбль. Старейшая церковь – Покровская, была возведена в середине XVIII в. во имя Святых Отцев семи Вселенских соборов, надвратная церковь с колокольней освящены примерно в 1730–1732 гг. В конце XVIII в. построены братские кельи и дом настоятеля. А между 1833 и 1838 гг. по проекту А. Бове возведен Троицкий собор. Реставрация монастыря была закончена летом 1988 года в ознаменование празднования 1000-летия крещения Руси.

Донской монастырь. К юго-западу от центра Москвы, вблизи старой Калужской дороги, высятся стены Донского монастыря (рисунок 3.23). Еще сравнительно недавно купола его соборов, церквей и колоколен были видны над низенькой застройкой улиц уже при въезде на Калужскую площадь. Зелень бульваров и скверов охватывает стены монастыря. Не только старинные сооружения вводят нас в историческую атмосферу – старая липовая аллея, лиственницы парад крыльцом собора Донской Божией Матери, просторные лужайки, заросшее кладбище и молодые яблони в саду за настоятельским корпусом – все это, запорошенное снегом зимой и озаренное летом солнцем, располагает к покою и размышлениям. Донской монастырь вошел в черту города в начале XIX века, а в пору его основания территория, где был расположен монастырь, считалась далеким предместьем Москвы. В конце XVI века Москва – столица уже могущественной державы и место, хорошо укрепленное с полукольцом больших монастырей: Новодевичьего Смоленской иконы Пречистой Богородицы женского монастыря, Симонова Андронникова, Новоспасского и др. Донской монастырь был последним из этого полукольца монастырей, по времени создания.

С событий 1591 года начинается история Донского монастыря. В конце 1591 года крымский хан Казы-Гирей двинул свои войска к Москве. В результате сражений 4 и 5 июля 1591 года войско Казы-

Гирея было разгромлено. Его поход оказался последним походом крымских татар, во время которого им удалось дойти до Москвы. В честь этой победы был основан монастырь, который москвичи в честь иконы Богоматери Донской, покровительницы воинов, помещенной там, в церкви, прозвали «Донской, что в обозе». Место для нового монастыря было выбрано, конечно, не только для того, чтобы увековечить победу, но и стратегически продумано. В первые годы своего существования Донской монастырь был очень невелик. Крупные сооружения в монастыре появляются лишь в последней четверти XVII века.

Новодевичий Смоленской иконы Пречистой Богородицы женский монастырь. Древнее русское Смоленское княжество с городом Смоленском в течение 110 лет находилось под властью Великого княжества Литовского. Великий князь Василий III в 1514 году взял Смоленск, а в 1522 году окончательно закрепил освобожденные земли за Московским государством. В ознаменование этого важного события Василий III дал обет построить на Девичьем поле в Москве женский монастырь, и после победы над казанскими татарами в 1524 году выполнил его (рисунок 3.24). Некоторые исследователи полагают, что при основании монастыря, несомненно, учитывалось его оборонное значение. И что «для крепостного сооружения в этой части Девичьего поля лучшего места нельзя было выбрать, так как земельный участок, занимаемый монастырем-крепостью, значительно возвышается над низменной береговой полосой Лужников, образуя с западной стороны, к прудам, обрыв, существующий и поныне». Справедливости ради позволим себе усомниться в идеальности выбранного места. Дело в том, что монастырь часто страдал во время паводков и его территория подтапливалась. Только с возведением кирпичной стены в западной части монастыря, удалось поправить положение. Одновременно потребовалось провести подсыпку западной части территории монастыря. От чего и образовалась система прудов. Возведена была каменная ограда вокруг кладбища, которая выполняла функции своеобразной дамбы и защищала территорию монастыря со стороны Преображенской надвратной церкви.

Стены и башни Новодевичьего Смоленской иконы Пречистой Богородицы женского монастыря характерны для крепостного строительства. По углам размещены четыре круглые угловые башни, а между ними были возведены восемь четырехугольных башен. Общая протяженность монастырских стен составила около 870 м. Монастырские стены и башни много раз восстанавливались и перестраивались. В конце XVII века, при царях Иване и Петре и правительнице Софье, был не только произведен ремонт, но и значительно изменен внешний вид башен, на которых были выполнены надстройки, существующие и в настоящее время. При круглых угловых башнях существуют древние жилые строения XVII, а частично XVI века. Эти постройки были связаны с башнями и вероятно служили для размещения гарнизона крепости. Восемь квадратных, или близких к квадрату в плане, башен мало отличаются одна от другой. В башнях устроено три, а в некоторых четыре этажа. Кроме верхнего, мало приспособленного для военных действий и выполняющего скорее декоративные функции этажа, в башнях существуют средний и нижний. Стены и башни монастыря в их древнейшей нижней части оформлены простыми, хорошей формы и рисунка деталями. Весь ансамбль в XVII веке обогатился целым рядом наряднейших сооружений: надвратными храмами, колокольней и трапезной, что придало монастырю чрезвычайно живописный и нарядный облик.

От внимательного исследователя не может ускользнуть, что эти монастыри выделяются не только оборонно-крепостным практическим назначением. Живописность и красота монастырских ансамблей обладает высоким художественным совершенством. На примере этих замечательных архитектурных ансамблей можно особенно наглядно уяснить одну из наиболее выдающихся особенностей монастырского зодчества – органическое единство практического назначения сооружения и его художественного образа. Архитектурные ансамбли складывались веками и зачастую состоят из зданий разных эпох, однако архитекторы, добавлявшие и достраивавшие здания, делали это с глубоким пониманием архитектурного замысла в целом. Создававшиеся разными зодчими, они отличаются в целом изумительным единством архитектурных ансамблей, в которых нельзя что-либо отнять или добавить, не нарушив художественной гармонии целого. Как и кремли древних городов, многие живописные монастырские ансамбли являются совершенными образцами художественного единства архитектуры и окружающей природы. Окружавшие естественный и искусственно преобразованный ландшафт, равно как и внутримонастырские сады, являют едва ли не идеальный образец «экологии культуры». Дело с самого начала не

ограничивалось выживанием в «оазисах» выкорчеванного леса. Иночество создает особую форму «экологии человека». Образ жизни, обозначаемый как «ангельский чин», в сущности, требует от человека воссоздания его первоначально естественной, «райской» чистоты. И что оказывается хотя и нелёгким, но вполне достижимым.

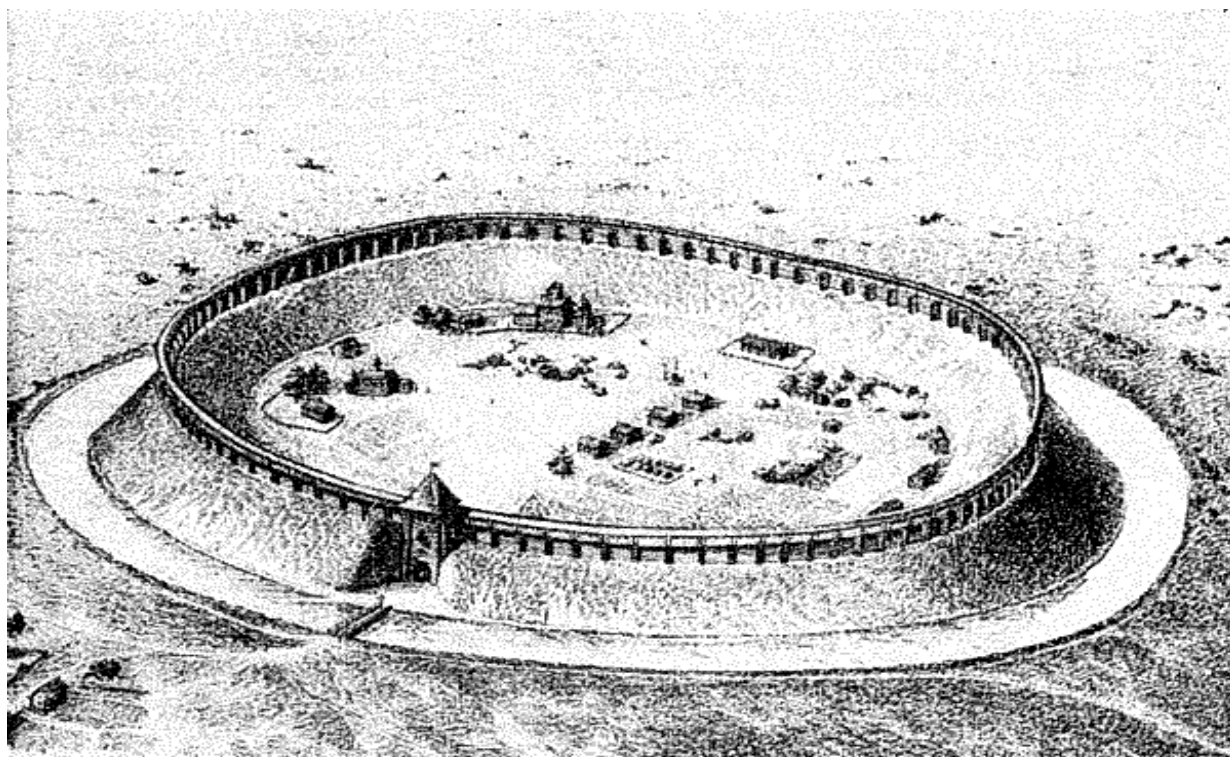

Рисунок 3.1 – Город Мстиславль в XII в. Рисунок А. Чумачева по реконструкции П. А. Раппопорта

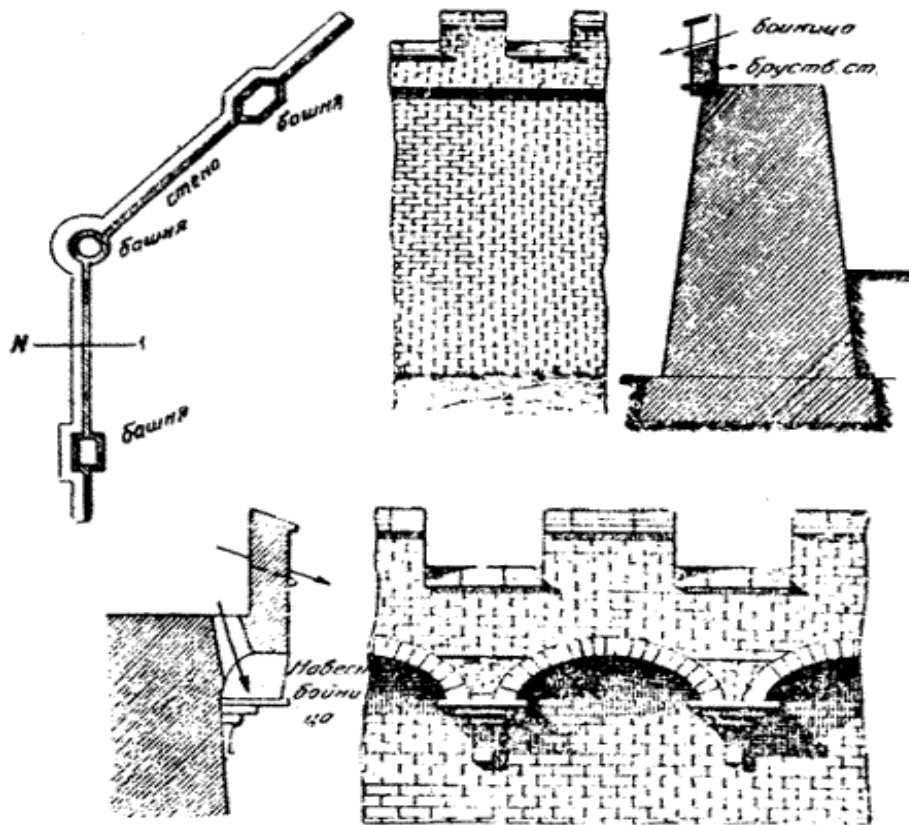

Рисунок 3.2 – Детали древних стен: расположение башен, зубчатая стена, «машикули»

Рисунок 3.3 – Вал и ров Мстиславльского городища. XII в.

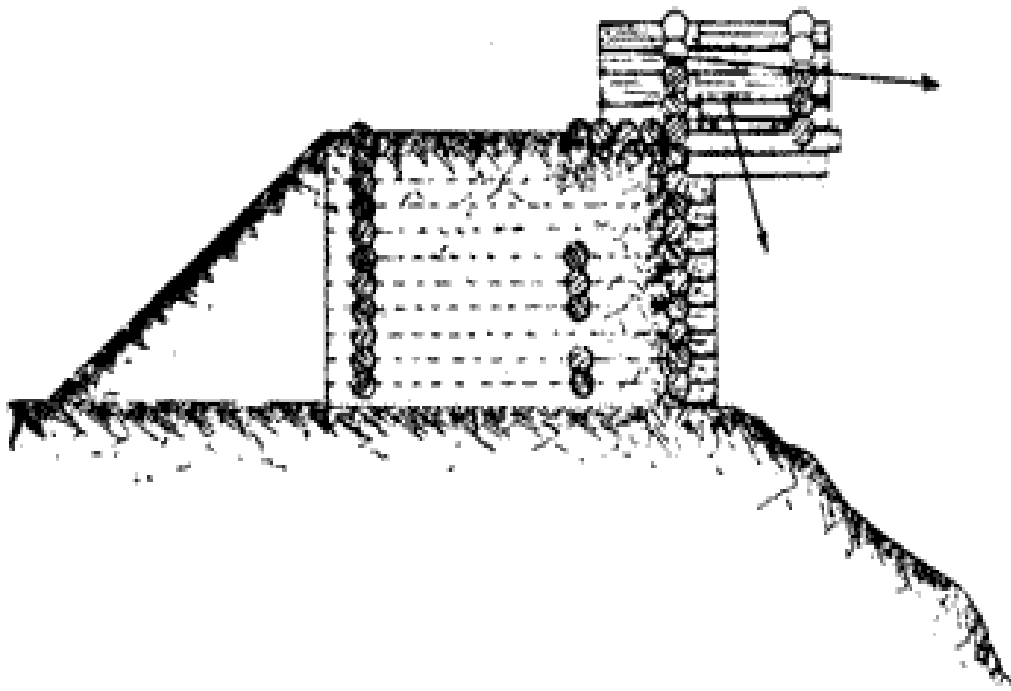

Рисунок 3.4 – Простейший тип древнерусской деревянной ограды

Рисунок 3.5 – Гора Троица – остатки города Данилова

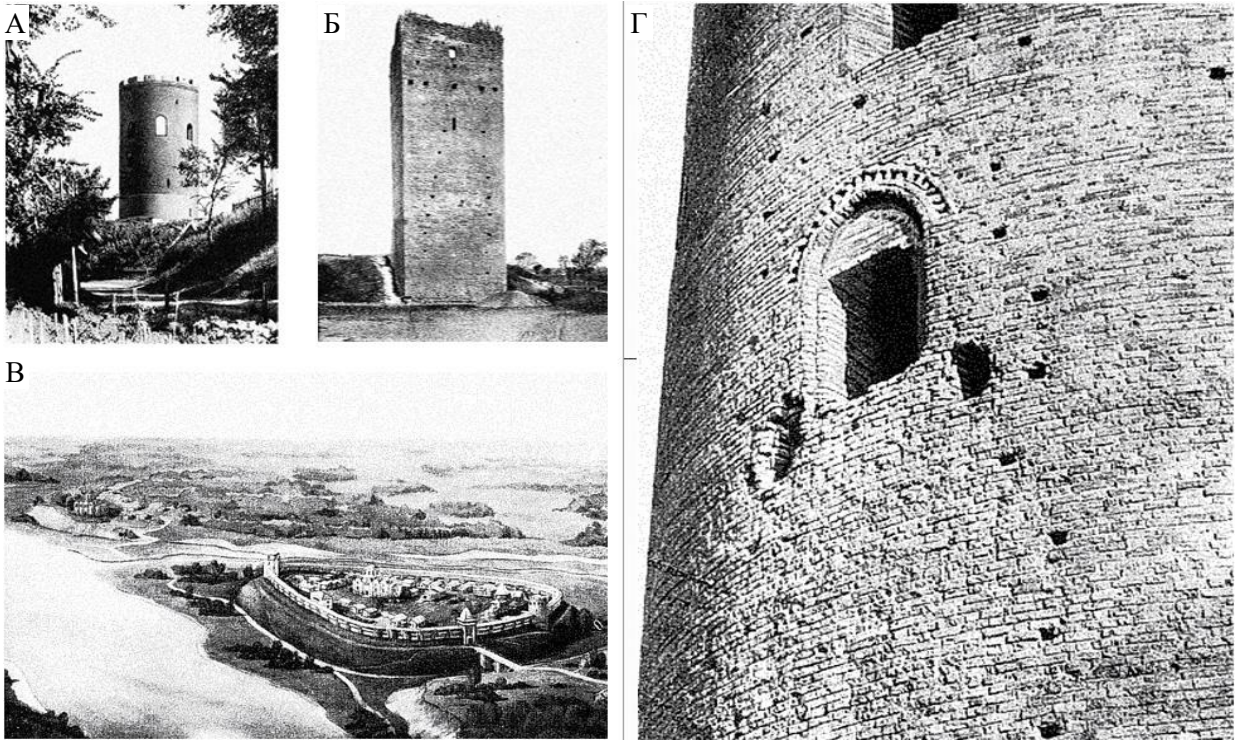

Рисунок 3.6 – Каменные башни в обороне средневекового города.

А – башня в Каменце-Литовском во второй половине XIII в.; Б – башня в Стольпье близ Холма. XIII–XIV в.;
 В – город Гродно в XIII в. Акварель И. Новодворской по реконструкции П. А. Раппопорта;
 Г – деталь башни в Каменце-Литовском

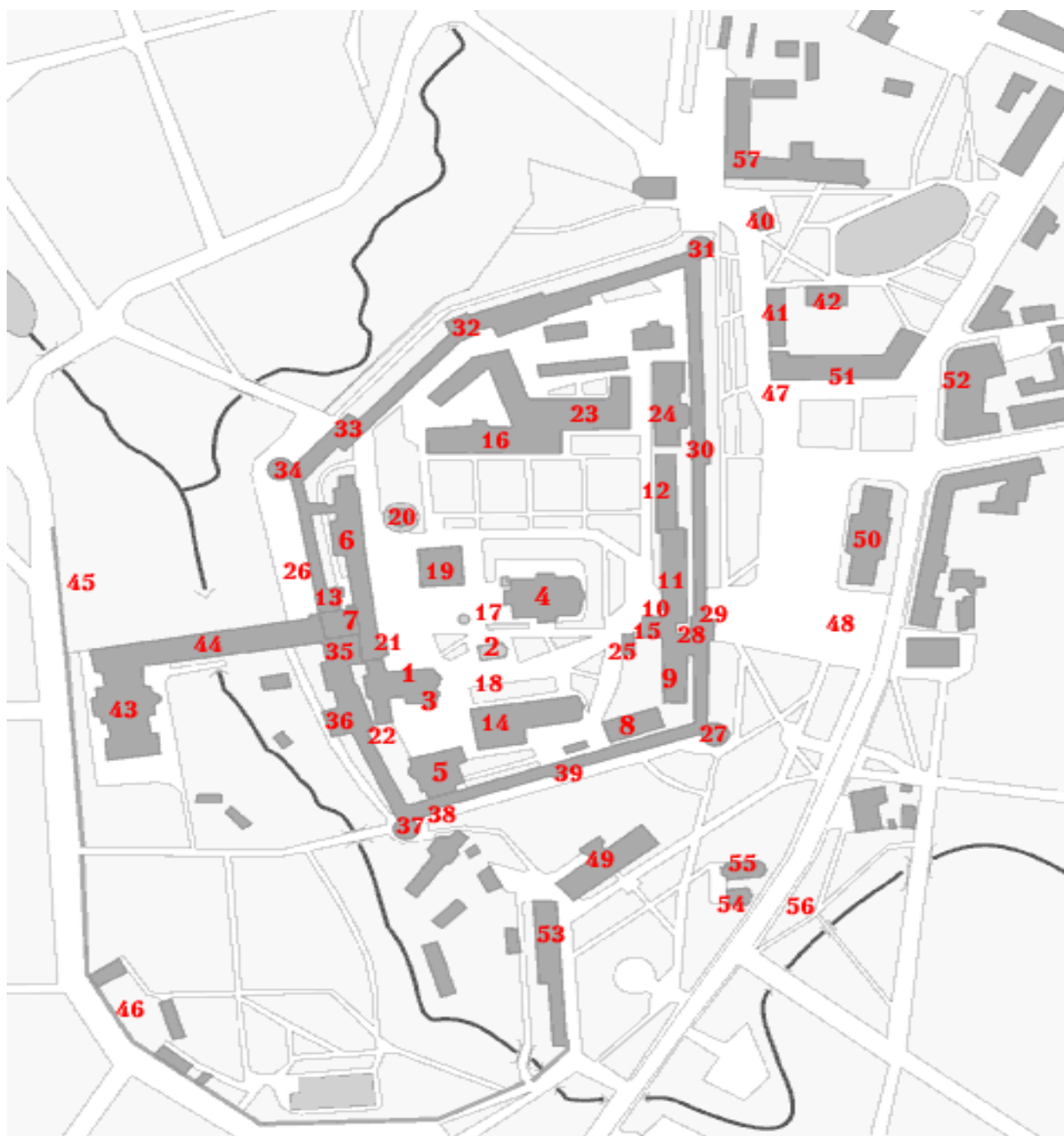

Рисунок 3.7 – Схема Свято-Троице-Сергиевой лавры:

1 – Троицкий собор; 2 – церковь Святого Духа; 3 – Никоновский придел; 4 – Успенский собор; 5 – митрополичьи покои; 6 – больничные палаты; 7-12 – корпуса келий; 13 – крепостная палата; 14 – трапезная палата;

15 – надвратная церковь; 16 – Царские чертоги; 17 – Надкладезная часовня; 18 – церковь Явления Божьей Матери; 19 – колокольня; 20 – церковь Смоленской иконы Божьей Матери; 21 – Лестничная башня; 22 – ризница;

23 – учебный корпус Московской Духовной академии; 24 – библиотечный корпус; 25 – книжная лавка; 26 – стены; 27 – Пятницкая башня; 28 – Красная башня; 29 – Успенские ворота; 30 – Сушильная башня; 31 – Уточья башня; 32 – Звонковая башня; 33 – Каличья башня; 34 – Плотничья башня; 35 – Келарская башня; 36 – Пивная башня; 37 – Водяная башня; 38 – Водяные ворота; 39 – Луковая башня; 40 – здание кузницы; 41 – бывшие погреба; 42 – гостиничный флигель; 43 – здание больницы; 44 – переходный корпус; 45 – инфекционный корпус; 46 – ограда; 47 – аптекарский флигель; 48 – Красногорская часовня; 49 – здание странноприимного дома; 50 – торговые ряды; 51, 52 – здание гостиницы; 53 – торговые лавки; 54 – церковь Введения; 55 – церковь Параскевы Пятницы; 56 – часовня; 57 – здание монастырского конного двора

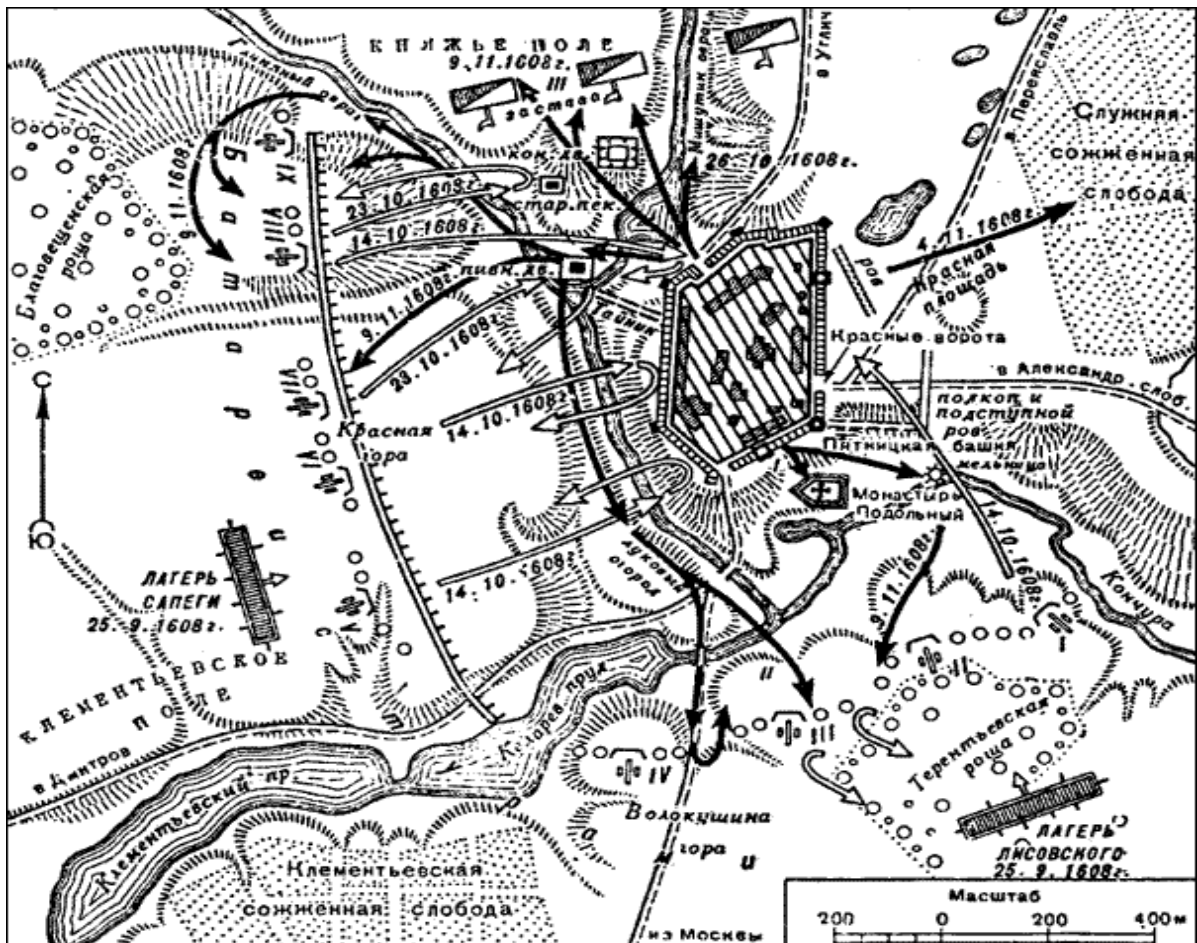

Рисунок 3.8 – Схема обороны Свято-Троице-Сергиевой лавры в 1608–1609 гг.

Рисунок 3.9 – Свято-Троице-Сергиева лавра. Вид с юго-востока

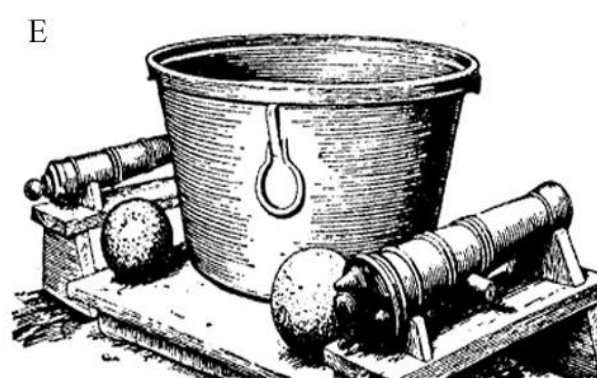
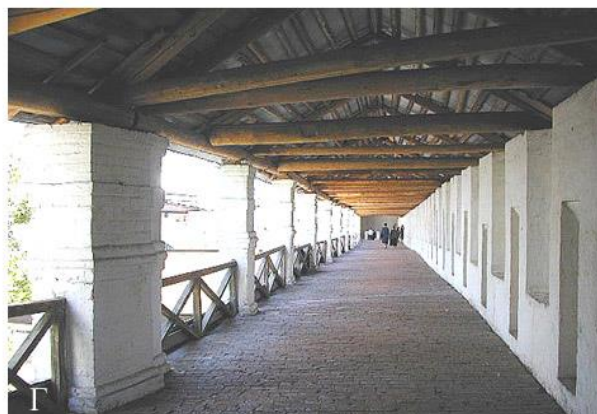
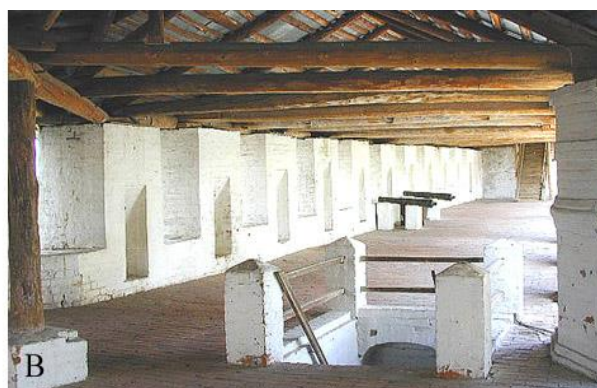
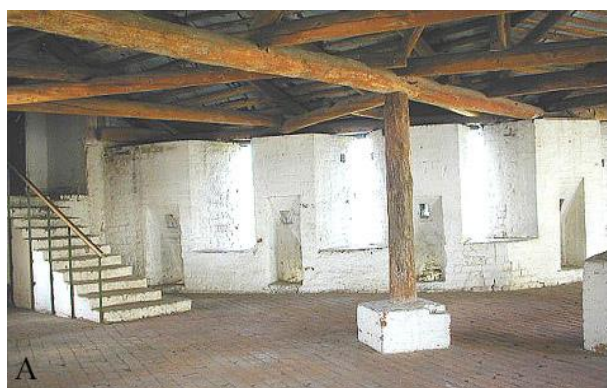

Рисунок 3.10 – Свято-Троице Сергиева лавра:
А–Г – галереи третьего боевого яруса крепостных стен; Д – крепостная стена; Е – котел для варки смолы, каменные ядра и чугунные монастырские пушки; Ж – вид на крепостную стену и Уточью башню

Рисунок 3.11 – Башни Свято-Троице Сергиевой лавры:
 А – Каличья и Плотничья башни; Б, Г – Звонковая башня; В – Водяная башня;
 Д – Пятницкая и Красная башни

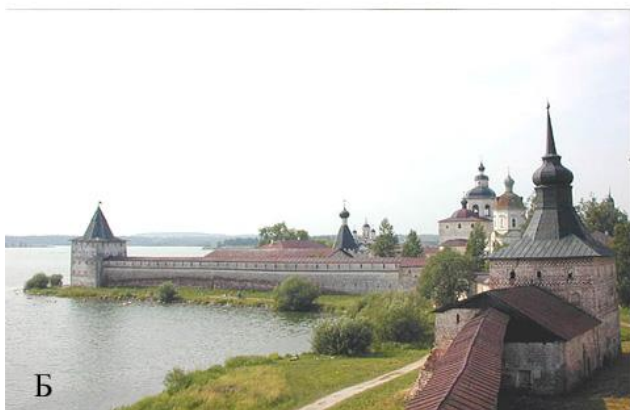

А

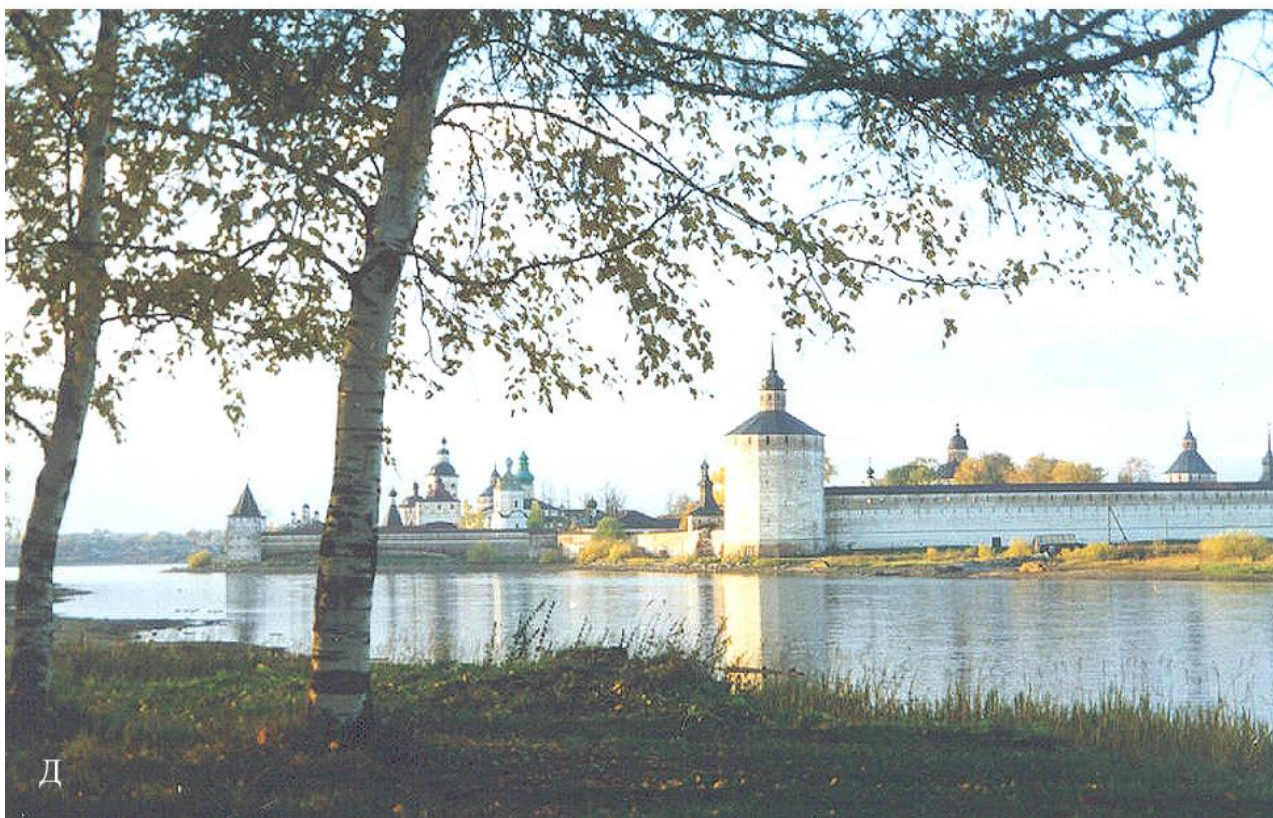
В

Б

Г

Д

Рисунок 3.12 – Кирилло-Белозерский монастырь:
А – вид на монастырь со льда Сиверского озера; Б – вид со стены на Котельную и Свиточную башни;
В, Г – Новый город; Д – общий вид

Рисунок 3.13 – Кирилло-Белозерский монастырь:
А – южная стена монастыря; Б – монастырская стена и Сиверское озеро; В – средний боевой ход;
Г – вид на Ивановский монастырь

Рисунок 3.14 – Башни Кирилло-Белозерского монастыря:
А – Белозерская (Большая Мереженная) башня; Б – Глухая и Кузнечная башни; В – Свечная башня и монастырские храмы; Г – Казанская башня

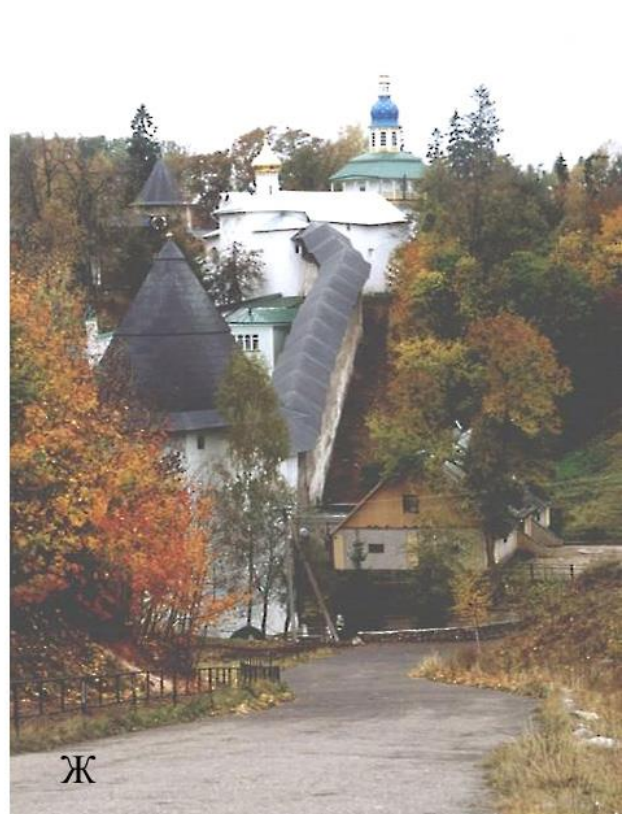
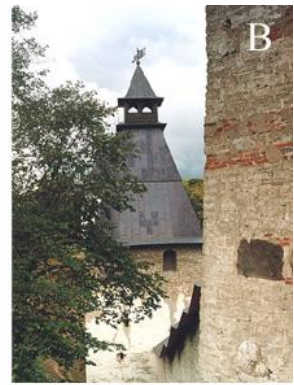
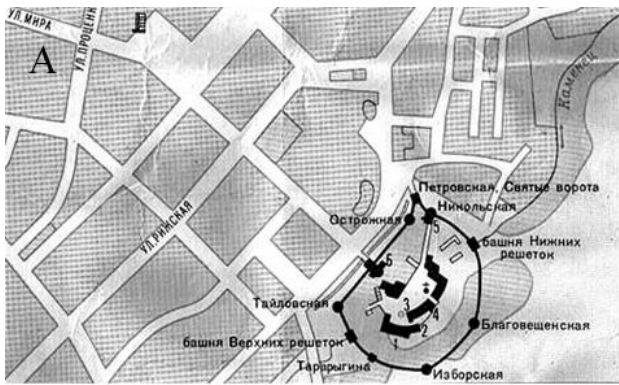

Рисунок 3.15 – Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь:
 А – монастырь в структуре города; Б – галерея верхнего боя; В – вид на башню Верхних решеток от башни Тарарыгина; Г – вид на монастырь с юга в конце XVII века. Реконструкция О. В. Гришинчук; Д – вид на монастырь с обзорной площадки; Е – монастырские стены; Ж – улица Подгорная

Рисунок 3.16 – Башни Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря:
 А – вид на башню Нижних решеток; Б – Острожная; В – Верхних решеток; Г – Благовещенская; Д – Петровская ;
 Е – Изборская; Ж – Тарарыгина; З – Тайловская

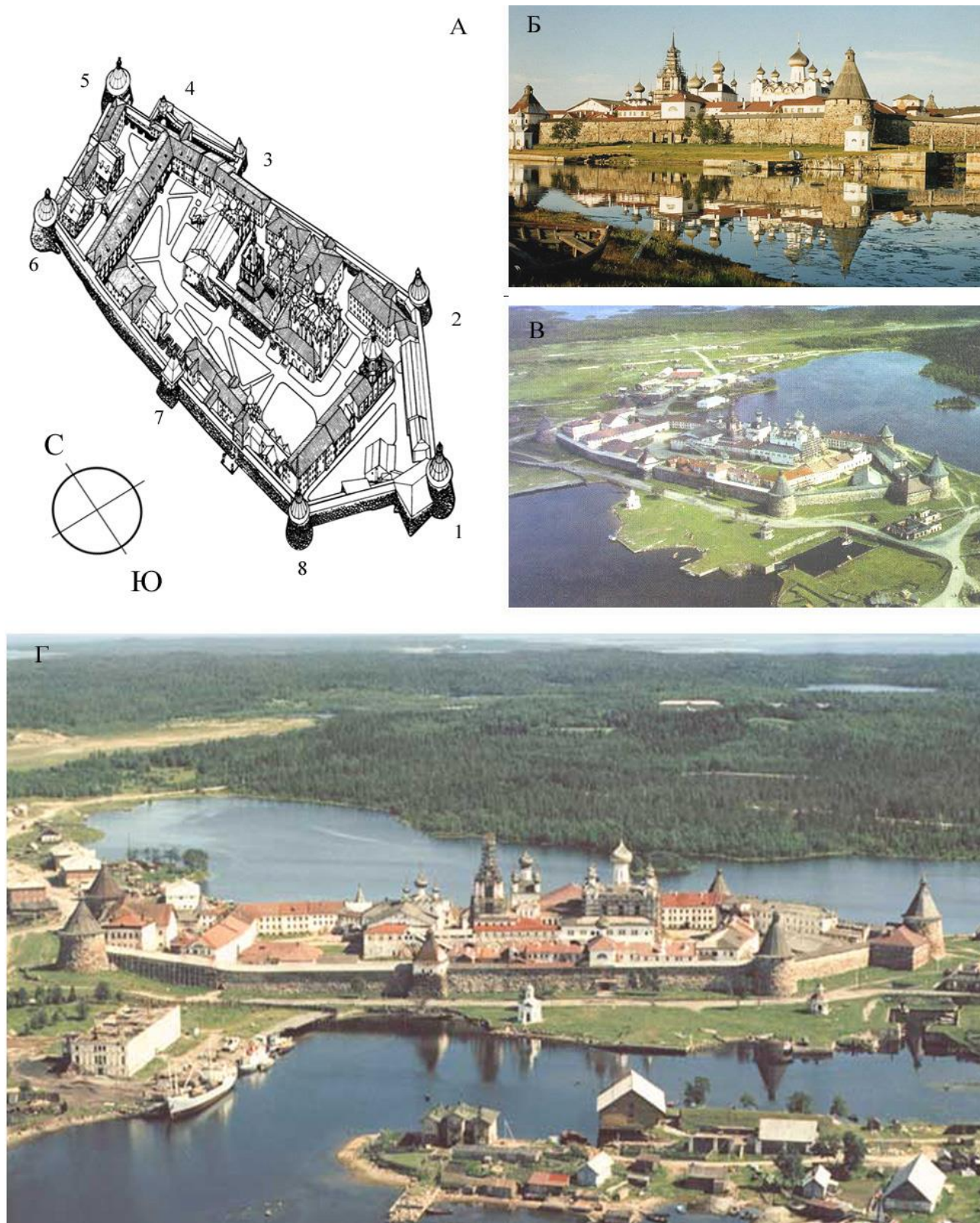

Рисунок 3.17 – Спасо-Преображенский Соловецкий Ставропигальный мужской монастырь:

А – аксонометрическая схема монастыря, башни : 1 – Белая; 2 – Архангельская; 3 – Поваренная; 4 – Квасоваренная; 5 – Никольская; 6 – Корожья; 7 – Успенская; 8 – Прядельная; Б – вид с юго-востока; В – вид с высоты птичьего полета; Г – общий вид с запада

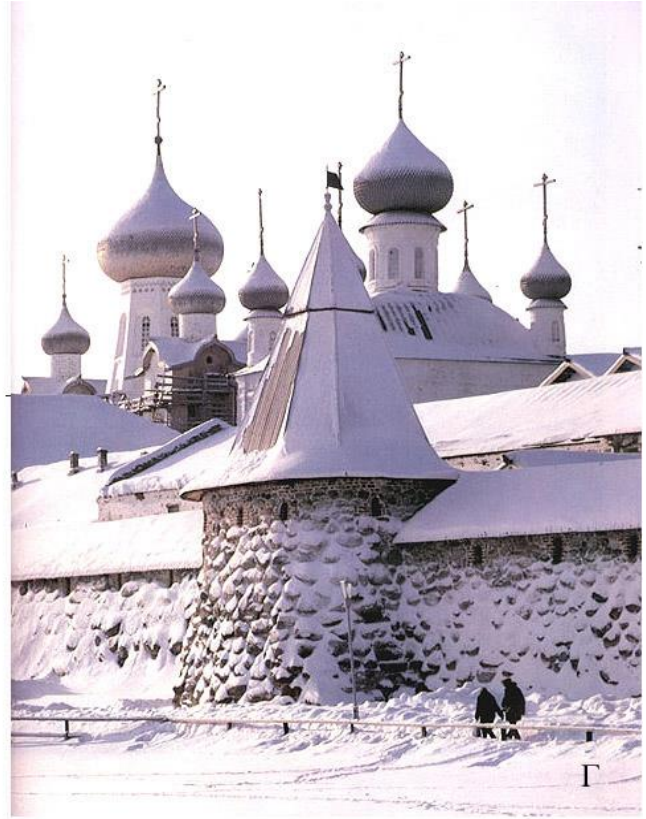
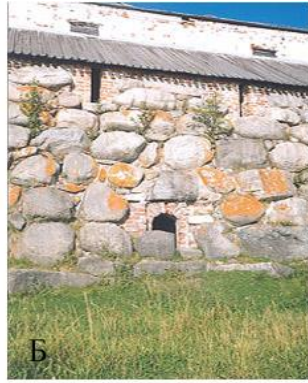

Рисунок 3.18 – Стены Спасо-Преображенского Соловецкого Ставропигального мужского монастыря:
А, Б – бойницы подошвенного и верхнего боя; В – галерея верхнего боя; Г – фрагмент юго-западной стены;
Д – монастырские стены, вид с северо-западной стороны

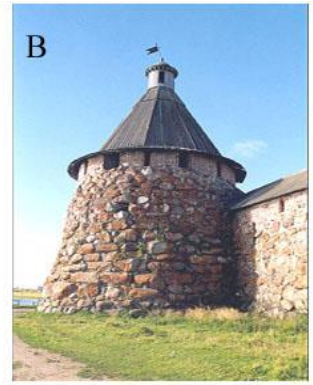

Рисунок 3.19 – Башни Спасо-Преображенского Соловецкого Ставропигального мужского монастыря: А – поваренная; Б – Успенская; В, Д – Прядильная; Г – Квасоваренная и Никольская; Е – Корожья; Ж – Белая

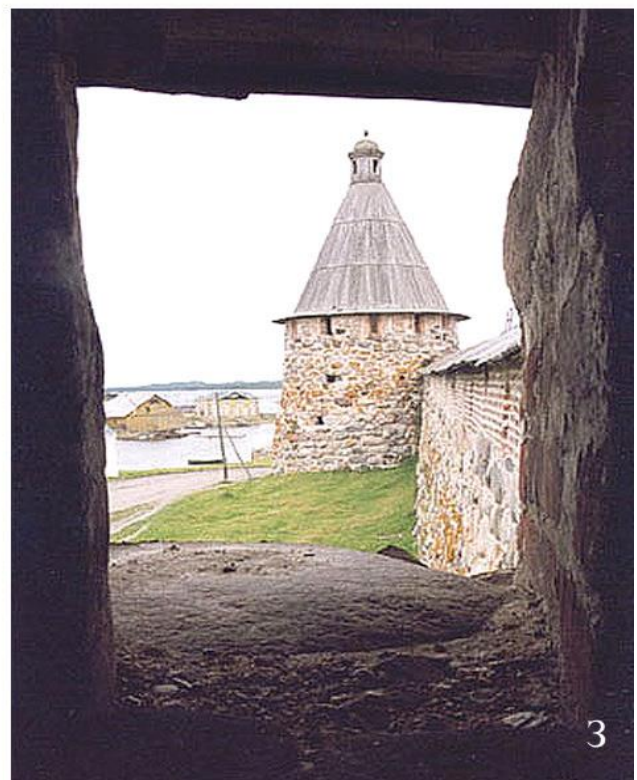
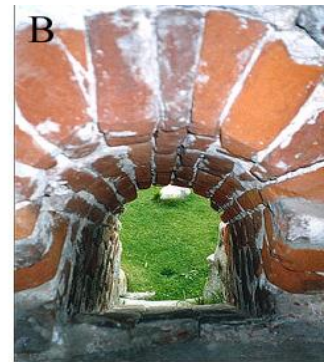
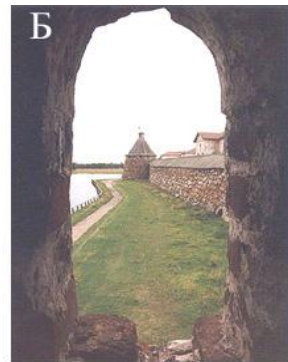

Рисунок 3.20 – Фрагменты крепостных стен Спасо-Преображенского Соловецкого Ставропигального мужского монастыря:

А – двухступчатая бойница Прядильной башни; Б, В – бойницы; Г – бойницы верхнего боя Никольской башни; Д – накат из бревен в одной из башен; Е – печура подошвенного боя; Ж – внутренний вид крепостной стены; З – вид на Никольскую башню через бойницу Корожьей башни

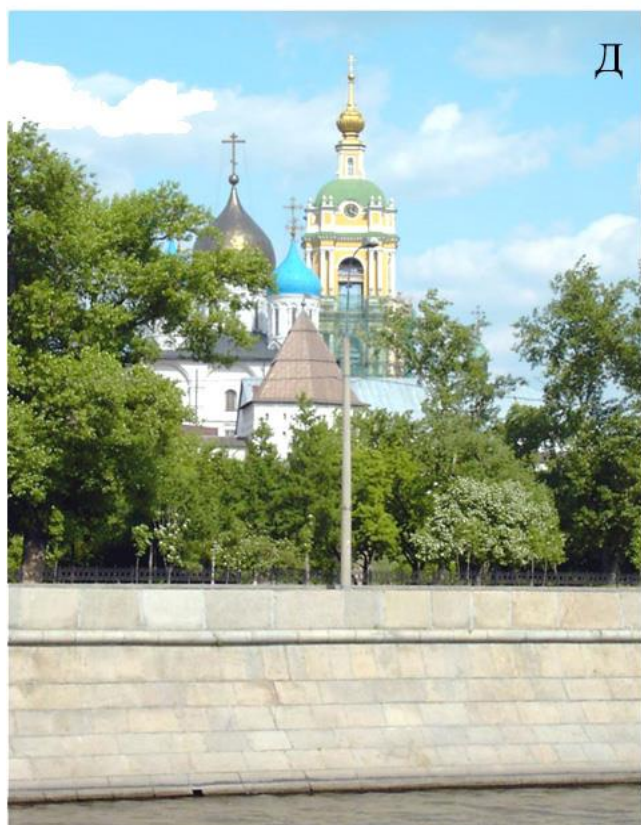
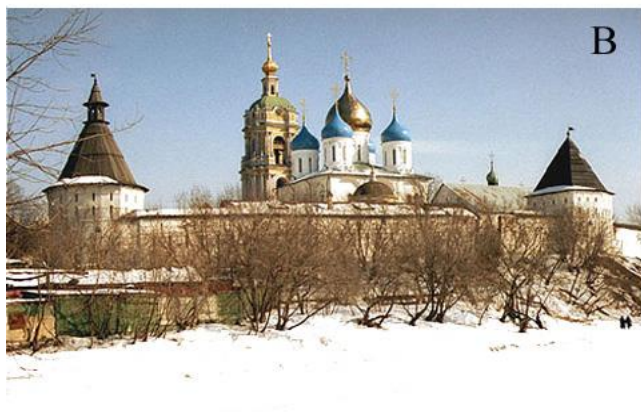
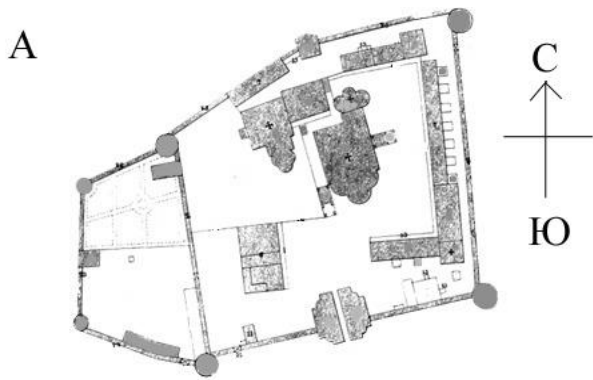

Рисунок 3.21 – Новоспасский монастырь в Москве:
 А – схема плана монастыря; Б – монастырь в XVIII веке; В – вид с северо-запада; Г – вид с севера; Д–Ж – вид монастыря с набережной реки Москвы

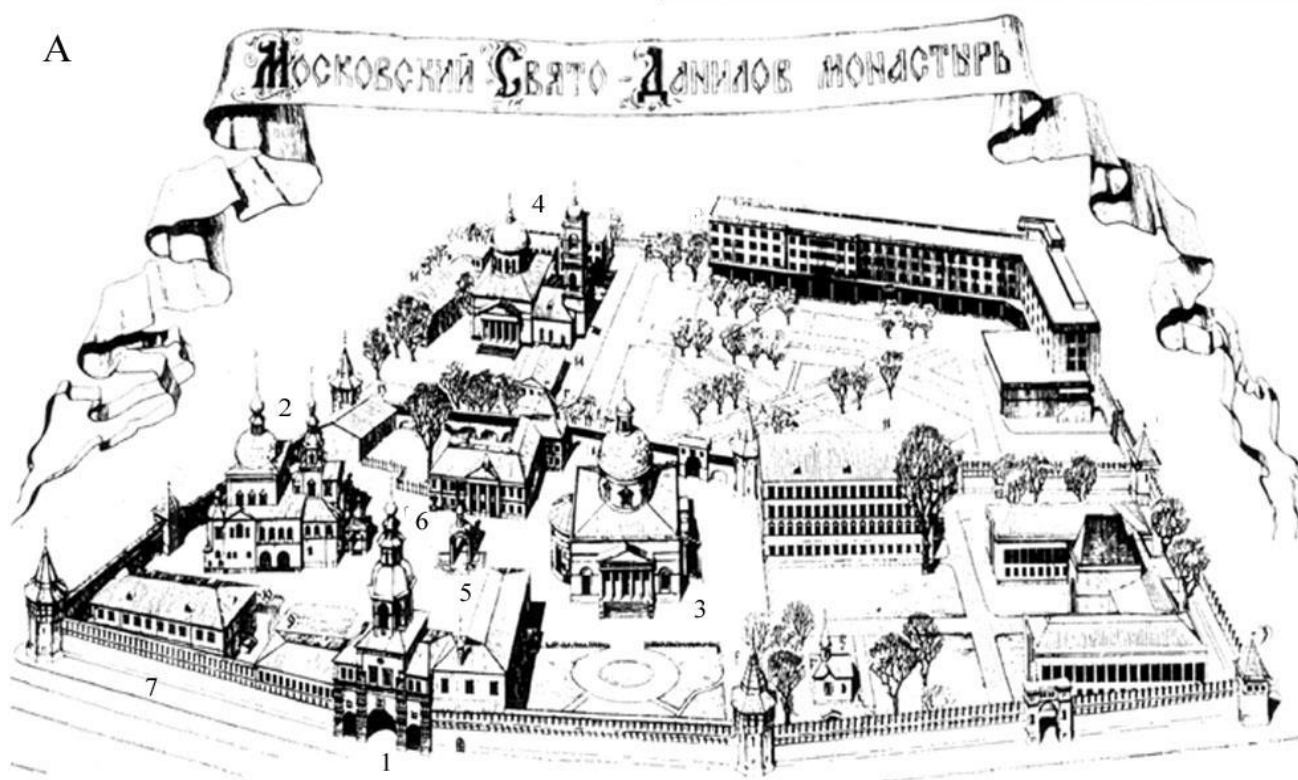

Рисунок 3.22 – Свято-Данилов Ставропигальный мужской монастырь:
 А – аксонометрическая схема: 1 – Святые врата с церковью Симеона Столпника;
 2 – храм Святых Отцов семи Вселенских соборов; 3 – Троицкий собор; 4 – храм Воскресения Словущего;
 5 – трапезная; 6 – настоятельский корпус; Б – Георгиевская башня; В – вид с юга; Г – Патриаршья башня

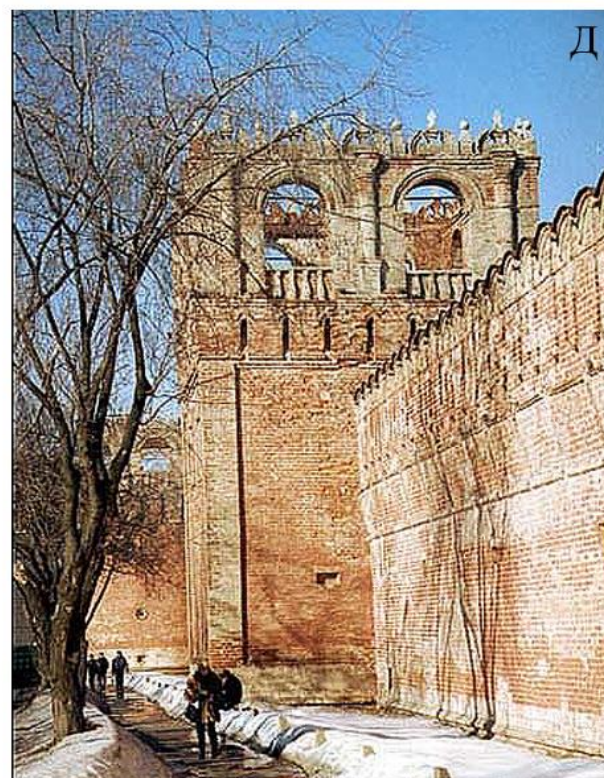
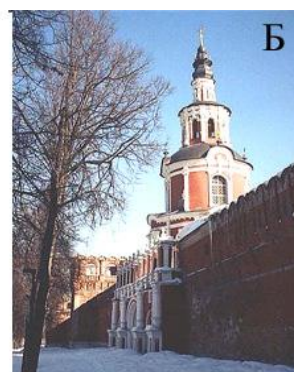
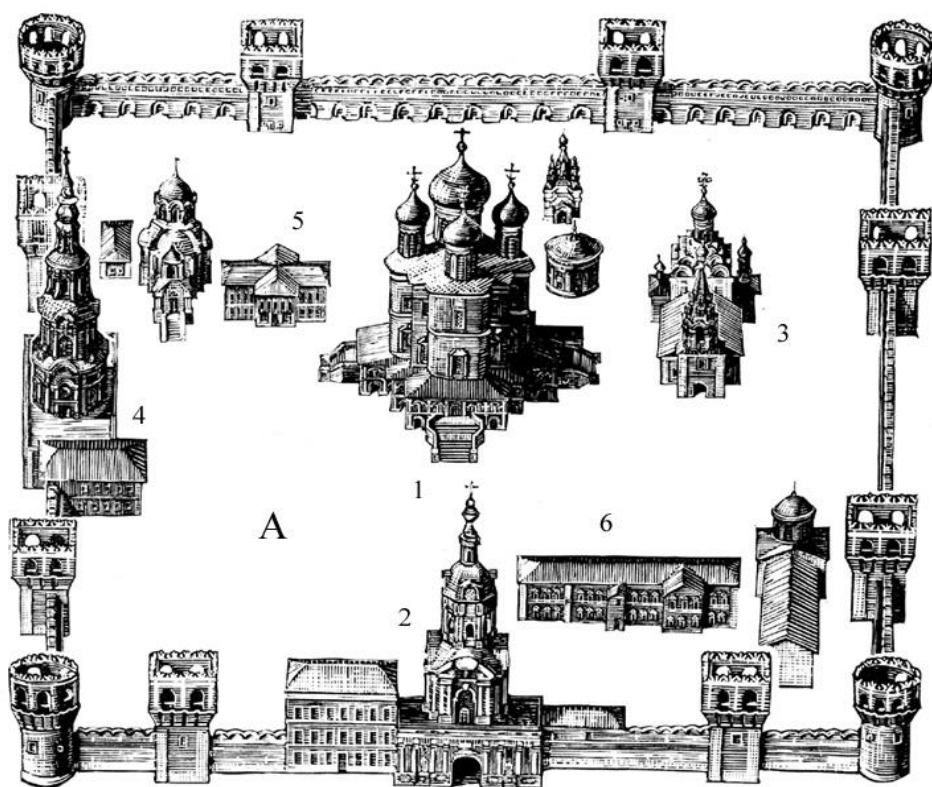

Рисунок 3.23 – Донской монастырь:

А – аксонометрическая схема: 1 – Большой собор; 2 – колокольня над западными воротами; 3 – Малый собор; 4 – северные ворота и Тихвинская надвратная церковь; 5 – настоятельский корпус; 6 – братский корпус;
 Б – колокольня над западными воротами; В – юго-западная башня; Г – северо-западная башня; Д – прямоугольная башня на западной стене

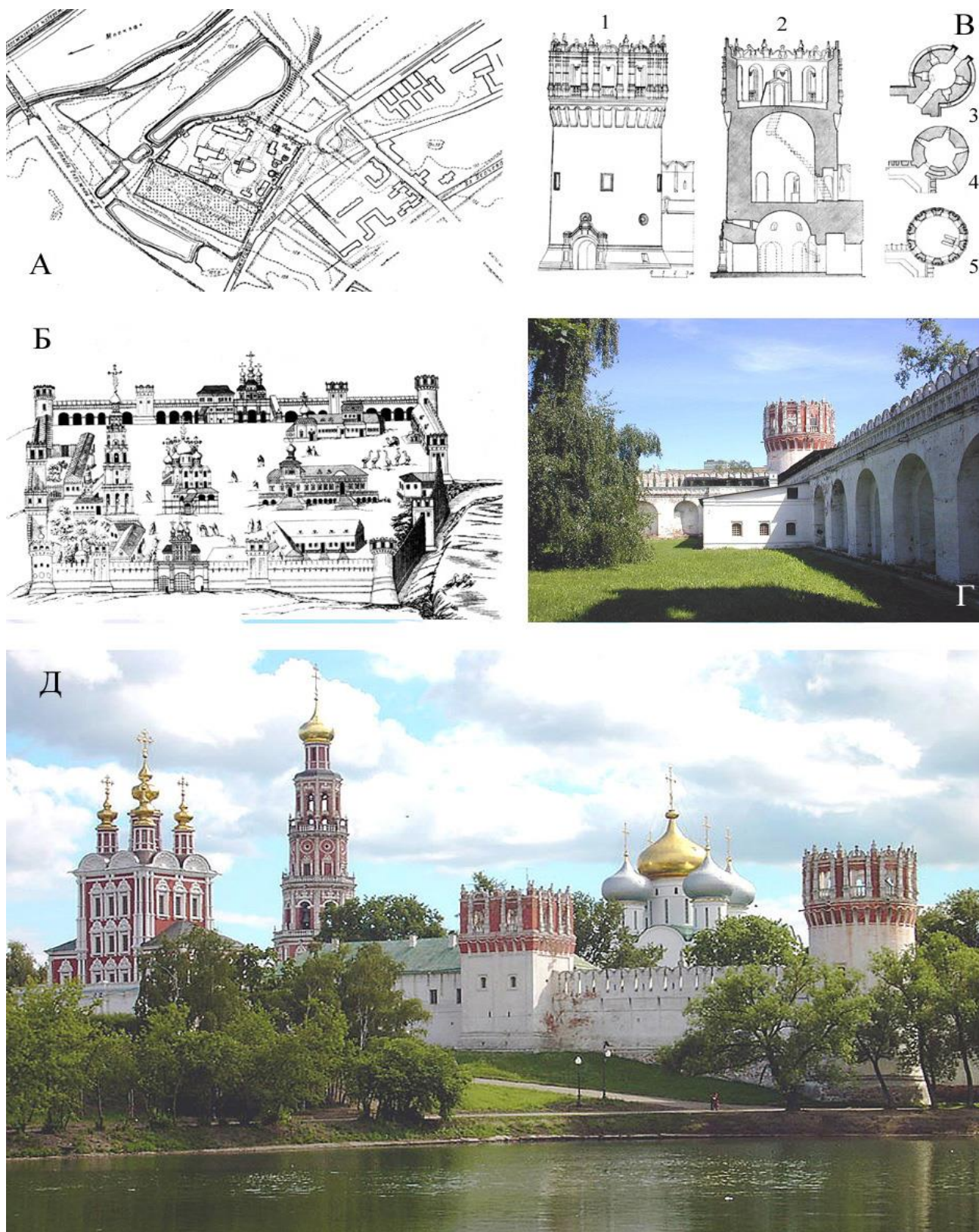

Рисунок 3.24 – Новодевичий Смоленской иконы Пречистой Богородицы женский монастырь:
 А – схема плана; Б – на гравюре неизвестного художника XVIII в.; В – Никольская башня:
 1 – фасад; 2 – разрез; планы первого (3), второго (4), третьего (5) уровней;
 Г – монастырская стена; Д – вид с северо-востока (Напрудная и Лопухинская башни)

4 ПРИРОДНО-РАСТИТЕЛЬНОЕ ОКРУЖЕНИЕ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ С АРХИТЕКТУРНЫМИ КОМПЛЕКСАМИ ПРАВОСЛАВНЫХ МОНАСТЫРЕЙ

4.1 Монастырские сады

В истории архитектуры зеленым насаждениям, организации садово-парковых пространств, планировке и выбору сортов древесно-кустарниковых пород, а также их сочетаемости с архитектурой комплексов православных монастырей отводилось весьма значительное место. Зеленые насаждения проектировались как составная часть объемно-пространственной композиции архитектурного комплекса, и ее создание велось одновременно с возведением основных построек. Высота зеленых насаждений, породы деревьев, рисунок растительного орнамента выбирались в зависимости от общей планировки композиции и композиции сооружений. Посадка зелени осуществлялась с учетом хорошей обзораемости архитектуры монастырских комплексов. Заранее спроектированная зелень, в дальнейшем поддерживаемая садовниками в ее первоначальном состоянии, активно работала на архитектуру сооружений, являясь действенным соразмерным элементом всего ансамбля (рисунок 4.1). На различных этапах жизни архитектурных комплексов православных монастырей менялась динамика и степень консолидации архитектуры с окружающей зеленью. Зеленые насаждения по-разному раскрывали сущность, лаконизм или же пластичность архитектурных форм, подчеркивали красоту сооружений, в то время как неудачно спроектированное и высаженное зеленое окружение со временем поглощало достоинства и величие архитектуры.

Из монастырских садов, располагавшихся еще в XVI веке за пределами монастырских стен, сведения сохранились по преимуществу о Кедровой роще Ярославского Толгского монастыря. Вот некоторые выписки из литературы о монастыре. «К юго-восточной стене монастырской ограды примыкает кедровый сад, обнесенный с трех сторон каменной же оградой, вышиною в 5 аршин, толщиной в аршин с четвертью... Вся садовая ограда с башнями имеет в окружности 220 сажен, а именно: 83 сажен с востока, 83 с запада и 54 с юга. Вся же ограда монастыря вместе с садовою имеет 550 сажен... Могучие вековые кедры Толгского сада – сибирской породы и в настоящее время значительно устарели. Время насаждения их неизвестно; преданием же относится к последней четверти XVI века, когда здесь игуменом был Феодосий, впоследствии архиепископ астраханский. Здесь на одном из кедров в особой часовенной пристройке помещается Толгская икона Божьей Матери. По преданию, на этом кедре найдена была чудотворная икона после бывшего в монастыре пожара... Для питания сада водою между кедрами, насажденными полуциркулем в аллею в два ряда, выкопан пруд длиною 145 и шириною 5 сажен... Запах цветущих растений и кедровой смолы наполняют воздух особенным здоровым ароматом». Сам тип монастырских садов с большими деревьями вне монастыря восходит, по-видимому, к священным языческим рощам. Д. С. Лихачев по этому поводу пишет: «Оправдывалось их существование тем, что в этих рощах являлись чудотворные иконы (обычно Божьей Матери): Толгской, Тихвинской, Сосновской и прочие, находимые на стволах деревьев. Нахождение иконы в языческой роще, по-видимому, было связано, со стремлением церковных властей христианизировать языческие поклонения в этих рощах».

Наибольший интерес, пожалуй, представляет Валаамский монастырь. На каменистых островах в довольно суровых климатических условиях, почти на голых скалах, покрытых тонким слоем малоплодородной почвы, мхами, болотами и мелколесьем, был создан уникальный, прекрасно приспособленный для нужд обители ландшафт. Да, речь идет именно о ландшафте, а не об отдельных садах. Освоение островов началось в XIII столетии еще при Великом Новгороде, когда здесь были высажены первые дубовые аллеи, огороды и плодовые сады. «...До наших дней сохранились главным образом посадки 1860–1900 гг. Среди которых аллея пихты сибирской (длиной 0,3 км), лиственничная аллея (0,55 км), кедровая роща, участки ясеня, лесного ореха, отдельные группы и экземпляры

каштана, клена. Сады при монастыре украшали редкие, акклиматизированные с большим трудом деревья – вечнозеленые туи, голубые ели, пихты бальзамические, цветущие кусты роз. Весь архипелаг с его архитектурными постройками можно рассматривать как своеобразный северный парк. Здесь архитектура и пейзажи слиты в единое и гармоническое целое. Благодаря редкому умению русских мастеров поставить сооружение так, чтобы оно смотрелось как часть окружающего ландшафта, подвести к нему дорогу с тонким учетом местного крайне живописного рельефа. Скиты и часовни монастыря ставились на наиболее заметных, возвышенных местах острова и как бы одухотворяли собой природу, дремучие леса, гладь Ладожского озера.

4.2 Монастырские сады, размещаемые внутри монастырской ограды, как символ рая

Корнями древнерусская садовая культура уходит в язычество. Разнообразные объекты природы несли культовое предназначение – как объекты поклонения и ритуальных игр. Ими нередко становились отдельные деревья, часто определялись целые священные рощи. Обычно природа в средневековье – и в Древней Руси, да и на Западе выступает как фон для сцен из человеческой жизни, портретов, изображений. В этом, очевидно, сказывалось представление о природе как о служанке человека, ее полезности для человека и о символическом значении отдельных явлений природы. Вместе с тем в Средние века природа выступает в литературе и фольклоре и как действующее начало: сочувствующее человеку или нечто символизирующее в его жизни и в отношении к нему Бога.

В Средние века религиозность пронизывала мировоззренческую систему. Бог как основная категория определял ее цельность и универсальность, выступая в качестве первопричины и сущности бытия, цели познания и критерия его истинности, меры ценности вещей и явлений действительности, нравственной сущности человеческого существа. Красота – это эманация Бога; теологическая концепция эстетически фиксируется в тезисе «красота как бытие». Среди реальных садов Древней Руси особенное значение имели монастырские сады. «Известно, например, что прибывшие из Греции монахи помогали в устройстве яблоневых, вишневых и других садов Киево-Печерской лавры». Лаврские сады располагались в широкой полосе залесенных холмов и лощин, на высоком правом берегу Днепра. Поскольку местность, отведенная под сады, отличалась пересеченным рельефом, то ее пришлось террасировать и обводнять.

В «Слове о погибели Русской земли» в кратком перечислении красот, которыми «украшено» была Русская земля, говорится о «виноградах обительных», под которыми, несомненно, следует иметь в виду монастырские сады. Сады в Свято-Троице-Сергиевой лавре упоминаются в Житии Никона – ученика Сергия Радонежского. Есть упоминания садов и в других Житиях святых. С XII века становятся известны сады при монастырях и княжеских дворах.

Говоря о монастырских садах, следует выделить три их совершенно разных типа: хозяйственные плодовые сады за стенами монастыря; те, что помещались в ограде монастыря и служили как бы образами рая; и те, что помещались чаще всего за монастырской оградой и связывались с представлениями о священных рощах. Монастырские сады, которые символизировали рай, отнюдь не имели утилитарного значения, но они обязательно должны были иметь «райские деревья» – яблони, затем цветы, по преимуществу душистые, и привлекать к себе птиц. Именно таким «обильным» во всех отношениях, действующим на все человеческие чувства и представляли себе в Древней Руси рай, в котором Бог, согласно книге Бытия, насадил «все деревья». Он должен был услаждать зрение, вкус (образ трапезы или съедобных плодов) и слух (пение птиц). Такое представление мы встречаем и на Западе. В образах райского сада, встречающихся в гимнографии, часто говорится о саде «огражденном». Это объясняется тем, что ограда ассоциировалась со спасением, с изолированностью от греха. Изгнание из рая Адама и Евы представлялось обычно как выдворение их за пределы райской ограды, лишение их спасения. Впрочем, если сад располагался внутри монастыря, то монастырские стены служили одновременно и оградой сада.

Внутренние сады обычно имели прямоугольную разбивку, часто с крестообразной схемой плана, что придавало им религиозно-символический смысл. О существовании на Руси садов внутри монастырских стен мы отчасти можем судить по условным изображениям монастырей на иконах. Следует только принять во внимание, что изображения монастырей на иконах появились относительно поздно – не ранее XV века. Отчасти мы можем судить о наличии монастырских садов по символическим

иконам, где также встречается изображение сада как символа рая, Богородицы и т. д. Упомянем некоторые из этих изображений (рисунок 4.2). Отметим следующие общие черты для всех русских изображений садов: сады находятся либо внутри монастырских оград, либо ограждены особыми красивыми стенами. Еще одна черта, характерная для этих «райских» садов, – ограда. Необходимость ограды подчеркивается в одном из названий сада – «виноград» и другом, синонимичном, – огород. Изображения садов в миниатюрах XVII века обычно представляют их с высокими оградами. Наряду с цветами в древнерусских садах существенное значение имеют плоды, птицы и звери. Наконец, отметим еще одну особенность изображений монастырей: они очень часто окружены рощами, горами и озерами. Это касается таких монастырей, как Нило-Столбенская пустынь, Кирилло-Белозерский монастырь, Спасо-Преображенский Соловецкий Ставропигальный монастырь и др. (рисунки 4.3–4.5).

Сады древних монастырей не дошли до нас в своем первоначальном виде. Тем не менее, об их строении можно предположительно судить по более поздним монастырским садам, где до сих пор частично сохранились кедровые и лиственничные рощи, аллеи, пруды, дороги, отдельные постройки, с большим искусством включенные в пейзаж. Начиная с XIV века, помимо устройства садов внутри монастырей огромное значение приобрел сам выбор местности для монастыря среди дикой, девственной природы. Этот выбор диктовался развившимися в XIV веке на Руси представлениями, что только первозданная природа безгреховна, упорядочена самим Богом, гармонирует со стремлением к совершенствованию монахов. У Григория Нисского, особенно популярного на Руси с XIV века, есть «Слово о первозданной красоте мира». Оно объясняет нам, почему ценилась в Древней Руси дикая, безгреховная природа, устроенная самим Богом без последующего вмешательства человека. Нетронутая природа знаменует собой порядок и благообразие, гармонирующее с подвижнической жизнью отшельника, желающего себя посвятить Богу. Поэтому монастыри ставились не только в красивой, но и в безлюдной местности. Поэтому же развивается скитническое монашество, строительство монастырей уходит все дальше и дальше в нетронутые рукой человека места на севере.

При таком отношении к окружающей монастырь природе естественно было не придавать особого значения саду внутри монастыря. Сады устраивались по преимуществу для утилитарного их использования. Раем была окружающая, не измененная греховным человеком природа. Идея внутримонастырского сада исчезла после основания в 1345 году Сергием Радонежским монастыря среди глухих боровых лесов на холме у речки Кончуры. При выборе места основным критерием стало то, чтобы именно ландшафтное окружение, а не сам монастырь, олицетворяли мир Бога, очищенный от всего греховного. Мир природы – это мир святости, уход из «человеческого мира» – это, прежде всего, уход от греха в богоустановленный порядок не испорченной грехом природы. Сама Свято Троице-Сергиева лавра, построенная первоначально в дикой местности, постепенно с ростом окружающего и своего собственного населения воспитывает церковных ревнителей, которые основывают все новые и новые монастыри. Жития русских святых – основателей монастырей, полны описаний выбора места для будущей обители среди дикой природы.

О внимании к природе, ландшафту мы можем судить по тому, как строились города, как выбиралось для них место, в каких местах ставились церкви и основывались монастыри. В Древней Руси ценили пейзаж и умели использовать его на пользу собору, монастырю, городу. Пораженный привольем и красотой Валдайского озера с его островами патриарх Никон решает осуществить здесь свою первую большую патриаршую постройку – Валдайский Иверский Свято-Озерский Богородицкий мужской монастырь (рисунок 4.6). «Бе бо велми любимо мне место сие, – писал он, – понеже красно зело. Аще кто неверовати сему хошет, да искусит вещью... Нигде же такова красна видех; аще бы кто искусом восхотел видете то святое место временно, мню яко никто не восхошет выйти их него вечно...». Таким образом, с развитием представлений о божественной мудрости мироустройства сам монастырь переместился в природу. И главной заботой строителей и устроителей монастырей стал выбор места для построения монастыря среди нетронутых человеком, а, следовательно, особенно «разумных» лесов, и т. д. Поддерживались эти представления и учением исихастов, стремлением к уединенной жизни и уединенной молитве, особенно в учении Нила Сорского. С XVI века начинается период вмешательства человека в окружающую природу: Пафнутий Боровский, Филипп Колычев на Соловках, Никон в Ферапонтовом монастыре и др. Это преобразование и освоение окружающей монастырь природы особенно распространяется в монастырях, так или иначе следующих религиозным концепциям Иосифа Волоцкого.

Несомненно, представляет интерес замысел создания Новоиерусалимского монастыря, основанного на берегу реки Истры под Москвой патриархом Никоном (рисунок 4.7). В 1656 году он избрал для

строительства монастыря левый берег реки Истры, имеющий вид гористого полуострова. Окрестности монастыря были частично преобразованы таким образом, чтобы напоминать топографию Древнего Иерусалима. Река Истра была переименована в Иордан, около Никоновского скита вырыли новый поток Кедрон. Два холма к западу от монастыря назвали Фавором и Ермоном, на восточном холме поставили часовню и назвали ее Елеонской, березовый лесок, посаженный за Истрой напротив одной из южных башен, получил название Уриинской рощи, роща на берегах потока Кедрон-Гефсиманского сада. Были вырыты колодцы на склонах горы, означающие «купель Силоамскую» и «кладез Самаритянки». Овраг с северо-западной стороны символизировал «Иосифатову долину», а с восточной – «юдоля плача» и т. д. Символические названия получили даже отдельные детали пейзажа. Берега реки, отдельные деревья, камни, вершины холмов, окружавших монастырь, в течение долгих лет служили объектами поклонения.

Следует отметить, что в течение всего русского средневековья монастырская и хозяйственная деятельность была в определенной мере экологической по характеру, ее основой был молитвенный труд. В поучительном слове главы Русской церкви митрополита Даниила в начале XVI века благоговейное созерцание природного мира почиталось как истинное «богомудрие», неизменно связанное с человеческим трудом, призванным продолжить акт творения. Такое «сотворчество» не могло нарушить замысла Божия о мире, оно было чуждо средневековой западной «миробоязни» или иной крайности – ренессансного пафоса «овладения природой». В своей преобразовательной деятельности православный монах шел от монастырского храма – этого зримого центра окружающего мира и его рукотворного завершения – в окрестный природный храм. Митрополит Даниил призывал: «И аще хошеши прохладитися, изыди на предверие храмины твоея и виждь небо, солнце, луну, звезды, облака ови высоци, ови же нижайше, и в сих прохладжайся, смотря их доброту, и прослави тех творца Христа Бога. Ибо есть истинное любомудрие». И далее: «...обойди кругом храмины твоея, ище же и другую и прочаа, такоте и двор твой, и аще что разсыпая, или пасти ся хошетъ създай, ветхаа поновляй, неутвержденнаа укрепи, прах и гной згребай вместо, да ти к плодоносию вещь угодна будет».

Труды молитвенные и телесные не разделялись, духовное соединилось с вещественным в деле каждодневного, непрерывного мироустроения. Область деятельности все дальше распространялась «по округе». За пределами своей обители человек постепенно оказывался в нерукотворном мире и возвращался к молитве, чтобы вслед за тем продолжить ее трудом: «Аще не досстало ти есть, изыди на поле сель твоих, и виждь нивы твоя, умножающе плоды ово пшеницею, ово ячмень и прочаа, и траву зеленеющуюся, и цветы красныя, горы же и холми, и удолия, и озера, и источники, и реки, и сими прохладжайся, и прославляй Бога, иже тебе ради вся сна сътворшаго» – пишет митрополит Даниил. Вначале благоустройство окружающей природы носит художественно-утилитарный характер (эстетический момент, как мы уже замечали, неотделим от утилитарного момента: строительство плотин, садков для рыбы, каналов, устройство огородов и фруктовых садов и пр.). Но при Никоне в XVII веке появляются устройства чисто эстетические и символические: в Ферапонтовом монастыре на Бородаевском озере Никон строит остров в форме креста – как бы христианизировать природу, не удовлетворяясь теми символами и поучениями человеку, которые природа, согласно «физиологу» и другим древнерусским «природоведческим» сочинениям, естественно содержит ему в назидание.

Только в XVI веке с развитием огромных общежительных монастырей вновь возродилась идея внутри монастырского сада, но нет никаких указаний на то, что внутримонастырские сады больших общежительных монастырей понимались в символической системе, сходной с символической системой средневековых монастырских садов Запада. Многие монастыри буквально утопали в садах. Посетивший Киев в середине XVII века антиохийский патриарх Макарий был поражен обилием цветов, плодовых деревьев, виноградных лоз и т. п. Очевидно, садоводам уже в те времена было знакомо «топиарное» искусство художественной стрижки растений. Павел Алепский, сопровождавший Макария в этом путешествии, с восторгом описывает высокую решетчатую арку с куполом, «сплетенную из тонких ветвей изнутри и снаружи». Внутри ее было высажено какое-то растение с зелеными ветками и многочисленными шипами, похожее на желтый жасмин: «Поднимаясь из земли, оно проникает в это удивительное произведение и напоминает решетку. Всякую веточку, как только она выступит из решетки, обрезают ножницами. Из того же растения сделаны изгороди-питомники, которые «образуют в ширину как бы стену». Это свидетельство интересно тем, что подтверждает предположение о том, что многие плодовые и огородные растения ценились, прежде всего, из-за их красоты.

Однако между монастырскими садами Древней Руси и западно-европейскими монастырскими садами были и различия. Первое и несомненное заключалось в том, что в русских монастырских садах символической «оградой рая» служили монастырские стены. Не только сад, но и весь монастырь был, таким образом, символом рая. Монастырские стены не только служили оборонным целям, но и символизировали собой райскую замкнутость монастырской жизни в самой себе. Поэтому все, что было в пределах монастырской ограды, было раем. Особую роль в русских монастырях играла соборная площадь, которая и украшалась деревьями (по преимуществу райскими яблонями и, где это оказывалось, возможно, виноградом). В западно-европейских же монастырях, сады устраивались в окружении монастырских строений, в клуатрах, отчасти под влиянием римских атриумов. Второе отличие западно-европейских монастырских садов от древнерусских монастырских садов заключалось в том, что для монастырских садов Запада, обязательными были розы. Роза – католический символ Богородицы. Сад был также символом Богородицы. Как было уже сказано, культ розы как Богородицы начался со времени крестовых походов, когда рыцари, возвращаясь домой с Востока, приносили с собою розы. Но поскольку Россия не участвовала в крестовых походах, в русских садах, по свидетельству иностранцев, даже в XVI веке роза отсутствовала. Имелась лишь дикая роза – шиповник. Символом Богородицы (среди многих других) в Древней Руси была белая лилия. Третье отличие заключалось в следующем. В западно-европейских садах довольно часто устраивался лабиринт. Нет никаких указаний на то, что лабиринты были известны на Руси до XVII века, тем более что некоторые из богословских образов этих лабиринтов на Руси вообще отсутствовали (например, крестный путь Христа).

Сегодня, анализируя состояние зеленого, ландшафтного окружения комплексов монастырей и степень их доступности обзору, приходится констатировать отрицательное влияние произвольно растущей зелени на восприятие архитектурных сооружений. Проблема появилась, в том числе, и оттого, что в течение многих предшествовавших десятилетий зелень вокруг монастырских комплексов произрастала произвольно и регулированием посадок никто не занимался. Из друзей архитектуры растительность превращается в ее врага. Скрываются не только архитектурные достоинства зданий, но часто закрытыми для обзора и эмоционального воздействия на человека оказываются фасады, а то и все строения.

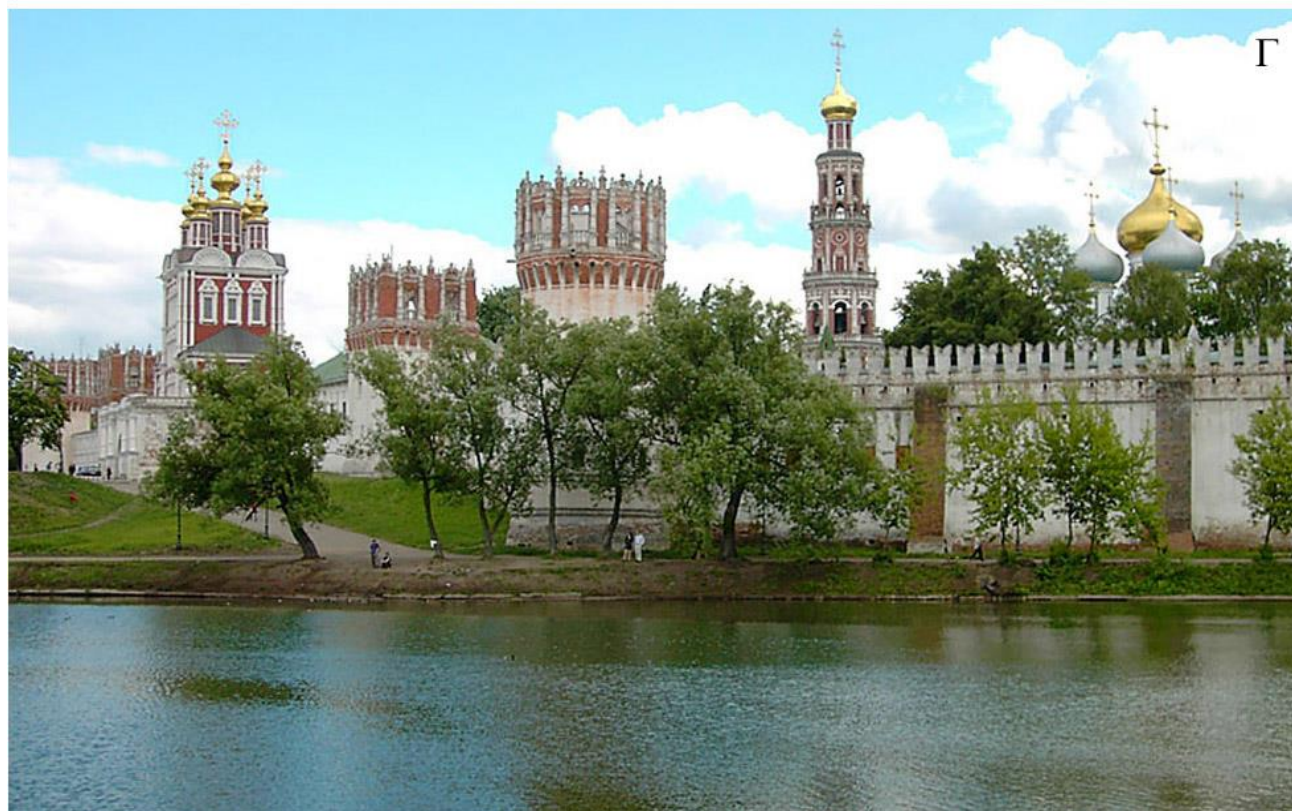
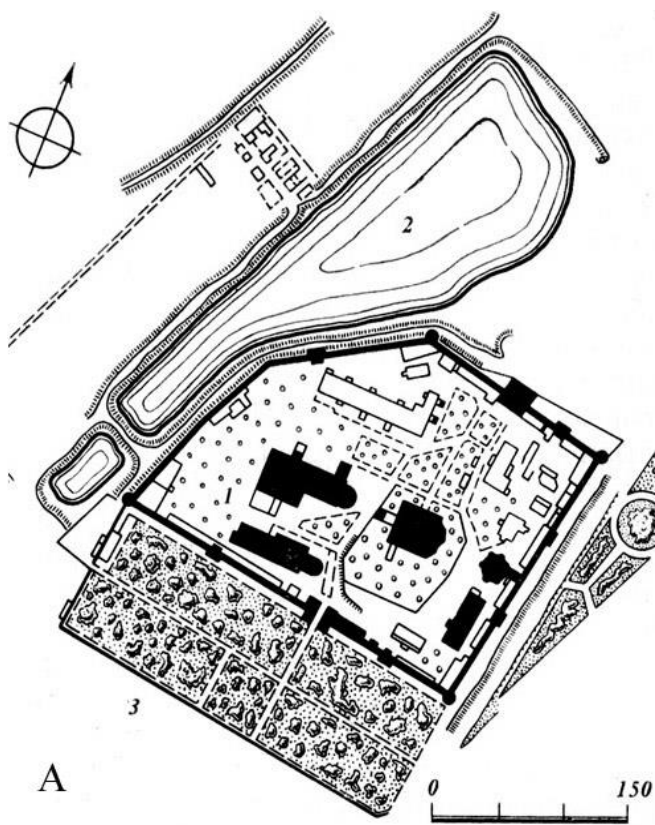

Рисунок 4.1 – Новодевичий Смоленской иконы Пречистой Богородицы монастырь: А – схема монастыря: 1 – территория монастыря; 2 – Новодевичье кладбище; 3 – пруд; Б – южные ворота с Покровской надвратной церковью; В – внутримонастырский сад; Г – вид со стороны пруда

Рисунок 4.2 – Иконографические изображения монастырских садов:
 А – остатки планировки внутримонастырского сада; Б – условное изображение древнерусского монастырского сада; В – изображение Борисоглебского монастыря (гравюра XVIII века)

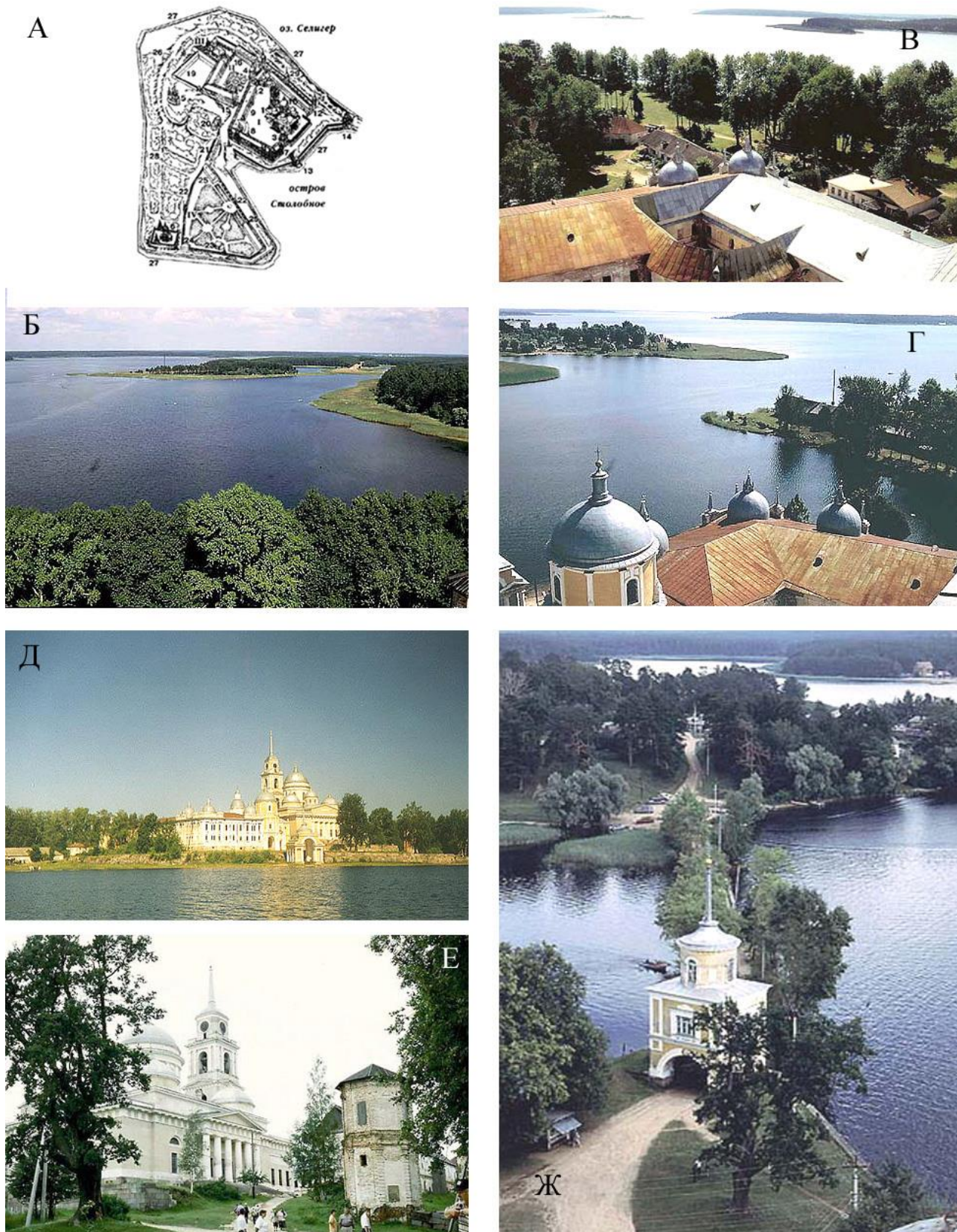

Рисунок 4.3 – Нило-Столбенская пустынь:

А – схема монастыря на острове Столбенное; Б – вид с колокольни на север; В – вид с колокольни на запад; Г – вид с колокольни на юг; Д – вид с востока; Е – Богоявленский собор; Ж – вид на Светлицкую башню

Рисунок 4.4 – Кирилло-Белозерский монастырь и его природное окружение:
А – утро на Сиверском озере; Б, В – монастырский дворик с церковью Епифания;
Г – у стен монастыря; Д – сенокос в Малом Ивановском монастыре; Е – общий вид монастыря

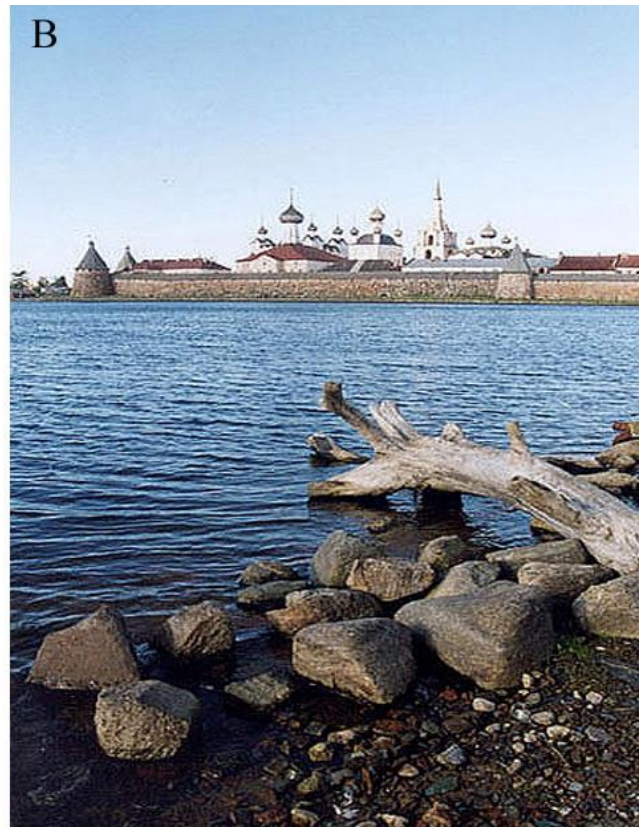

Рисунок 4.5 – Спасо-Преображенский Соловецкий Ставропигальный мужской монастырь:
А – вид с берега Святого озера; Б – вид с бухты Благополучия; В – вид на монастырь с северо-востока;
Г – панорама монастыря со стороны Белого моря

Рисунок 4.6 – Валдайский Иверский Свято-Озерский Богородицкий мужской монастырь:
А – вид с птичьего полета; Б – вид со стороны Валдайского озера; В – дорога к монастырю;
Г – вид с северо-запада

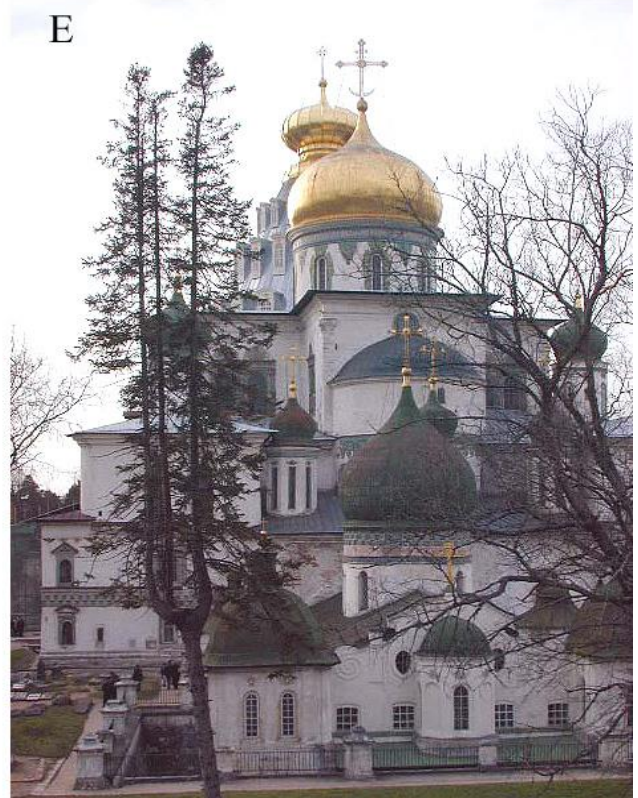
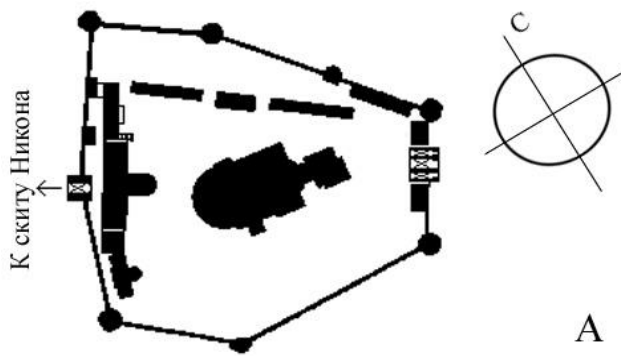

Рисунок 4.7 – Воскресенский Новоиерусалимский монастырь:
 А – схема монастыря; Б – вид на башню «Давидов дом»; В – река Истра; Г – дорога к скиту Никона;
 Д – крепостная стена; Е – Воскресенский собор

5 МОНАСТЫРСКИЕ КОМПЛЕКСЫ И ИХ РОЛЬ В ПЛАНИРОВОЧНОЙ СТРУКТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА

5.1 Православные монастыри и древнерусские города в эпоху Московского государства

Древнерусское градостроительство, равно как и градостроительство на территории Беларуси, до сих пор является одним из наименее освещенных этапов развития зодчества. С архитектурным ансамблем городов теснейшим образом связана планировка православных монастырей, в своей архитектурной композиции отражавших то, что осуществлялось в городах, и сохранившихся до наших дней лучше других памятников древнерусского градостроительства.

Вся история архитектуры Руси и Беларуси служит свидетельством того, что наши зодчие глубоко понимали основные закономерности построения объемно-пространственных композиций и были выдающимися мастерами ансамбля, в области которого они достигли блестящих успехов и создали множество подлинных шедевров, занимающих почетное место в сокровищнице мировой художественной культуры. Вот почему большинство городов Древней Руси и Беларуси вплоть до наших дней сохраняет прекрасные ансамбли прошлого.

Размещение ансамблей православных монастырей было подчинено традиционным для средневекового градостроительства композиционным приемам. Следуя этим приемам, древние зодчие всегда придавали исключительно важное значение оформлению главных подступов к монастырям, размещая монастырские комплексы близ основных речных путей и сухопутных дорог. Кроме того, для их размещения они всегда выбирали возвышенные и наиболее красивые места природного ландшафта, что обеспечивало наилучшую видимость архитектурных композиций и выразительность общих перспектив. Для монастыря избиралось место «лепообразное» или «зело красное». Распространенные книжные эпитеты нельзя считать лишь признаками определенного литературного стиля, они отражали несомненные архитектурные вкусы эпохи: монастырь должен был увенчивать собою природный ландшафт и быть неотрывным от окружающего живого пространства. Традиционно понятие «архитектурный ансамбль» не выходило, как правило, за пределы комплексного рассмотрения уникальных по своим архитектурно-художественным качествам построек.

Великий Устюг. Каждого путешественника, подъезжавшего к Великому Устюгу речным путем, встречала торжественная цепь приходских церквей, расположенных вдоль Сухоны и Двины и оформлявших эту важнейшую водную магистраль северного края. В. П. Шильниковская пишет: «...Решающее экономическое и политическое значение имело открытие Северного морского пути, который позволял установить прочные торговые и дипломатические связи России со странами Западной Европы. Путь этот прошел вокруг Скандинавского полуострова в Белое море, а оттуда – по Северной Двине и Сухоне, через Устюг до Вологды. Таким образом, древняя водная артерия Северного края – Сухоно-Двинская магистраль с середины XVI в. превратилась в основную дорогу из Западной Европы в Россию...» Подступы к городу Великий Устюг фланкировали два монастырских ансамбля: Троице-Гледенский с юга и Яиковский Филипповский с северо-запада. Эти монастыри, основанные на противоположных берегах реки Сухоны, располагались примерно на равных расстояниях от центра города. В художественном отношении они играли роль своеобразных пропилей. При этом Троице-Гледенский монастырь служил основным ориентиром для подъезжающих к Великому Устюгу снизу по Двине, тогда как Яиковский монастырь первым встречал путешественников, следовавших сверху по Сухоне. На подступах к Устюгу эти узловые комплексы отмечали два основных крутых изгиба речного пути, откуда взгляду открывались наиболее выигрышные видовые точки сразу на весь ансамбль города во всем величии и многообразии его форм (рисунок 5.1). Важную роль в архитектурно-художественном облике города играли также комплексы, размещенные вдоль верхней сухопутной дороги, связавшей Устюг с Архангельском и Красноборском. Все эти ансамбли, начиная от живописной загородной усадьбы устюжских епископов села Богородского и

кончая древним Иоанно-Предтеченским монастырем, располагались на возвышенной бровке Красной горы и, играя роль второго плана общей панорамы города, придавали ей особую глубину и живописность.

Вологда расположена в равнинной местности на двух берегах реки Вологда, которая образует в этом месте широкий зигзаг (рисунок 5.2). На правом берегу реки зародился в XII веке древний центр города. Уже к концу XVII века в Вологде было построено около 60 храмов, из них более 10 каменных. Разрослись торговые зоны в Нижнем и Среднем посадах, появились подворья монастырей. Сами монастырские ансамбли стали играть немалую роль в архитектурной композиции города. Таковы Святодухов, Ильинский, Успенский и Власьевский монастыри. На подходе к городу с севера вырос один из выдающихся ансамблей русского Севера – Спасо-Прилуцкий монастырь от которого Вологда была уже великолепно видна, служил на пути от Кирилло-Белозерского монастыря своеобразным зачином для раскрытия композиции города.

Ярославль – один из крупнейших торгово-ремесленных центров Руси на Волге. Во второй половине XVII века он уступал по богатству и величине лишь одной Москве. Территория города в XVI–XVII вв. резко увеличилась, в его структуре особую роль приобрели посад и окружавшие его слободы. Развитие города шло концентрически, на основе сложившейся ранее планировочной системы мысового типа, главным образом в направлении освоения «вспольных» территорий между Волгой и Которослью. Наряду с этим в XVI–XVII вв. осваивались земли за Которослью, где получили развитие крупные городские слободы – Коровницкая, Ямская, Шилово и др. Древнейшая часть – Рубленый город, оставаясь центром композиции, стал уступать постепенно ведущую роль в общегородской структуре обширному укрепленному посаду и примыкающему к нему в юго-западной части Спасскому монастырю – наиболее укрепленной и представительной части города на рубеже XVI–XVII вв. Спасский монастырь расположен непосредственно у стен посада в створе Московской дороги (рисунок 5.3) Собственно городской посад возник в треугольнике территории между кремлем, Спасским монастырем и Петровским монастырями, прикрывавшим город с севера (рисунок 5.4). После сооружения в 1550–1580 гг. каменных стен и башен Спасский монастырь стал одной из сильнейших крепостей Поволжья, которая выдержала в 1609 году осаду польско-литовских войск (рисунок 5.5). В монастыре стоял стрелецкий гарнизон, а в период сбора народного ополчения он являлся штаб-квартирой Минина и Пожарского. В дальнейшем монастырь продолжал укрепляться: наиболее важным мероприятием в этом направлении была коренная перестройка оборонительных сооружений в 1621–1646 гг., которые в значительной части сохранились до наших дней. Этот пример показывает, что хотя кремль Ярославля в XVII веке оставался центром города, его укреплению не придавали большого значения. И функции кремля, как фортификационного, оборонительного сооружения в данном случае были возложены на Спасский монастырь.

Кострома. Вторым по значению городом Верхнего Поволжья в XVI–XVII вв. стала Кострома (рисунок 5.7). Своеобразна была речная панорама Костромы. Это одна из редких для русского средневековья «открытых панорам», так как большинство городов Руси в это время встречало путешественников по реке линиями обороны – стенами и укрепленными монастырями – сторожами. Не имеющий крупных ограждений посад Костромы, освоивший к тому же все террасы прибрежной зоны, ярусами раскрывался на встречу широкому волжскому пути. На верхней террасе рельефа над жилой застройкой возвышалась крепость Нового города. К северу от Нового города четыре монастыря (Воскресенский, Спас-Подвязный и Богоявленский) сливались при взгляде с реки в единую пространственную систему со своей глубиной перспективы и ярусностью построения из-за различного удаления монастырей от берега. Крупный монастырский ансамбль, имевший каменные стены и башни, а также большой каменный собор – Богоявленский, дальше всего был отодвинут от реки, а другой крупный монастырь – Ипатьевский стоял, наоборот, на самом берегу Волги у впадения в нее Костромы. Впечатление слитности этого самого удаленного монастыря с городом усиливалось тем, что около него была расположена большая подмонастырняя Богословская слобода с храмом Иоанна Богослова.

Таким образом, кроме Нового города в панораме Костромы выделялись три узловых ансамбля – Ипатьевский монастырь (рисунок 5.6), ансамбль Богоявленского монастыря и, наконец, главный культовый центр, сформировавшийся в кремле. Несмотря на своеобразие каждого из них, есть и общие черты, подчеркивающие их градостроительную характеристику. Это, прежде всего, их крепостной характер, а также сходство в архитектуре главных соборов: Успенский собор кремля, Богоявленский и Троицкий монастырские соборы имели монументальный кубический объем,

увенчанный крупномасштабным пятиглавием. Объединяла их также ярусность построения: объем храма с трех сторон окружали галерея и придельный храм. Все три монастыря образовывали важнейшие композиционные узлы и в целом создавали динамическое равновесие.

Тверь. Не все верхневолжские города в XVI–XVII вв. одинаково быстро развивались. В частности, древняя Тверь не смогла столь быстро оправиться после Смутного времени, как Ярославль или Кострома. Планировка города сложилась, видимо, во всем объеме уже в XV веке. На реконструированном плане ясно видно, что наиболее значительные постройки города располагаются преимущественно по берегам рек, особенно Волги (рисунок 5.8). Вверх по Тьмаке у самой границы острога раскрывался интересный архитектурно-ландшафтный комплекс. В излучине резко поворачивающей Тьмаки вплотную к посадскому валу стоял Афанасьевский монастырь с двумя храмами и шатровой колокольней, а на крутом берегу за рекой возвышались сооружения двух рядом расположенных монастырей – Трехсвятительского и Святых Отец. При взгляде от городского центра монастыри составляли живописную многоплановую картину. От Трехсвятительского монастыря вниз по реке открывалась панорама городского центра, а вверх по реке – вид на следующий приречный ансамбль Христорождественского и Никитского монастырей. Эти два монастыря, как и Трехсвятительский с Афанасьевским, составляли единую систему, располагаясь на противоположных берегах Тьмаки. Большой, с каменными сооружениями Христорождественский монастырь стоял на высоком берегу, а маленький Никитский – на противоположном, низком. Городская крепость и упомянутые две монастырские группы образовали цепочку сложных и разнообразных, зрительно взаимосвязанных приречных ансамблей.

На противоположном берегу Волги в цепочке скромных деревянных храмов – каменный Отроч монастырь. Расположенный напротив края Загородского посада, он не составлял единого ансамбля с крепостью. Такая удаленность от главного городского ансамбля придавала обособленность всему возглавляемому им поселению, которое представлялось как бы отдельным городом, возникшим вблизи Твери. В то же время доминанты обоих берегов составляли единую цепь взаимосвязанных композиционных центров.

Муром. На примере Мурома можно проследить роль, которую монастыри играли в облике города и его структуре (рисунок 5.9). Уже к середине XVI века каменные постройки играли большую роль. По-видимому, в это время в Кремле был возведен каменный трехглавый Богородице-Рождественский собор, не сохранившийся до нашего времени. В те же годы за торгом на месте Старого городища был построен каменный Благовещенский храм, а на самом берегу Оки сооружена шатровая Косьмодемьянская церковь. В древнем Спасском монастыре, расположенном на южной окраине города на берегу Реки, тогда же был возведен каменный Преображенский собор – пятиглавый, как и главный кремлевский храм. Этот ряд основных церквей подчеркнул ведущее направление городской застройки вдоль берега Оки. С расширением территории города развивались улицы радиального направления, сходящиеся к торгу и Благовещенской церкви. Этот центр в середине XVII века усиливается строительством рядом с торгом Троицкого монастыря, в соседстве с которым практически заново отстраивается Благовещенский монастырь. Кремль вместе с двумя монастырями и приходскими церквями у торгового пространства образует пространственно развитый центр, в котором суровая простота крепости и ее главного храма контрастировала с богатой пластикой и живописным узором построек монастырских ансамблей.

О панораме центра Мурома со стороны Оки дает представление реконструкция М. П. Кудрявцева (рисунок 5.10). Путнику, проезжавшему мимо города по реке, уже издали открывалась широкая панорама. «Линейная» система церквей, выходящих к Оке, пространственно взаимодействовала с кремлем и монастырскими ансамблями. На переднем плане возвышались Воскресенская, Введенская, Николо-Набережная церкви и кремль с Богородице-Рождественским собором (рисунок 5.11). Неподалеку от пристани стояли небольшие здания Косьмодемьянской церкви и расположенный на горе Спасский монастырь. В сочетании с находящимися в глубине города, но также видимыми с реки Благовещенским и Троицким монастырями подчеркивали богатство и выразительность силуэта города, сочетавшего в себе живописность и многообразие форм с закономерно последовательной их группировкой в отдельные ансамбли и композиционно связанные между собой большие пространственные системы и городские комплексы.

Гороховец на реке Клязьме – древний город, основанный Владимиром Мономахом как порубежная крепость на границе Суздальской и Муромской земель (рисунок 5.12). Укрепленное ядро Гороховца занимало высокую гору, под которой до Клязьмы тянулся невысокий коренной берег – подол.

Гороховецкий «город», судя по всему, был лишь небольшим кромом – «осадным городом». Из переписи известно, что в валах города находился Никольский храм. В 1619 году закончилась история Гороховца как города-крепости. Сгоревшие деревянные укрепления города не восстанавливались, а на месте старого городского Никольского собора был основан в 1644 году Никольский монастырь. Возникли и еще два новых монастыря – основанный в 1658 году Сретенский на краю посада и Знаменский за рекой на Красной гриве в 1670. Весь город раскрывался на широкую долину Клязьмы. Главенствующую роль в городской панораме занимает поднятый над городом ансамбль Никольского монастыря. Таким образом, монастырь в композиции города «восполнил» отсутствующую крепость (рисунок 5.13).

5.2 Монастыри в городах западной части Московского государства

Важным слагаемым в картине древнерусского города были пригородные монастыри. Они размещались чаще всего на берегу омывающей город реки на расстоянии 1–2 км от него (И. Красовский отмечает расстояние в 2 км, как наиболее характерное, и приводит в качестве примеров Печерский монастырь Киева, Антониев – Новгорода, Даниловский, Андроньевский и другие дальние монастыри ранней Москвы). К ним можно добавить Бельчицкий и Евфросиньевский монастыри Полоцка, Михаило-Архангельский в Твери. Но в то же время Смядынский монастырь находился в 3 км от Смоленска, а Покровский и Евфимиевский в 600–900 м от острога Суздаля. Интересно отметить, что чаще всего монастыри возникали вниз по течению реки (Печерский и Выдубицкий в Киеве, Смядынский в Смоленске, Покровский и Евфимиевский в Суздале, Архангельский в Твери, Елецкий и Болдинский в Чернигове и др). Во многих крупных городах монастыри возникали как вниз, так и вверх по реке, а также на притоках основной реки. Два крупных монастыря служат форпостами Новгорода на Волхове, Печерский и Благовещенский монастыри фланкируют Нижний Новгород по береговой линии Оки и Волги, в Смоленске Смядынский монастырь к XIII веку дополнился Кловским вниз по Днепру и Протокским – вверх. На притоках встали монастыри в Полоцке, Твери, Москве.

Монастыри, как и пригородные усадьбы, создавали прерывистую, дифференцированную ткань архитектурно освоенных территорий городского поселения. Причем, если наличие пригородных монастырей характерно для всего периода развития русских городов до конца XVII века, то княжеские резиденции рассмотренного типа – особенность более раннего периода, связанная с характером взаимоотношений города и князя в XI–XIII вв. В этот же ранний период существовала, видимо, группа городов, посад которых также отличался значительной пространственной расчлененностью, поскольку крепость возникала как общий центр нескольких первоначальных поселений, о чем говорилось выше.

В градостроительном отношении роль культовых зданий в городах XVI–XVII вв. продолжала оставаться доминирующей. Они, прежде всего, определяли образ города, характер его панорамы. Силуэт древнерусских городов формировался, в основном, сочетанием главных культовых построек и башен городских стен. Если гражданское сооружение выделялось по силуэту, то оно чаще всего приобретало черты, сближавшие его с культовыми сооружениями: большую высоту, ярусность, столпообразность, кубоватое и бочковое («главоподобное») или шатровое покрытие. Это касалось дворцов, деловых дворов, подворий и крепостных башен. В Московском государстве получила развитие традиция увенчивать храмами важнейшие сооружения города – воротные крепостные башни, врата монастырей, здания подворий, приказов, гостиных дворов. Появляются многочисленные дворцовые и домовые церкви. Соответственно своему назначению культовые здания располагались в основных узлах городской структуры, в центрах слобод, сотен, приходов, вдоль улиц. Будучи в своем большинстве выше жилой застройки и активнее ее по формам, они выделялись на общем фоне массовой застройки. Различные по функциям культовые постройки отличались многообразием форм, величиной и значением в городской композиции. Соборы – главные культовые центры, особенно выделявшиеся, как правило, масштабом, – обычно строились, как и ранее, в центре города и в монастырях.

Городские и монастырские соборы, особенно в XV–XVI вв. часто были деревянными. Размеры каменных соборов могли колебаться в достаточно широких пределах, от небольших одноглавых, выстроенных в XV и в предыдущем XIV веке, до крупных многоглавых соборов XVI–XVII вв. Следует при этом отметить, что даже сравнительно небольшие каменные соборы оказывались часто

более сильным композиционным акцентом, чем более крупные деревянные. Это было связано с эффектом цветового контраста, выделявшего каменные, имеющие зачастую наружные росписи и золоченые детали, сооружения, а также с тем, что каменные соборы массивнее, а их завершения – барабаны, главы – много шире, чем у деревянных. Это повышало визуальную и композиционную значимость каменных соборов.

И все же самыми развитыми по структуре и многообразными по величине и назначению культовыми комплексами были монастыри. От небольшой общины в 3–4 человека при любом храме до огромных ансамблей, служивших центрами городов, – вот диапазон роли и значения монастырей, раскрытию градостроительного значения которых посвящен следующий подраздел.

Можайск. Город Можайск расположен на холмистой местности по берегам реки Мжаи, некогда полноводной реки. В панораме Можайска выделяются два композиционных центра: возвышающийся над застройкой кремль был «поддержан» другим крупным комплексом – Лужецким монастырем (рисунок 5.14). Два композиционных узла города выделялись как местоположением, так и развитостью ансамблей: кремль с каменным Никольским собором и тремя деревянными храмами и Лужецкий монастырь. В Лужецком монастыре были каменный Рождественский собор и колокольня. В XVII веке появилась каменная ограда с воротами и надвратной церковью. Ансамбль Можайского кремля, поднятый на высокий холм, названный позднее Соборной горой, господствовал над поймой реки Мжаи, а Лужецкий монастырь, расположившись на еще более высокой Брыкиной горе, «сторожил» долину реки Москвы (рисунок 5.15).

Орша. Архитектура городов белорусского Поднепровья складывалась в тесной взаимосвязи с русской градостроительной культурой. Продолжение и своеобразное преломление древнерусских традиций – характерная особенность этих городов. В истории архитектурного развития Орши отразились типичные черты композиционного и идейно-образного становления городов этого региона – черты, которые и поныне живут в облике многих средних и малых городов восточной Беларуси. Орша была основана в XI веке при полоцком князе Всеславе Брягиславиче. Под названием – Рша она известна с 1067 года по «Повести временных лет». На обладание Оршей претендовали Полоцкое и Смоленское княжества (рисунок 5.16). Позднее город вошел в состав выделившегося из Полоцкой земли Витебского княжества, сохранившего свою самостоятельность до 1320 года, когда после смерти Ярослава Васильевича, не имевшего прямых наследников, Витебское княжество перешло к его зятю Ольгерду Гедеминовичу. Орша стала одним из приграничных городов Великого княжества Литовского.

На мысу при впадении речки Оршицы в Днепр был возведен деревянный детинец, который при князе Ольгерде был перестроен: площадь укрепленного города была увеличена с 0,57 до 3,15 га. Здесь, у стен крепости, располагалась торговая площадь города. К торгу вела лучевая система улиц Надднепровского посада. После XIV века сформировался посад на левом берегу Днепра, в Заднепровье, с прямоугольно-линейной системой улиц. Кроме того, в трех верстах от города, вниз по течению Днепра, в устье реки Кутейны, образовалась монастырская слобода при основанном в 1592 году Оршанском православном братстве: Кутейнском мужском и женском монастырях. Таким образом, планировочная композиция Орши на рубеже XVI–XVII вв. была по типологии близка русскому феодальному городу.

Сильное западно-европейское влияние на городское строительство в верхнем Поднепровье начало сказываться в 70-е годы XVI века, после окончательного установления русско-польских границ, и было связано с переходом экономической и политической власти к польским магнатам. Влияние новой социальной структуры с ее функциональным содержанием на планировочную структуру и ландшафтно-пластическую основу русского по природе города определило своеобразие Орши и целого ряда, древних восточно-белорусских городов, прошедших аналогичный путь эволюционных архитектурных преобразований. Г. Я. Мокеев по признаку сохранения некоторых композиционных особенностей древнерусского города в иконографии планов поднепровских городов, сложившихся к 70-м годам XVII века, выделяет их в особую промежуточную группу. Древнерусское начало города: единство иррегулярной системы улиц живописного плана с иерархией высотных акцентов приходских церквей, башен замка и городского собора сменилось контрастным противопоставлением старой планировочной структуры и застройки с произвольно расположенными, возвышающимися над городом монастырями-крепостями, окруженными стенами по периметру обширных дворов.

5.3 Градообразующий характер православных монастырей

Длительное время в наших учебниках географии ставился едва ли не знак равенства между понятиями «город» и «промышленный центр». Между тем промышленное и городское развитие не всегда тождественны. Есть города, где закрылись или впали в летаргию ведущие заводы, но которые остаются городами, причем некоторые не только не потеряли население, но и немного подросли. Это заставляет задуматься о том, что формирование городов не всегда было, и не всегда будет определяться промышленными предприятиями. Заставляет задуматься о том, как появились на свет Божий разные города, что дало им жизнь, что жизнь в них поддерживает, что определяет их специфику – их наиболее значимые отличия от других городов. В этом подразделе мы обратим внимание на небольшую группу городов, имеющих особое происхождение. Речь пойдет о тех городах, что появились из объектов, которые вроде бы изначально стремились уйти от мирской суеты, искали уединения, изолировались от связей. Речь пойдет о городах, выросших вокруг монастырей или на их месте.

Из приведенных выше примеров видно, что православные монастыри и резиденции высшего духовенства играли важную роль в структуре городов. А в некоторых случаях они становились определяющими градообразующими факторами. Это, в первую очередь, относится к поселениям, связанным с развитием монастырских комплексов и тяготеющих к ним примонастырских слобод и посадов. Уже в Древний период один из крупнейших на Руси Киево-Печерский монастырь получил сложную пространственную структуру, а в непосредственной связи с ним, у его стен, затем образовалось развитое примонастырское поселение – Печерск. В Домонгольский период, как правило, монастыри тяготели к крупным городам; становясь их спутниками, они еще не были центрами развитых и самостоятельных городских структур.

Картина меняется, начиная с XIV–XV вв., когда с основанием монастырей на огромных просторах Московской Руси связываются задачи идеологического и политического закрепления территорий за государством, когда многие монастыри возникают в малообжитых местах и постепенно сами становятся центрами притяжения, сначала как очаги религиозной жизни, затем как стратегические пункты. На монастырских землях развиваются села и слободы, частично обслуживающие монастырь, частично производящие товары на продажу.

Начало широкого распространения отдаленных от существующих городов монастырей связано с именем Сергия Радонежского и основанной им Свято-Троице-Сергиевой лаврой, ставшей в XVI–XVII вв. первым по значимости культовым центром Руси. Вместе с развитием монастырского комплекса постепенно сложился его посад, который уже во второй половине XVII века мог конкурировать по величине и торговому значению со многими городами. Его историческое развитие – наиболее яркий пример, показывающий закономерности постепенного формирования примонастырских слобод вокруг объединяющего ядра – монастыря и превращения всего этого обширного пространственного комплекса в целостную композицию.

Сергиев Посад. Самый известный из российских городов, ядром кристаллизации которого послужил монастырь, – несомненно, Сергиев Посад, райцентр на северо-северо-востоке Московской области. История Троице-Сергиева монастыря известна: он был основан в конце 30-х – первой половине 40-х годов XIV века преподобным Сергием Радонежским. В житийной литературе обычно говорится, что Сергий, основывая Троицкий монастырь, шел «в пустыню», искал места для уединенной и сосредоточенной молитвы. Это так и не совсем так. Монастырь был основан всего в нескольких километрах от одной из самых оживленных дорог того времени – Москва – Переславль-Залесский – Ростов – Ярославль, и где-то здесь, поблизости, с запада должна была примыкать дорога из древнего Дмитрова. Таким образом, если микроположение Троицкой обители и было «пустынным», то по макроположению она попала «в точку», в гущу передвижений, к артериям пульсирующих пространственных связей Московской Руси. Да, первоначально дороги, действительно, проходили чуть в стороне от монастыря. Тогдашняя трасса Ярославской дороги шла в двух-трех километрах восточнее. Но растущий «близ дороги» монастырь был для путешественников слишком привлекателен как место для ночлега, защиты, богомолья, моральной поддержки – и дорога вскоре изменила траекторию и сдвинулась чуть на запад, к монастырю.

Положение монастыря к северо-востоку от Москвы, то есть в сравнительной безопасности от внешних вторжений с юга (Орда) и с запада (Литва, Польша и пр.), естественно усиливало его роль как убежища. Он сравнительно мало пострадал от ордынских набегов, напротив, он стал своеобразным

символом антиордынской борьбы. Он не был взят польско-литовскими интервентами в Смуту и, напротив, возвания, рассылаемые келарем Авраамием Палицыным, стали катализатором организации борьбы с интервентами. Даже во внутренних смутах здесь искали опоры московские государи: сюда бежал Петр от стрелецкого бунта.

Заметим также, что Троицкий монастырь на удивление удачно вписался в подмосковный пространственный ритм городов: вокруг Москвы на расстоянии около 100 км исстари начало складываться кольцо важных оборонительных пунктов-городов: Коломна – Кашира – Серпухов – Боровск – Можайск Волоколамск – Клин – Дмитров (рисунок 5.17). В восточной и северо-восточной части, в 135-градусном секторе между лучами Москва – Коломна и Москва – Дмитров, кольцо это не было замкнуто, и Свято-Троице-Сергиева лавра стала очередной жемчужиной в этом крепостном ожерелье. Но если на передовых рубежах Москвы нужны были княжеские крепости – кремли с профессиональными дружинами, то здесь, на северо-востоке, достаточно было и обители чернецов, готовых, однако, к обороне. В результате неприкрытый тыл Москвы существенно сузился. А после, мы увидим, другой основанный Сергием монастырь вообще почти замкнул кольцо подмосковных оплотов. С расширением границ Московского государства оборонительная значимость монастыря сошла на нет, но в качестве духовного оплота России он сохранил и сохраняет едва ли не первенствующую роль. Конечно, развитие Сергиева Посада в новое время определялось уже не только монастырем. Не забудем, однако, что все это разнообразие функций постепенно, как в снежном коме, напластовывалось на то изначальное ядро, на тот сердечник, который вложил в него в XIV веке преподобный Сергий.

Своеобразную красоту и глубокую логику архитектурного образа Свято-Троице-Сергиевой лавры – выдающегося памятника древней русской архитектуры – можно лучше всего осмыслить и понять, проследив основные этапы его исторического развития. Эволюция монастырского комплекса в XV–XVII вв. шла по пути расширения площади монастыря, усложнения его структуры и силуэта, придания ему неприступного вида и монументальности. К XVII веку монастырь стал ядром центрической пространственной системы, господствующими ориентирами, которой помимо монастырских сооружений стали возвышающиеся над рядовой застройкой объемы слободских храмов (рисунок 5.18). Павел Алепский, посетивший Свято-Троице-Сергиеву лавру в 1655 году, запечатлел общую картину монастыря и его окружения, описав не только постройки внутри монастыря, его укрепления, но и «сады, идущие непрерывно один за другим, большой город, женский монастырь и несколько других монастырей и церквей, пруды и мельницы». По его мнению, монастырь был «совершенен во всех отношениях, кроме двух вещей: первое, что близ него нет реки; второе, что он расположен в долине и не виден, издали...». Последнее замечание сирийского путешественника можно признать справедливым лишь отчасти, имея в виду особенности расположения монастыря и посада на рельефе, их исторически складывающуюся топографию. Монастырь был основан у слияния двух речек – Кончуры и Вондюги, малых по ширине, но заключенных в глубокие тальвеги и овраги, через которые с разных сторон открываются виды на монастырский комплекс в обрамлении склонов различной крутизны.

С высоких водоразделов монастырь, действительно, кажется «расположенным в долине». Однако размещение монастыря на склоне, обращенном в сторону древней Клементьевской слободы на высоком противоположном берегу Кончуры, и проходившей через эту слободу Московской дороги обеспечивало, по-видимому, с самого начала важную визуальную связь между двумя комплексами – монастырским и слободским. Визуальная связь Клементьева с монастырем подчеркивалась градостроительными средствами. Между ними на реке Кончуре был устроен большой Монастырский пруд. У пруда встречались Московская и Дмитровская дороги. Далее этот путь шел по Подолу мимо Введенской и Пятницкой церквей к Святым воротам монастыря, в Переславль и Углич.

Развитие монастыря и разрастание слобод, посада вокруг него с последующим превращением в крупный город следует рассматривать, конечно, как результат подвижнической и праведной жизни св. Сергия, притягательности и обаяния его личности, глубины его веры. Но несомненным фактором развития стало и удачно выбранное географическое положение для основания обители. Было ли оно «просчитано», сознательно проанализировано и выбрано Сергием? Стало ли оно результатом случайного выбора, трансцендентного наития? Гадать по этому поводу бесполезно. Монастырь прямо или косвенно формировал вокруг себя транспортную, социальную, интеллектуальную, профессиональную инфраструктуру – создавал условия для роста многофункционального производственного центра. То, что именно Свято-Троице-Сергиева лавра оставалась и остается в

Сергиевом Посаде градоформирующим, системообразующим ядром, подчеркивается тем, что Красногорская площадь, размещенная у ее восточных стен, воспринимается жителями как центр города.

Кирилло-Белозерский монастырь и город Кириллов. Русский Север истари контролировался новгородцами. И путь с Шексны на Сухону через то место, где стоит ныне Кириллов, был для них жизненно важным. В сущности, это был единственно возможный для них путь на Двину, к их подвинским владениям, на Печору и за Урал, к той самой пушнине, продажа которой в Западную Европу дарила бесхлебному Новгороду торговое благополучие. Оттуда через Гледен, стоявший у начала Северной Двины (напротив нынешнего Великого Устюга), везли соболей, чернобурок, моржовый клык, шкуры белого медведя.

Для растущей и претендующей на общерусское лидерство Москвы закрыть новгородцам путь к Сухоне означало лишить конкурента главной сырьевой базы и так постепенно принудить его к подчинению. На схеме, показывающей возможные водные пути новгородцев из Балтийского бассейна в Каспийский и Беломорский, хорошо видно, какое стратегически важное географическое положение имело пустовавшее еще тогда место Кириллова (рисунок 5.19). Такое место не могло оставаться пусто. Вероятно, дипломатия того времени не позволяла Москве сразу разместить здесь, на исконных новгородских путях, укрепленный военный пункт. Да и сил у молодого Московского княжества, принужденного держать изнурительную оборону на юге и западе, не хватало. А вот совсем иное – начать дело, отрядив на вновь осваиваемую территорию святой жизни старца, за которым тянулась слава любимого ученика Сергия Радонежского, уже общерусски признанного. Здесь уже новгородская дипломатия не имела моральных прав для протеста. Но прошли годы, и новгородцы оглянуться не успели, как на месте деревянной кельи преподобного Кирилла выросла мощная каменная крепость. А главным в монастырском ансамбле вознесся Успенский собор – пространственный маркер московской колонизации.

Перекрыв собою бесконтрольные походы новгородцев на северо-восток, Кирилло-Белозерский монастырь выполнил поставленную перед ним Москвой пространственную задачу. А позднее из Кирилло-Белозерского монастыря выйдет инок Савватий, который положит начало знаменитому Соловецкому монастырю – уже как бы внучатому по отношению к Свято-Троице-Сергиевой лавре. Так московская колонизация опередит новгородскую колонизацию на Белом море. Для самой же Москвы путь на Сухону через Кириллов был не самым удобным. Приходилось давать большой крюк. Проще было сухим путем добираться до Вологды, откуда уже на судах идти по реке Вологоде, а из нее в Сухону. Таким образом, Кириллов монастырь более пресекал чужую, новгородскую торговлю, нежели обслуживал свою. В московской пространственно-сетевой стратегии он призван был скорее играть роль сопротивления, чем контактного соединения, более промолвки, нежели пропуска. Как крепость и как уединенная, удаленная от суетливого центра святая обитель, он был нужен. Но перспектив превращения его в первостатейный узел связей, а именно это нужно для рождения полноценного города, было немного.

Петербургская страница русской истории (своеобразная реанимация новгородских пространственных ориентаций) оживила положение Кириллова. Торговые потоки из Северодвинского бассейна вновь начали «загибаться» не только к югу, к Москве, но и к северо-западу, к Питеру. Путь через Кириллов опять стал выгоден. И все же Кириллов не мог уже состязаться с Вологдой, взявшей на себя посредничество между исконной Россией и Севером. Превращение подмонастырской слободки Кириллова монастыря в город в географической литературе представляется чем-то вроде исторического анекдота, а не выглядит признанием действительных социально-экономических заслуг поселения. С ростом монастыря около него возникла подмонастырская слобода, которая, по мысли новгородского губернатора Я. Е. Сиверса, праздновавшего в монастыре день своего рождения, и была в 1776 году переименована в уездный город Кириллов. Право же, создается впечатление, что лишь случайный веселый выезд начальства привел к «провозглашению» здесь города. Косвенно в пользу такого вывода говорит и название озера, на берегу которого стоят монастырь и город. Его называют Сиверским, и многие думают, что это название древнее. Все, кто пишет ныне о Кирилло-Белозерском монастыре, указывают, что преподобный в конце XIV века пришел на берег Сиверского озера. Озеро не было тогда Сиверским. Его называли Сеярским, и лишь после достопамятного события «перекрашивания» слободы в город по созвучию и из подхалимажа озеро начинают именовать Сиверским – в честь Якова Сиверса.

В 20-е годы XIX века в районе Кириллова по трассе старых новгородских волоков и перекопов был проведен канал, произведены инженерные гидротехнические работы: созданы плотины, шлюзы, механизмы для продвижения судов и открыто прямое судоходство между Шексной и Сухоной. Кириллов, расположенный на самом крупном Сиверском озере в этой воднотранспортной системе, казалось бы, должен был извлечь несомненные выгоды из своего положения. Но этого не произошло. Кириллов серьезного импульса развития не получил. Собственно городом-то он в итоге стал лишь наполовину. Численность населения в нем ныне – лишь 8,5 тысяч человек, что существенно ниже принятого минимального критерия людности города. Город без транзитных дорог сегодня существует сугубо как местный центр, командующий стареющими деревнями, и как музейный – всероссийской и международной известности – магнит. Монастырь здесь всегда был несравненно знатнее и заметнее, чем город. Основанный на рубеже XIV–XV вв. Кирилло-Белозерский монастырь уже в XVI веке стал одним из самых богатых церковных феодалов, уступая в этом отношении лишь Свято-Троице-Сергиевой лавре. Он был не только средоточием духовной и культурной жизни Белозерского края, но и крупнейшим землевладельцем, а также хозяйственным и ремесленным центром. Именно в Кириллове возник редкий по сочетанию и обилию разных бытовых производств цех ремесленников – портных, сапожников, кожевников, кузнецов, серебрянников и др. В монастыре и за его стенами возникают различные хозяйственные сооружения: мельницы, сушила, житницы, кожевни, кузницы. Трижды в год под стенами монастыря устраивалась ярмарка. Посад разрастался вместе с развитием монастыря. Сначала монастырь занимал сравнительно небольшую площадь низменной равнинной территории на самом берегу Сиверского озера. Во второй половине XVI века образовавшиеся здесь Успенский и Ивановский монастыри получили каменные укрепления, к которым в начале XVII века были пристроены стены остроугольного в плане небольшого острога, предназначенного для дополнительной защиты длинной напольной стороны монастырей с их главными воротами. Здесь у стен острога и главного входа в Успенский монастырь располагались первоначально торговые примыкавшие к нему посадские постройки. С возведением в 1650–1670 гг. каменных укреплений Нового города посад был вытеснен за его стены. И обширная торговая площадь расположилась у нового въезда в монастырь, включившего в себя теперь территорию всей крепости.

В структуре всего поселения последовательно и закономерно реализован принцип зависимости зонирования территории от ее ландшафтных особенностей. Переход от периферии посада к зоне торговой площади, а от нее к Новому городу и затем к основному ядру – Успенскому и Ивановскому монастырям, сопровождается последовательной сменой зон: жилой, общественной и культовой. Культовая зона концентрирует в себе основные ансамбли, которым в топографическом отношении соответствуют постепенное сужение пространственных зон полуострова, их увеличивающаяся граница соприкосновения с водными пространствами.

Эта черта в значительной степени обусловила и особенности всей пространственной композиции Кириллова с господством водных пространств и доминирующим в них ансамблем монастырского комплекса. И если со стороны посада и основных сухопутных путей город воспринимался частями с последовательным нарастанием художественного воздействия его основных архитектурно-пространственных зон, то со стороны Сиверского озера город воспринимался наиболее целостно и выигрышно. Поскольку центр его – монастырь – составлял в этой широкой живописной панораме ее первый план, основное и наиболее выразительное ядро. Система озер, омывавших территорию Кириллова, составляет одну из его наиболее примечательных топографических особенностей. Она превратила практически всю занимаемую городом территорию в своеобразный полуостров. Эта черта в значительной степени обусловила и особенности всей пространственной композиции Кириллова с господством водных пространств и доминирующим в них ансамблем монастырского комплекса.

Макарьев на реке Волге. У впадения в Волгу лесной реки Керженец, возле Желтоводского озера, ископал себе пещеру-кельишку Макарий. Вскоре к нему подселились еще несколько странствующих монахов. Место оказалось чрезвычайно удобным: за приют, ночлег и помощь в ремонте судов, проплывавшие по Волге купцы, оставляли богатые дары, прихватывая заодно и наработанные старцами лесные товары для продажи. Но в 1439 году монастырь был выжжен одним из отрядов Улу-Мухаммеда. Старцев перебили, а самого Макария, «яко тиха, мудра и незлобива», отпустили с обязательством не возобновлять на Керженце монастырь. Макарий ушел на реку Унжу и основал там другую обитель (нынешний Макарьев Костромской области). А место у Желтых вод пустовало с тех пор почти двести лет. Только устные предания да «жития» Макария Унженского и Желтоводского чудотворца передавались народной молвой. Монастырь на устье Керженца возобновил в 1620 году

муромчанин по происхождению Авраамий, перебравшийся в нижегородские пределы в Смутное время начала XVII века. Вся его деятельность была наполнена чисто мирскими заботами: обогащением казны, строительством величественных (пока еще деревянных) зданий, захватом прилегающих земель-угодий, основанием под стенами монастыря торгова. Небольшой торг под стенами монастыря сначала собирался стихийно 25 июля, в день памяти Макария, а с 1627 года власти обители получили уставную грамоту на взимание пошлин с привозных товаров. В 1641 году ярмарка была признана официально. К середине лета сюда успевали подойти суда как с низовой Волги, так и из центральных районов России, и купцы, распродав товары, могли вернуться домой до ледостава. Суда же, спускавшиеся наплавом до Астрахани, подняться на бурлацкой тяге назад в Москву или Вологду не успевали. Торговые люди были вынуждены продавать свои ладьи-насады в Понизовье и возвращаться санным путем, что было чрезвычайно невыгодно: приходилось долго ждать удобного времени. Необходимо было тратиться на наем лошадей, ограничивать объем поклажи, бросать значительную часть судовой команды на произвол судьбы и, лишившись охраны, с вырученными барышами пускаться в рискованный по тем временам обратный путь. К Макарью стекались и многие местные торговые пути. По Керженцу, Ветлуге, Везломе, Узле собирались товары заволжских бобылей.

Русское правительство прекрасно знало, что на ту Макарьевскую ярмарку с первых чисел июля, а иные и ранее того, съезжаются торговые люди с всякими товарами и деньгами со всего Московского государства и иных государств иноземцы и торгуют две недели. Неоднократно предпринимались попытки подчинить ярмарку казне, но монастырь, используя свои связи с патриаршим домом, каждый раз умел сохранить право сбора таможенных пошлин на ярмарке за собой. С этого времени быстро начал отстраиваться монастырский комплекс. Все основные строения в Макарьевском монастыре были возведены за сравнительно небольшой срок (с 1651 по 1667 гг.), поэтому он смотрится как единый архитектурный ансамбль. В своем современном виде его территория имеет форму четырехугольника со сторонами около 200 м каждая. Это была мощная крепость регулярной планировки. Строилась она с 1662 по 1667 гг. и предназначалась для защиты монастыря и ярмарки от народных волнений (рисунок 5.20).

Стены монастыря имеют амбразуры нижнего боя и бойницы для стрельбы с боевого хода. В их толще устроены арочные ниши, а боевой ход покрыт деревянной кровлей. Высота стен с зубцами – 8 м, ширина – 2,5 м. Кроме сохранившихся сейчас укреплений монастырь имел пристроенную с запада дополнительную территорию, огороженную тремя стенами, с мощными квадратными башнями и встроенным в западную наружную стену каменным Гостинным двором. Помещения Гостинного двора в XIX веке перестроили в пересыльную тюрьму, под таким названием и были известны стоявшие до недавнего времени остатки сооружения. Башни и стены этого участка давно уже полностью разрушены, а примыкавшая к ним северо-западная угловая башня обвалилась при высоком паводке еще в 1829 году.

Как свидетельствуют планы, снятые в XVIII – начале XIX вв., территория ярмарки располагалась на берегу Волги к востоку от монастыря, где был построен Гостинный двор. Сам монастырский комплекс был несколько смещен от берега Волги за заливаемое во время паводков Святое озеро. Жилые слободы расположились к северо-западу от монастыря, где на возвышенном месте была поставлена приходская церковь. В результате в пространственной композиции древнего Макарьева возобладала диагональная ось, фиксированная зданиями Гостинного двора, монастырского собора и приходской церкви. В дальнейшем по этому направлению развивалась территория монастыря, огороженная с запада тремя стенами с башнями и встроенным в западную наружную стену каменным Гостинным двором. Эта территория предназначалась также для размещения гарнизона-охраны Макарьевской ярмарки. Внутри стоял четырехэтажный кирпичный гарнизонный корпус, но со временем под напором льда в паводки эта часть строений оказалась разрушенной. При проектировании нового обширного каменного гостинного двора эта ось еще более закрепляется местоположением нового торгового комплекса за Коровьим озером близ церкви Казанской Богоматери. В композиции монастырского ансамбля вытянутая вдоль реки цепочка основных сооружений поддерживает ось внешних ориентиров, однако основное внимание здесь уделено фасаду со стороны Волги. К реке обращен главный вход в монастырь с торжественной вертикалью надвратной церкви Архангела Михаила и возвышающимся за ним пятиглавием Троицкого собора.

Став городом, Макарьев в 1782 году получил регулярный план будущей застройки с прямыми линиями улиц и площадей. Ярмарка под стенами Макарьев-Желтоводского монастыря просуществовала до 1816 года. После закрытия торгова, 18 августа, случайно загорелись уже пустые

лавочные ряды. При порыве сильного ветра огонь перемахивал от строения к строению, высоко поднимая языки пламени... После пожара предстояло возводить торговый комплекс практически заново, но в связи с неудобством местоположения торгового комплекса на затопляемой низине было решено ярмарку перенести в Нижний Новгород. Власти Макарьев-Желтоводского монастыря сразу осознали, что лишились основной статьи дохода. Их казне был нанесен сильнейший удар. И хотя умирание монастыря продолжалось еще несколько десятилетий, оно было неизбежным и сокрушающим. Монастырь хирел с каждым годом, и монашествующие разбредались по другим, более состоятельным, обителям.

Памятником таланта, высокого художественного чутья, строительного искусства стоит архитектурный ансамбль на берегу Волги, воспоминанием о крестьянских войнах под предводительством Степана Разина и Емельяна Пугачева, о социально-религиозном движении раскола, памятником знаменитой на весь мир Макарьевской ярмарке, почти два столетия шумевшей под этими седыми стенами.

5.4 Общие признаки застройки, планировки, композиции православных монастырей

Архитектура древних православных монастырей – явление разноплановое, со сложной внутренней динамикой, не позволяющей привести многообразие форм к единым критериям оценки. Процесс сложения ансамбля монастыря порой занимал несколько столетий, поэтому в большинстве случаев не приходится говорить о выдержанном в едином стилистическом ключе архитектурном решении. Однако, рассматривая развитые монастырские комплексы в качестве сложившихся архитектурных структур, можно отметить некоторые общие признаки в их застройке, планировке и композиции. Эти признаки обусловлены единством функционального назначения, а также символической интерпретацией монастырского ансамбля. Возлагавшиеся на монастырь функции определили комплекс сооружений, куда входили постройки различного назначения – культовые, хозяйственные, жилые, оборонительные, мемориальные.

Как правило, уже на первой стадии сложения православного монастыря, он обносился стеной. Даже деревянная ограда, отделяющая обитель от мира, тем самым делала монастырский комплекс подобным городу или крепости. Крепостные стены, замыкая композицию и являясь ее границей, придавали ансамблю большую архитектурную целостность и смысловую значимость. Конфигурация монастыря во многом определялась его месторасположением. Традиционно основатели монастырей останавливали свой выбор на холме в устье ручья при впадении его в речку. Таким образом, основные линии монастырского плана были предопределены естественными природными условиями. Подобный выбор места основания обители был обусловлен тем обстоятельством, что до середины XVII века для некоторых монастырей, не всех, но многих, одной из важнейших функций монастыря как социального учреждения была присуща функция военно-оборонительная. Побывавший в XVII веке в Москве и написавший об этом путешествии Павел Алепский приводит слова патриарха Никона о военной роли русских монастырей: «В нашей стране есть три очень богатых монастыря – великие царские крепости. Первый монастырь Святой троицы. Он больше и богаче остальных, второй... известен под именем Кирилло-Белозерского... Третий монастырь Соловецкий ...»

Монастырские стены – крепостные укрепления – должны были соответствовать всем современным требованиям военного искусства. Согласно с ними, к XV веку в планировочной композиции монастырского ансамбля стали появляться элементы регулярности. Автор Жития Сергия Радонежского – Пахомий Логофет, повествуя о разумном устройстве Троицкой обители, подчеркивает геометричность ее плана: «Егда рассуднейший пастырь и премудрый в добродетелях муж монастырь большой воздвиг, кельи убо четверообразно сотворите повеле, посреди их церковь во имя Живоначальной Троицы, отовсюду видима яко зеркало, трапезу же и ина елика на потребу братиям».

Монастыри XVI века: Спасо-Преображенский Соловецкий Ставропигальный мужской, Новодевичий Смоленской иконы Пречистой Богородицы женский монастырь, Симонов монастырь, Кирилло-Белозерский в основе своей планировочной структуры имели пятигранник. План Пафнутьева-Боровского монастыря, стены которого были воздвигнуты в 90-х годах XVI века, приближался к ромбовидным очертаниям. По мнению М. Ильина, «геометрическая форма плана крепости была продиктована не отвлеченными геометрическими фигурами или произвольными соотношениями отдельных своих частей, а исходила из тех пропорциональных архитектурных положений, которые были распространены среди каменных дел мастеров». К концу XVII века

регулярность конфигурации плана монастыря-крепости стала традиционным приемом в русском зодчестве. Кирпичные стены Донского монастыря в Москве, построенные на рубеже XVII–XVIII вв., имеют в плане строго очерченный квадрат. Таким образом, планировочная структура монастырей стремится к большей геометричности своих очертаний, приближаясь к идеальным формам. Отдельные участки крепостных стен между башнями выпрямляются, а расстановка самих башен становится более регулярной.

Крепостные башни, помимо той роли, которую они выполняли в качестве оборонительных сооружений, часто использовались для нужд монастырского хозяйства. Вынесенные за пределы «парадной» архитектурной композиции в башнях устраивались кладовые, мастерские, разнообразные монастырские службы: поварские, квасоваренные, прядильные. Однако в художественном внешнем облике крепостные башни являлись важнейшими структурными элементами. Фиксируя конечные точки архитектурно-пространственной композиции, башни поддерживают и завершают ритмику вертикальных акцентов монастырского ансамбля. Архитектурная композиция монастыря приобретает черты гармоничной завершенности: горизонтали прясел стен и вертикали башен, уравновешивая друг друга, складываются в самодостаточные картины. Башни могли служить и воротами в монастырь. Со стороны парадного подъезда к монастырю устраивались главные Святые врата, увенчанные надвратной церковью. Пройдя через них, паломники попадали непосредственно в парадный монастырский двор, а зачастую и в монастырский сад. Как правило, Святые врата ориентировались на монастырский собор.

Исследователями был отмечен тот факт, что стремление к большей геометричности и регулярности планировочной композиции обозначилось в монастырском строительстве на Руси значительно раньше, нежели, например, в строительстве городов или крепостей. Объяснение этому факту следует искать не столько в новых достижениях фортификационного искусства, сколько в символической трактовке монастыря-крепости как целостного ансамбля. Уподобление средневекового православного монастыря городу – мотив, часто звучащий в древнерусской литературе. Д. С. Лихачев приводит отрывок из завещания варяга, обратившегося в православие, где он рассказывает о том, как Богородица защищала от врагов свой «город высокий»: «Когда мы приходили с половцами на Изяслава Мстиславовича, увидали мы издали ограду высокую и быстро пошли туда. А никто не знал какой это город. Половцы же бились под ним и многие ранены были, и побежали мы от города того. После уже узнали мы, что это было село обители Святой Богородицы Печерской, а города тут никогда и не бывало». Ориентация на классические древние образцы составляет сущность средневекового языка «уподоблений».

Говоря о символической интерпретации монастыря как города, исследователи, прежде всего, указывают на уподобление монастырского комплекса «Небесному Иерусалиму». Учитывая, что православный монастырь средневековья воспринимался как образ Царствия Небесного, явленного на земле, а монахи именовались «ангельским чином», можно предположить, что на планировку и композицию монастырей в значительной мере повлияло уподобление их Небесному Граду праведных – Горнему Иерусалиму. На древнерусских иконах, по тексту Апокалипсиса, Небесный Иерусалим изображался в виде монастыря за высокими стенами, с регулярной планировкой и крестообразной структурой. В этом отношении даже монастыри, не имеющие регулярного плана, на иконах изображались в форме строго очерченного квадрата, что отражало существование определенной тенденции к идеализации образа монастыря. Однако реально существовавшие зримые образы также играли в средневековой системе «уподоблений» немаловажную роль, и образ «дольнего», земного Иерусалима умозрительно переносился на города и православные монастыри. Исходя из всего выше сказанного, можно предположить, что законченные символические программы воплощались в жизнь по образцу Иерусалима в планировочной структуре городов и монастырей.

Центральное – и в архитектурном, и в идейном плане – место в композиции православного монастыря занимал монастырский собор. С его возведением монастырь обретал композиционную и идейную законченность. Доминирование над всеми остальными сооружениями, прежде всего, проявлялось в особой интерпретации выбора: главный монастырский храм рассматривался как «земное небо или как Око Божие». В древнерусской литературе часто встречаем толкование символики монастырского собора, подобно следующему: «Четвероугольный образ монастыря, келии к келии совокупи, их же посреде стоят церкви, яко некие очи зряще всюду». Играя роль смыслового фокуса, монастырский собор архитектурной композицией должен отражать свое главенствующее положение в общей композиции монастыря. Так, например, в результате значительных переделок и расширений главный храм Свято-Троице-Сергиева монастыря – Храм во Имя Живоначальной Троицы,

оказался смещенным от центра всего архитектурного комплекса и уже не мог выполнять функцию соборного храма столь обширной обители. Архитектурной композиции главнейшего монастырского центра на Руси недоставало мощного высотного завершения, и царь Иван Грозный «велел основати» в нем огромный собор во имя Успения Пресвятой Богородицы, который отвечал бы назначению композиционного ядра всего монастырского ансамбля. Возведение монументального, подчеркнуто репрезентативного собора расставило заключительные акценты в архитектурной схеме комплекса в целом. И, несмотря на то, что в Свято-Троице Сергиевой лавре зодчими намеренно сделана копия Успенского собора Московского Кремля, тема большого храма с парадным пятиглавием, обширным внутренним пространством, обладающим особой «светлостью и звонкостью» с начала XVI века стала звучать в монастырской архитектуре. И когда статус монастыря поднимался на определенный уровень, для главного храма обители зодчие выбирали из всего большого спектра архитектурных форм и композиций именно этот мотив.

Вторым по значению сооружением в комплексе монастырских построек являлась Трапезная церковь с трапезной палатой. Появление этого типа сооружений характеризовалось переходом к общежительному монастырскому уставу: трапезная – место для общего вкушения пищи, которая ассоциировалась с Тайной вечерей, т. е. имеет определенный символический смысл. Размещалась Трапезная церковь с трапезной палатой, как правило, в центре монастырского комплекса с южной стороны монастырского собора. В результате такого взаимного расположения монастырского собора и трапезной образовывалась главная монастырская площадь – временами весьма внушительных размеров. Некоторые исследователи связывают такое их взаимное размещение с тем значением, которое приобрел южный вход в монастырский собор. Через западный портал входил местный епископ или митрополит с народом, а через южный – лишь князь со своими приближенными. Здесь же, у южного входа в собор, происходили торжественные выходы князя к народу, нередко прием послов и т. д. Поэтому у южного фасада монастырского собора, а не у западного, как в Европе, и образовалась площадь. Так это или не так, но площадь у южного фасада главного собора монастыря сделалась важнейшей частью в формировании центра русских монастырей. И такой композиционный прием прослеживается вплоть до XIX века со всей определенностью.

В зависимости от материального положения монастыря келейная застройка могла быть различной. Обычно корпуса для проживания братии располагались по периметру монастырских стен. Первоначально деревянные строения по мере роста благосостояния обители сменялись каменными зданиями. Жилые каменные корпуса в богатых и многолюдных монастырях могли быть двухэтажными с отдельными входами на первый и второй этажа. В целом каменная застройка образовывала главный монастырский двор, посередине которого размещались основные сооружения православного монастыря.

Одним из обязательных сооружений в монастырском комплексе является колокольня или звонница. «О еже подати ему благодать, яко да вси слашашии звенение его, или во дни или в ноши, возбуждятся к славословию имени святаго Твоего. О еже гласом звенения его утолится и утишится и престати всем ветром зельным, бурям же, громам и молниям, и всем вредным безведриям, и злорастворенным воздухом. О еже отгнати всю силу коварства же и наветы невидимых врагов, от всех верных своих глас звука его слышащих, и к деланию заповедей своих возбудити я». В словах этого прошения раскрывается смысл и содержание того, что называется православным колоколом. Колокол есть освященный сигнальный инструмент, используемый в православной церкви для сопровождения общественных богослужений, для оповещения и сигнала о том, что происходит в храме и т. п. После освящения колоколу сообщается благодать очищения окрестлежащего пространства и укрепления в вере православных христиан. Небольшие звонницы поначалу не имели существенного значения в общей архитектурной композиции. Однако возведение высотных колоколонесущих сооружений – монастырских колоколен, все более приобретающих архитектурную самостоятельность, оказывает все большее влияние на композиционную структуру монастырей в силу своих высотных качеств. Их размещение поначалу также тяготеет к геометрическому центру и только впоследствии колокольни стали размещать над Святыми воротами, придавая им характер своеобразных маяков, указывающих путь к спасению.

Таким образом, планировка ансамбля православного монастыря подчинялась ясно отслеживаемым закономерностям. К таковым можно отнести концентричность и функциональность зон композиционной структуры их внутренней застройки, наличие четко прослеживаемой иерархии сооружений. Как отмечалось выше, центральное положение в ансамбле занимал монастырский собор с

Трапезной церковью и часто колокольней. В некоторых монастырях прослеживается стремление к объединению зданий центрального комплекса посредством галерей и переходов, что, по-видимому, придавало, образовавшимся комплексам дополнительный смысл – особо значимое сакральное единство внутри монастырских стен. Пояс келейных корпусов отделял главный парадный двор от так называемых хозяйственных дворов, расположенных между жилыми корпусами и крепостной стеной. Здания монастырских служб, не столь репрезентативные и высотные размещались именно здесь, формируя внутренние архитектурные микроансамбли в пределах монастырских стен.

В целом уже к XVII веку сформировалась структура монастырского комплекса с архитектурно-композиционными приемами, повторяющимися с незначительными изменениями в последующем монастырском строительстве. Архитектурный ансамбль древнего православного монастыря – замкнутый, компактный и композиционно завершённый – выражал идею религиозного, культурного, военного и политического центра.

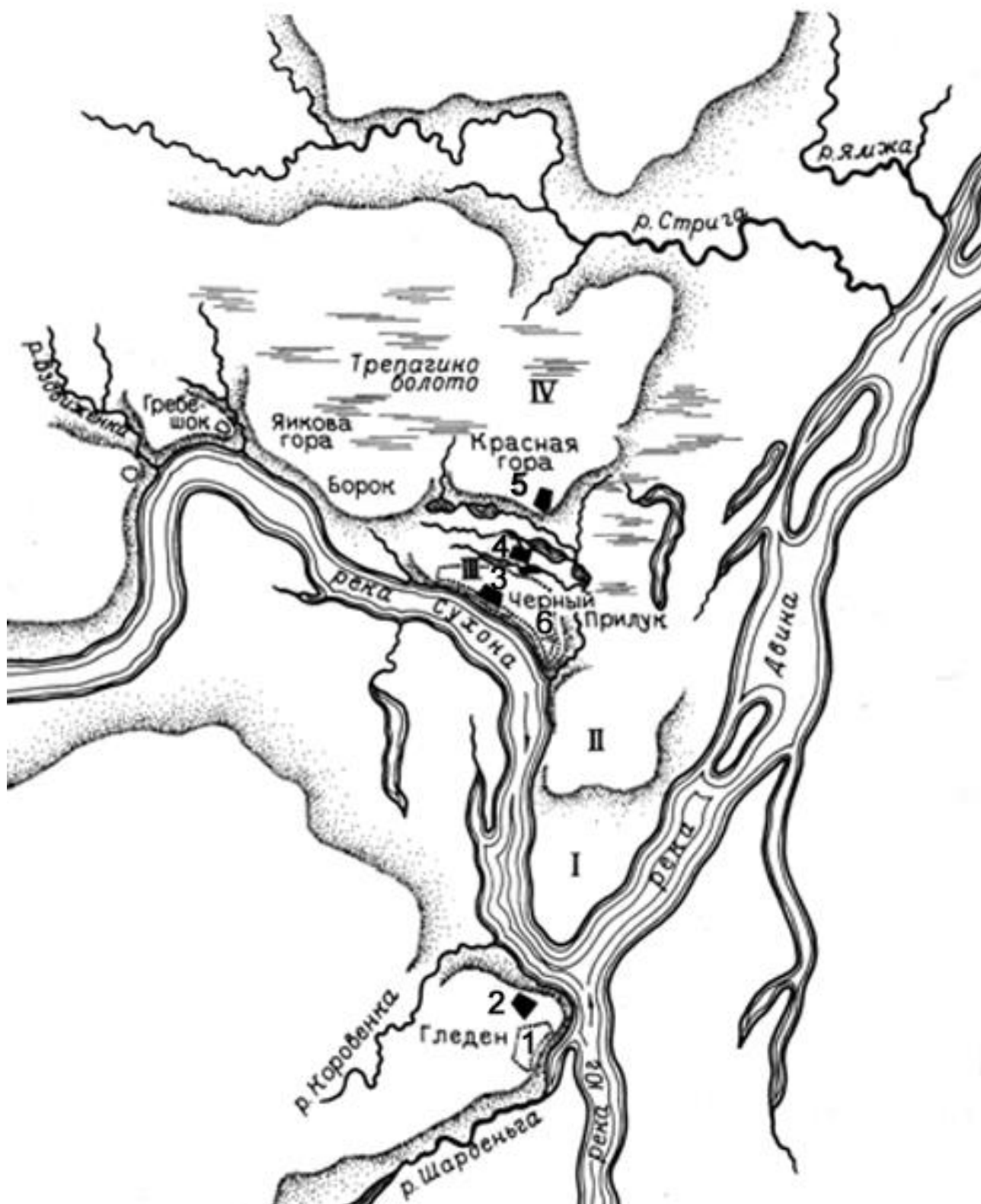

Рисунок 5.1 – Схема первоначального освоения территории города Великий Устюг:
 1 – предполагаемое место Гледена; 2 – Троице-Гледенский монастырь; 3 – Соборное дворище; 4 – Михаило-Архангельский монастырь; 5 – Иоанно-Предтеченский монастырь; 6 – территория устюжского посада и древнейшей Леонтьевской слободы; 7 – крепость Городище. Римскими цифрами на схеме обозначены террасы берегового рельефа

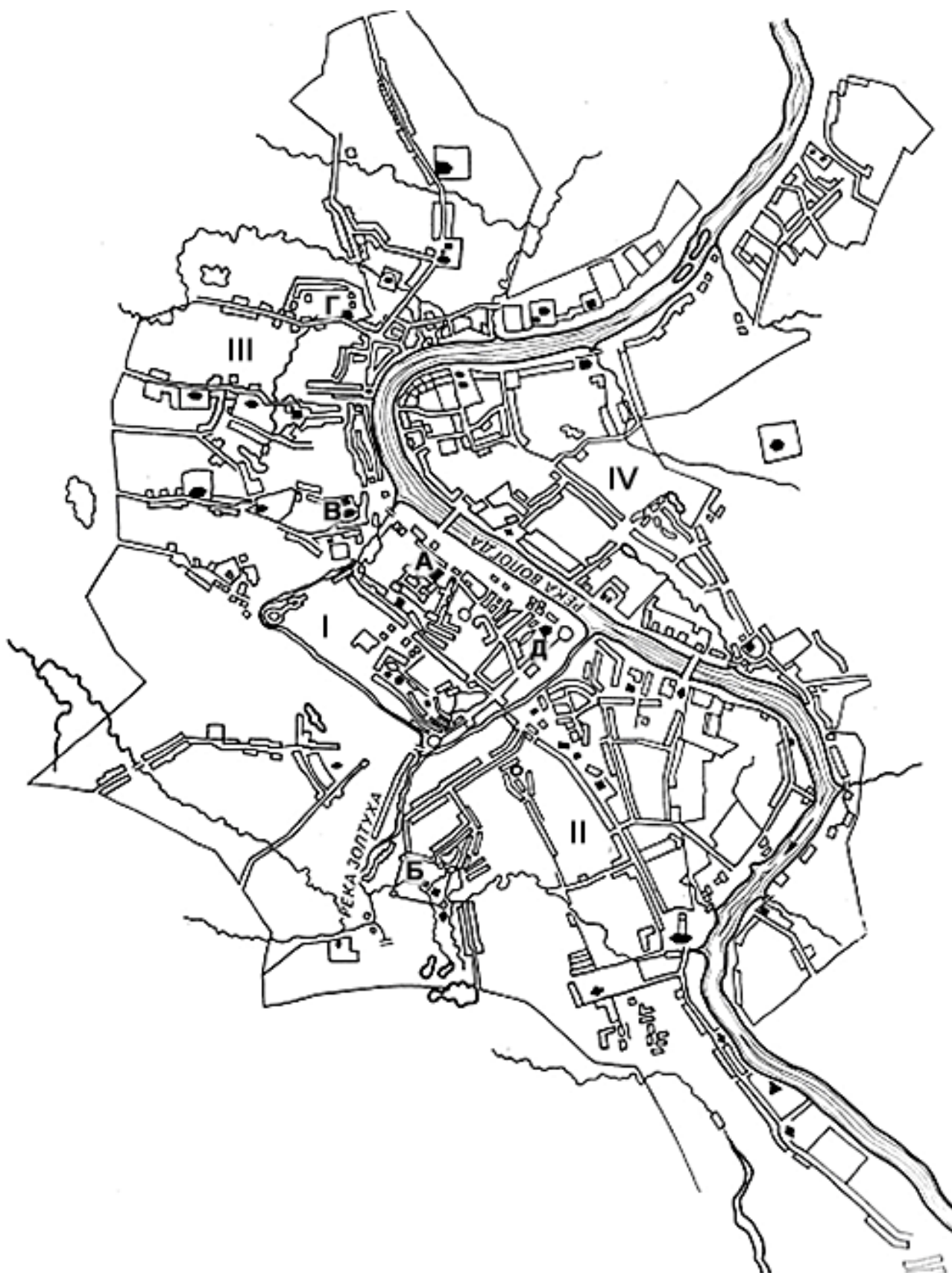

Рисунок 5.2 – Вологда. Схема плана (по М. В. Фехнер):
 I – город; II – нижний посад; III – верхний посад; IV – заречье; А – архиерейский дом;
 Б – Святодухов монастырь; В – Ильинский монастырь; Г – Горноуспенский монастырь;
 Д – Софийский собор

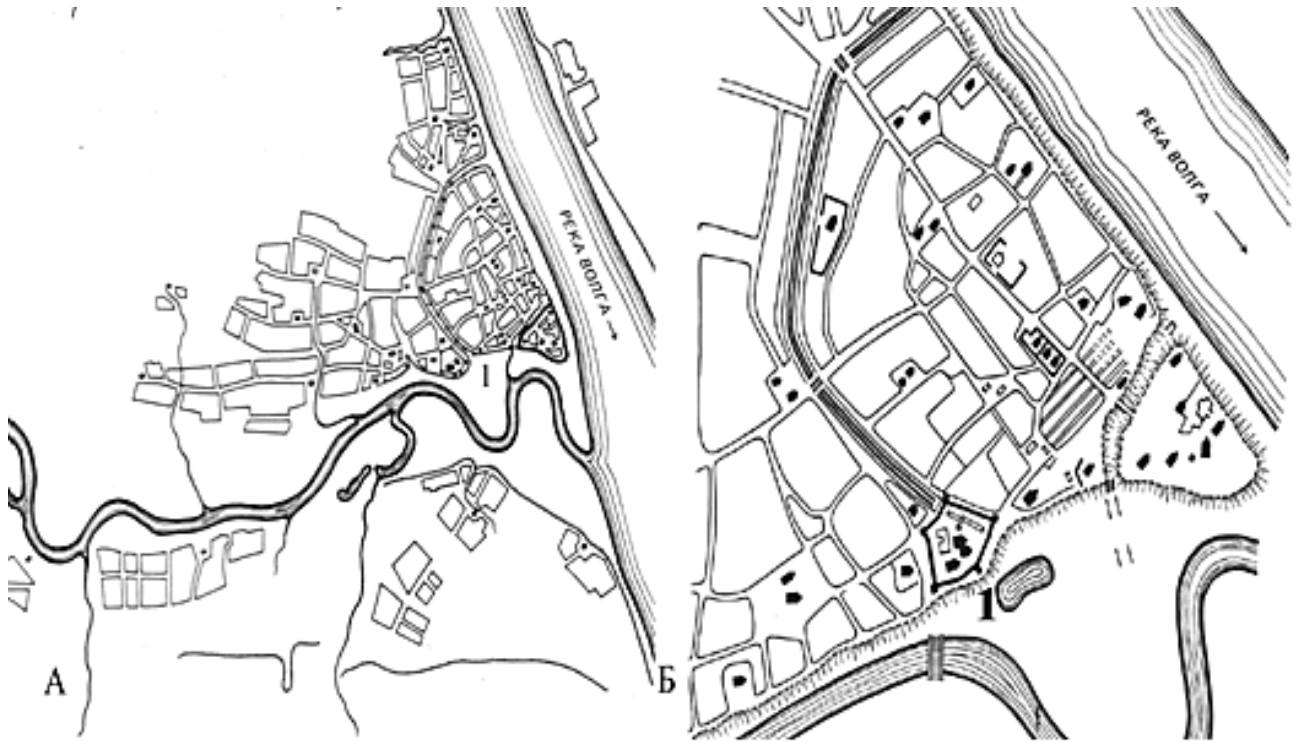

Рисунок 5.3 – Ярославль:
 А – схема плана Ярославля XIII – XVI вв. (реконструкция В. Ф. Марова); Б – схема плана центральной части города; 1 – Спасский монастырь

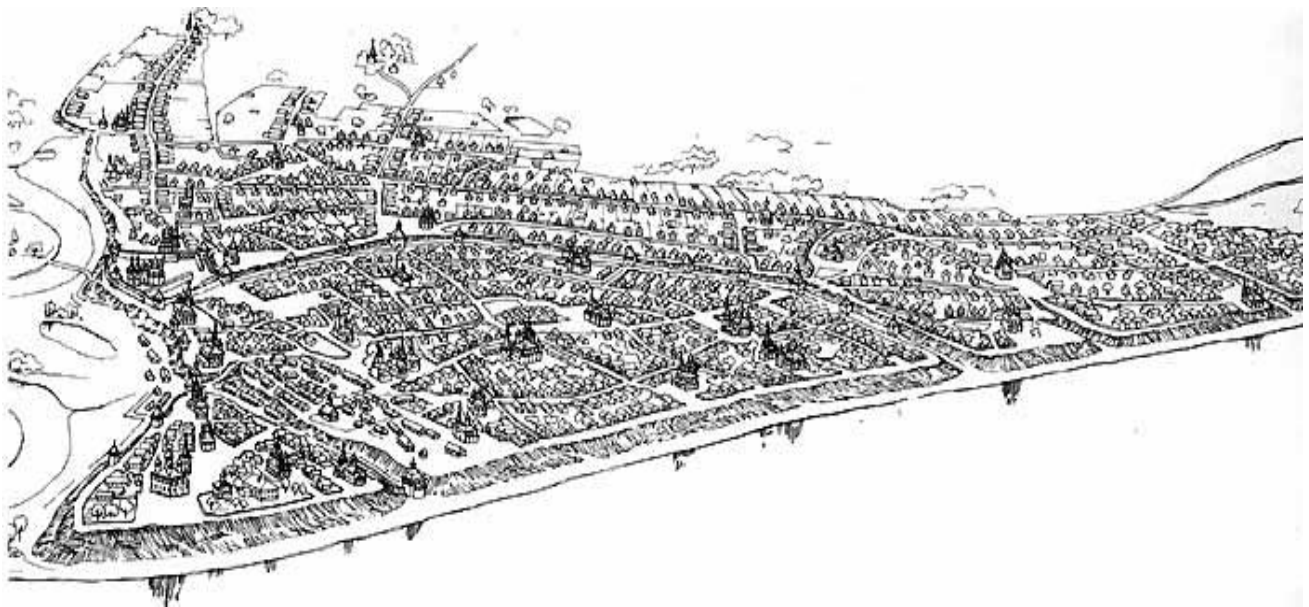

Рисунок 5.4 – Ярославль. Панорама города первой половины XVII века (реконструкция В. Ф. Марова)

Рисунок 5.5 – Ярославль. Спасский монастырь

Рисунок 5.6 – Кострома. Ипатьевский монастырь

Рисунок 5.7 – Кострома. Схематический план XV–XVII вв. (реконструкция Т. Н. Кудрявцевой: I – кремль; II – Новый город; III – слобода Ипатьевского монастыря; IV – место городища «Кострома»; 1 – Успенский и Троицкий соборы; 2 – Богоявленский монастырь; 3 – Вознесенский монастырь; 4 – Ризоположенский Анастасьинский монастырь; 5 – Спас-Подвязный монастырь; 6 – Ипатьевский монастырь; 7 – Спасские ворота Старого города; 8 – городской торг с церковью Спаса

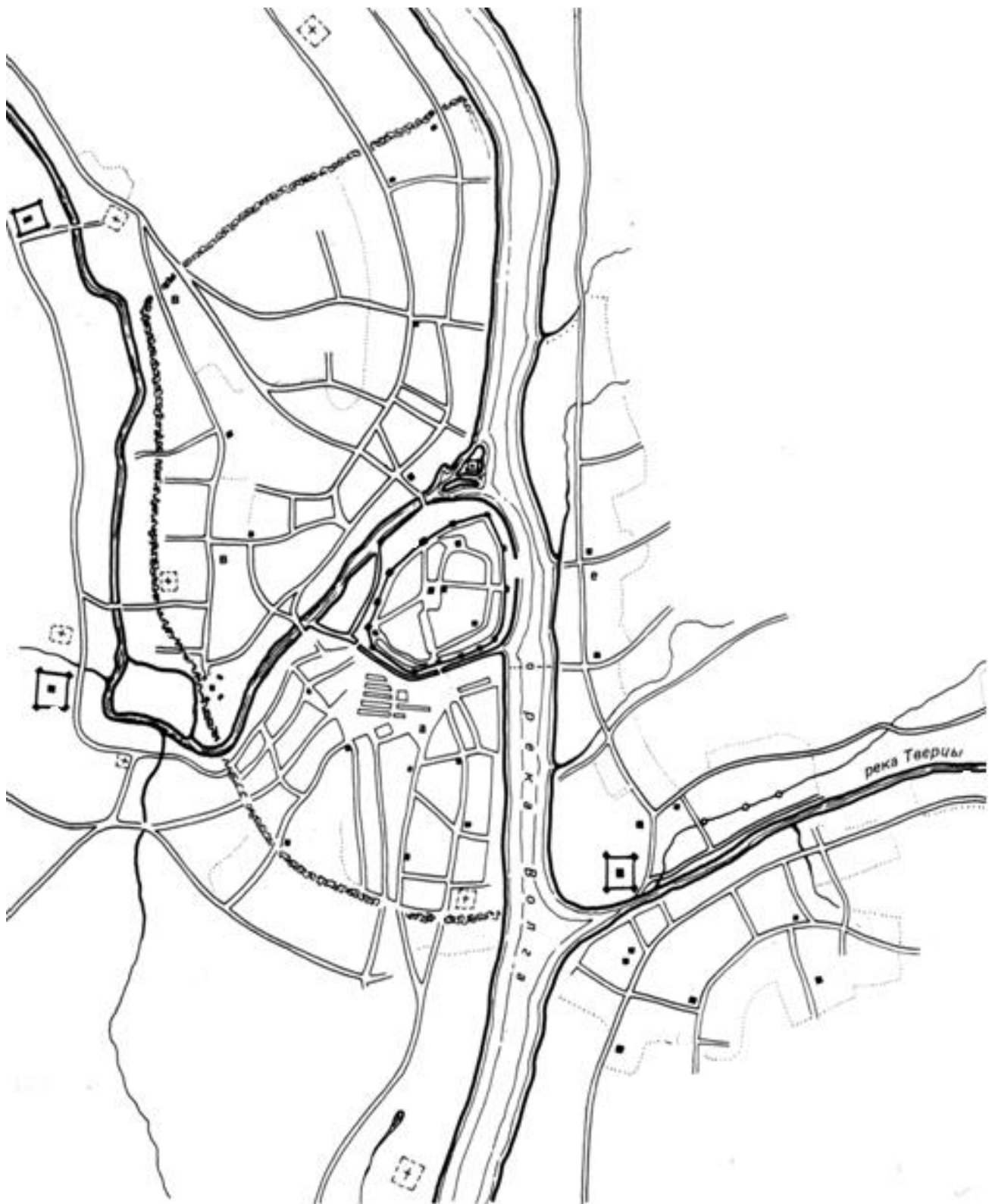

Рисунок 5.8 – Тверь. Схема плана XVII века (реконструкция А. С. Щенкова)

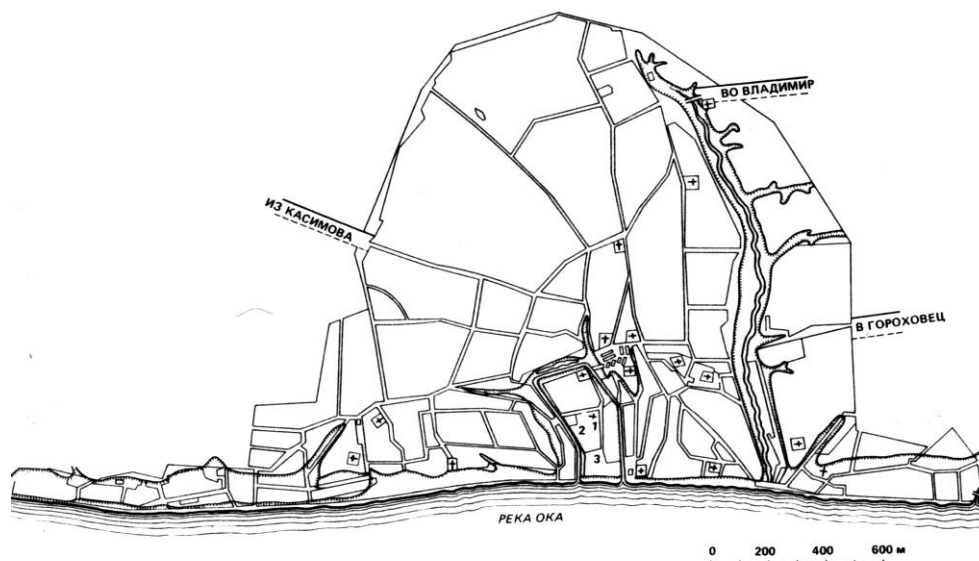

Рисунок 5.9 – Муром. Схема плана города XVIII века до перепланировки (по Д. М. Тверскому)

Рисунок 5.10 – Муром. Панорама города со стороны реки Оки. Конец XVII века (реконструкция М. П. Кудрявцева)

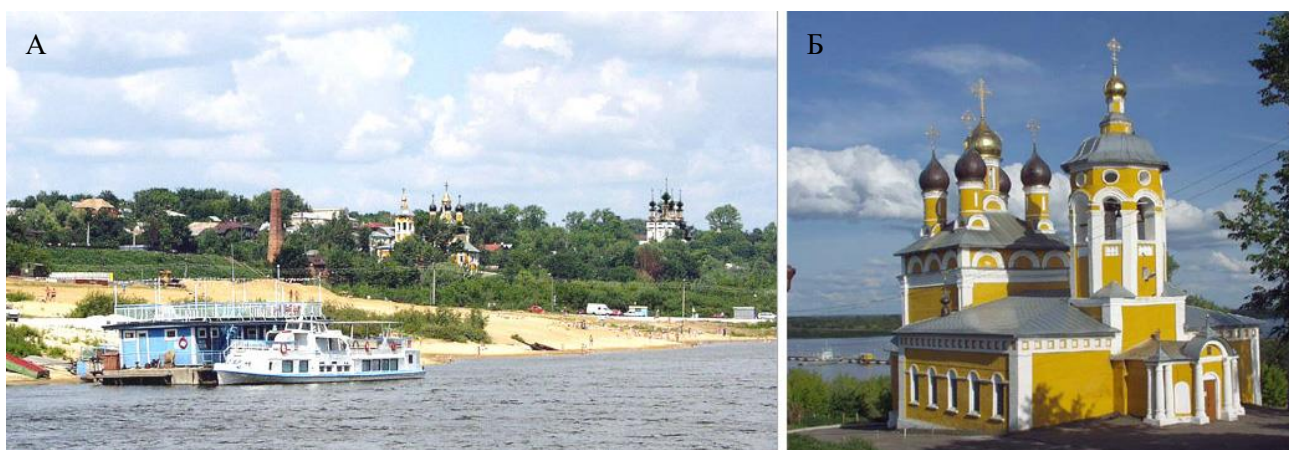

Рисунок 5.11 – Муром. Вид на город:
А – с реки Оки (в центре Николо-Набережная церковь); Б – Спасские Николо-Набережная церковь, вид с северо-запада

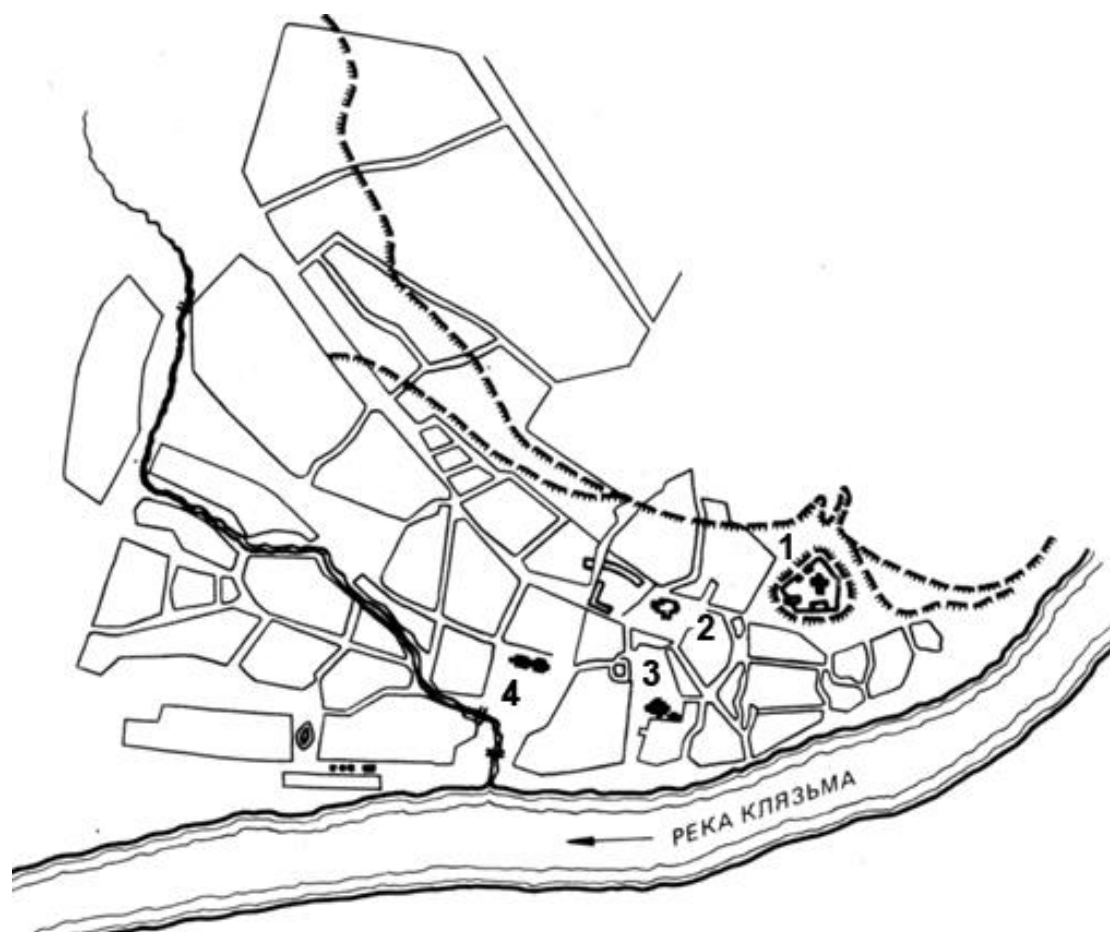

Рисунок 5.12 – Гороховец. Схема плана города до перепланировки (реконструкция Т. Н. Кудрявцевой):
 1 – Никольский монастырь; 2 – церковь Воскресения; 3 – Благовещенский собор; 4 – Сретенский монастырь

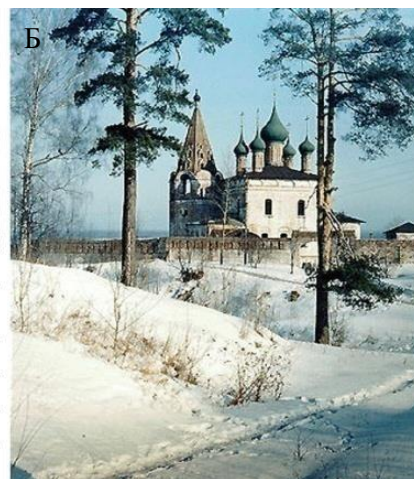

Рисунок 5.13. – Гороховец:
 А – Панорама (в центре Никольский монастырь); Б – Никольский монастырь зимой

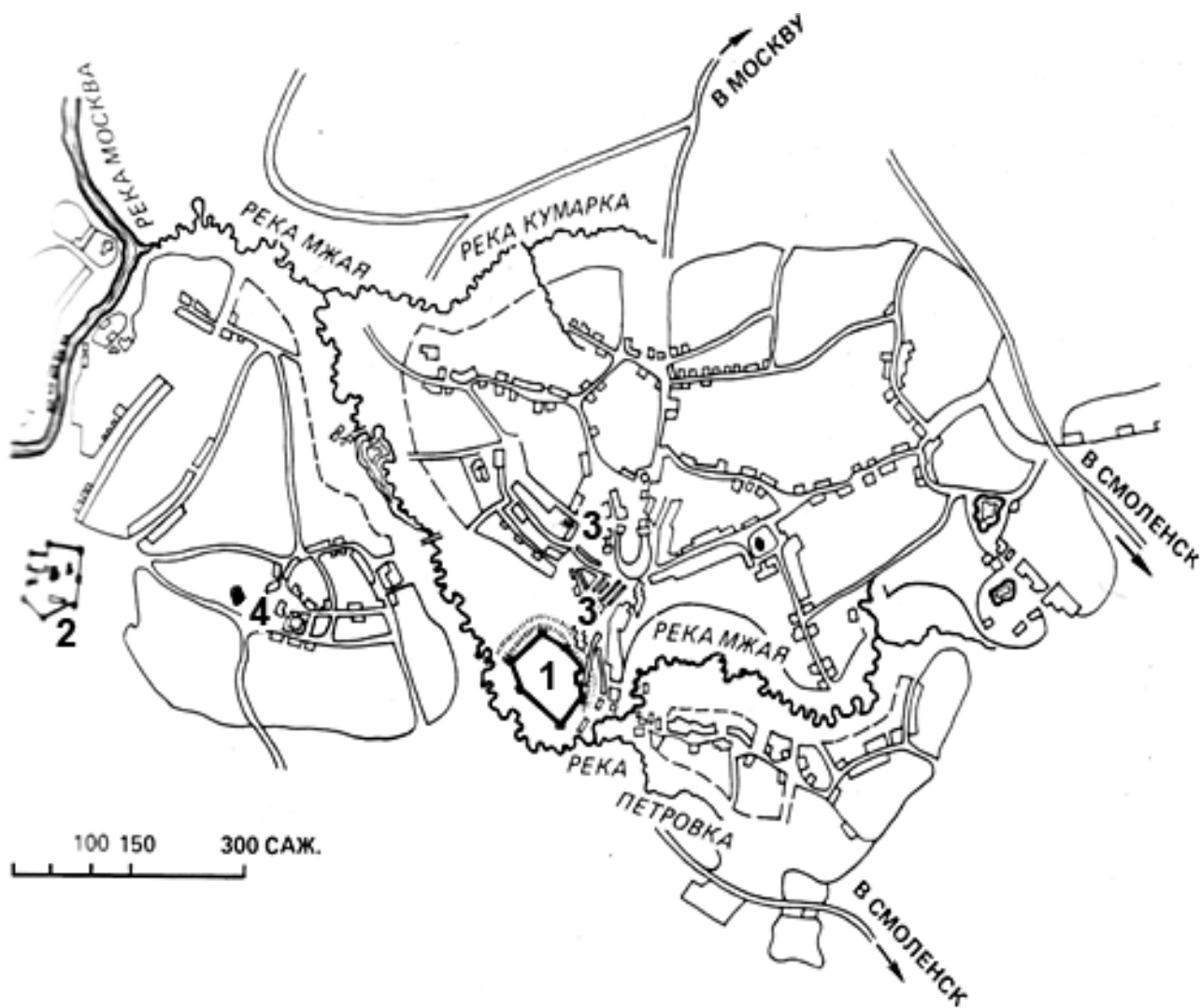

Рисунок 5.14 – Можайск. Схема плана города XVIII века (реконструкция Т. Н. Кудрявцевой):
 1 – кремль; 2 – Лужецкий монастырь; 3 – городской торг; 4 – заречный торг

Рисунок 5.15 – Вид города Можайска со стороны Московской дороги XVIII в.

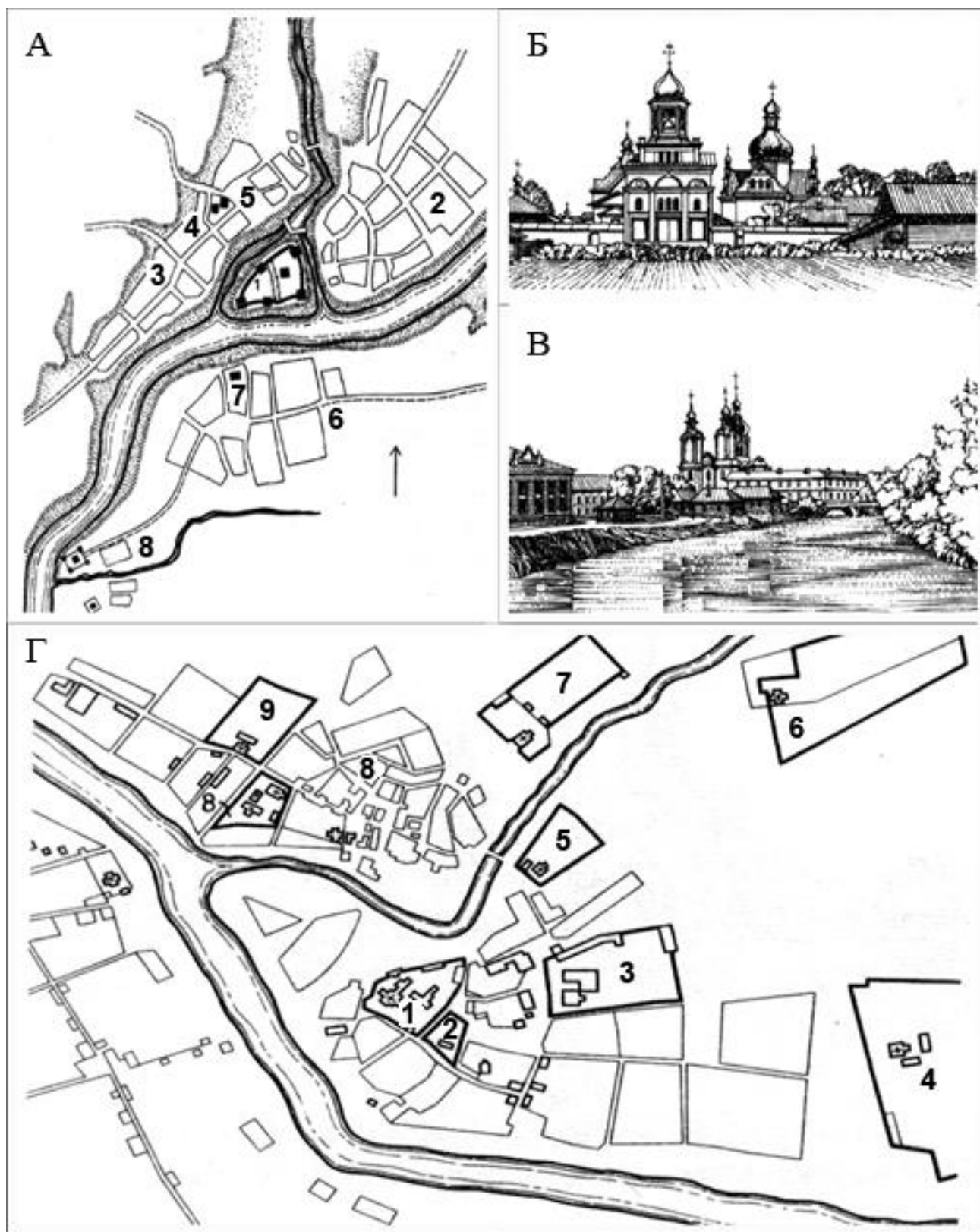

Рисунок 5.16 – Орша:

А – схема плана Орши конца XVI–начала XVII века: 1 – замок; 2 – Надднепровье; 3 – Заоршине; 4 – Воскресенская церковь; 5 – церковь Николая Чудотворца; 6 – Заднепровье; 7 – Ильинская церковь; 8 – Кутенская слобода; Б – Кутенский женский монастырь, середина XVII века; В – Покровский монастырь; Г – схема плана Орши XVIII века: 1–6, 8 – католические и униатские монастыри; 7 – Покровский мужской монастырь

Рисунок 5.17 – Города Московского государства

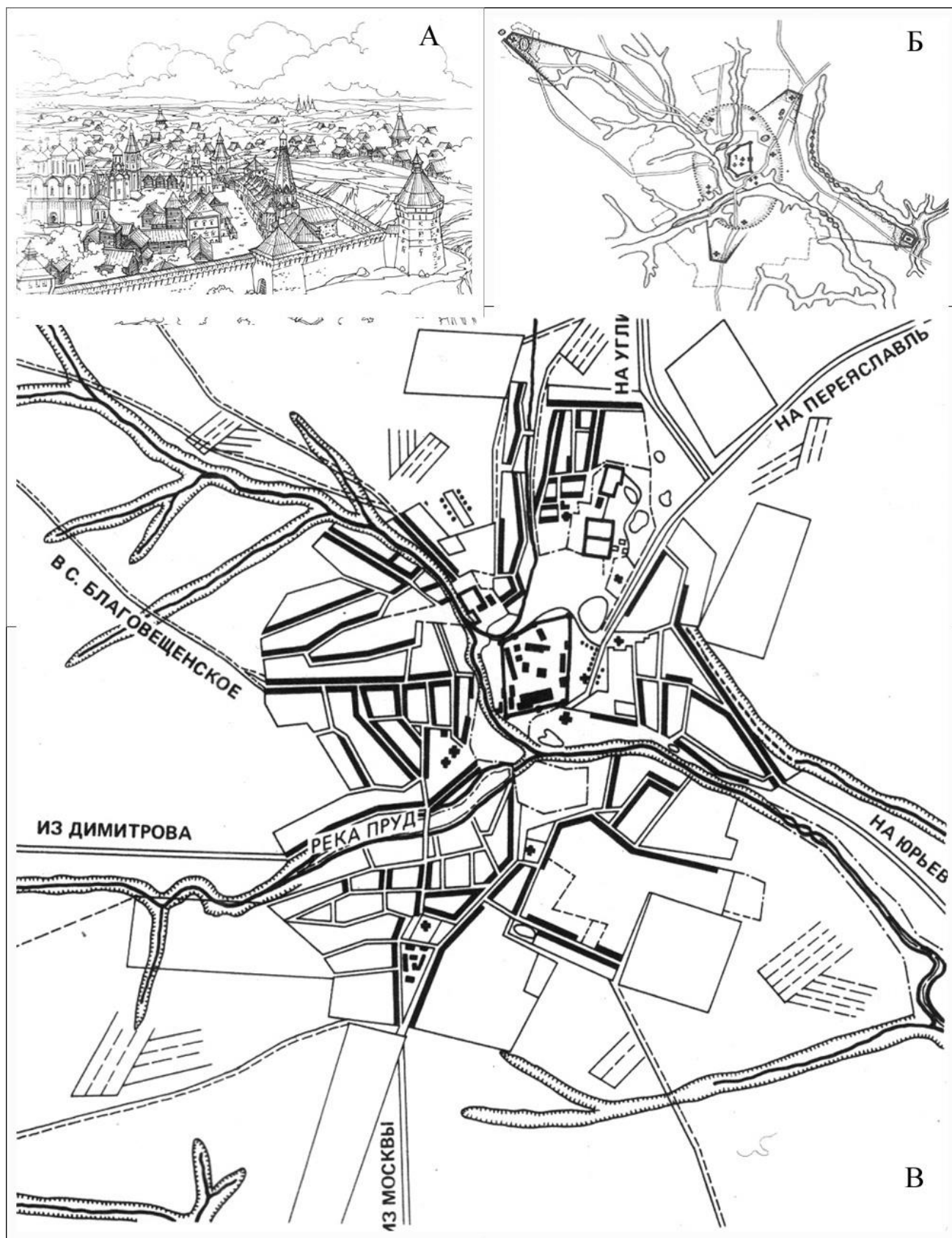

Рисунок 5.18 – Сергиев Посад:

А – вид свято Троице-Сергиевой лавры с окрестностями с северо-востока в XVII веке.
 Реконструкция О. В. Гришанчук; Б – видовые точки с основных транспортных путей;
 В – подмонастырские слободы по планам XVIII века

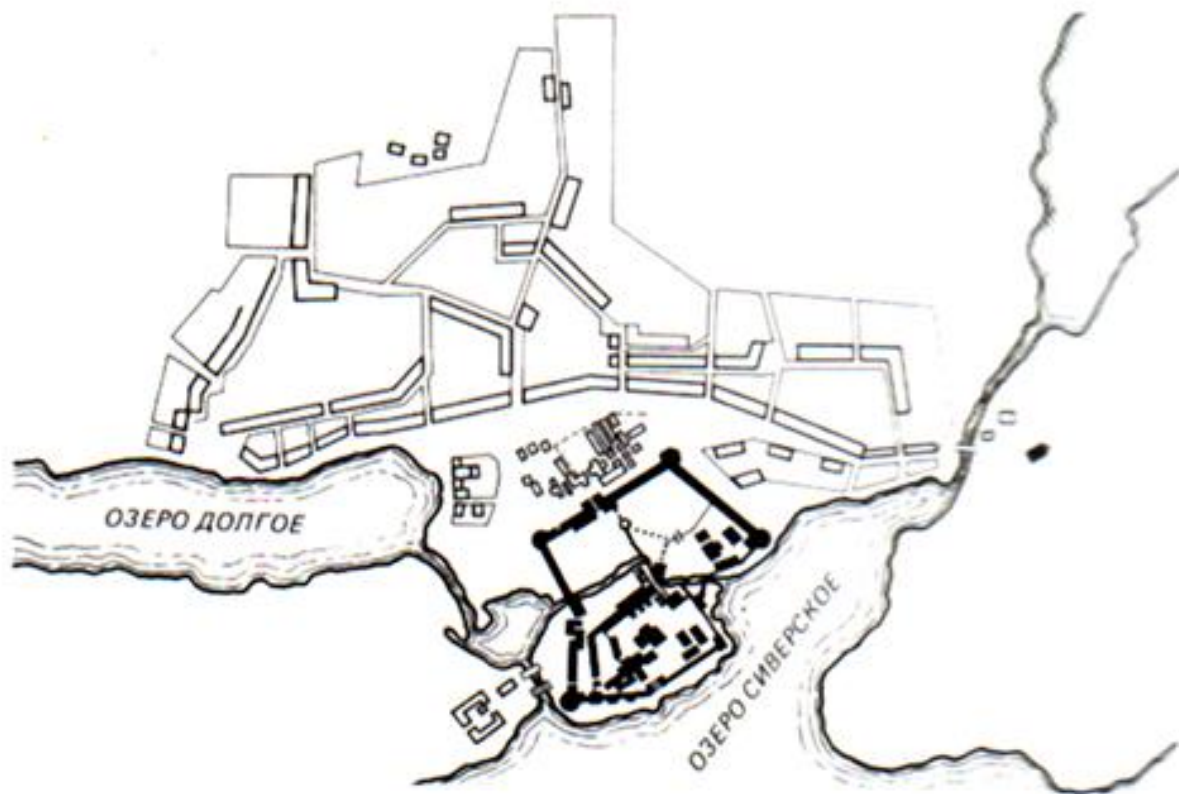
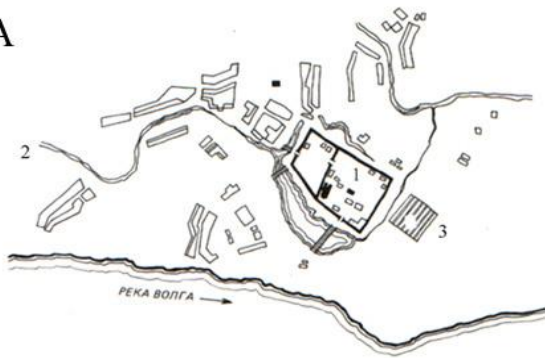

Рисунок 5.19 – Город Кириллов:

А – карта основных водных путей, дающих выход из Балтийского бассейна в Каспийский и Беломорский. Видна особая, ключевая роль положения на переволоке из Шексны в Сухону. Здесь встанет Кириллов;

Б, В – Кирилло-Белозерский монастырь; Г – план города в 1778 году

А

В

Б

Г

Д

Рисунок 5.20 – Макарьев:

А – схема плана города 1784 года: 1 – Макарьев Желтоводский монастырь; 2 – церковь Казанской Богоматери; 3 – Гостиный двор; Б – южная стена монастыря с надвратной церковью Архангела Михаила; В – восточная стена монастыря; Г – северная стена монастыря; Д – вид монастыря с юго-востока

6 ОПЫТ СОВРЕМЕННОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ ПРАВОСЛАВНЫХ МОНАСТЫРЕЙ НА ПРИМЕРЕ СВЯТО-НИКОЛЬСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ В ГОРОДЕ ГОМЕЛЕ

Беларусь – страна старинных и богатых традиций православного зодчества. Архитектура храмов несет в себе отпечаток духовного наследия нации, его неисчерпаемый талант. В начале нового тысячелетия храмы возвращают свое историческое и общественное значение, становятся настоящими центрами духовности и культуры. Поэтому и восстанавливаются старые и строятся новые храмы. Возрождаются старые и возникают новые православные монастыри. Вот и в городе Гомеле организован и развивается православный мужской монастырь. В этом разделе мы постараемся на примере его проектирования и строительства показать, как все вышесказанное находит применение в решении задач реального проектирования православного монастыря. Именно проектирования, не реконструкции или реставрации. Дело в том, что архитектурный ансамбль Свято-Никольского православного мужского монастыря в городе Гомеле проектируется и строится на основе обычного приходского храма – Свято-Николаевской церкви. В градостроительном отношении место, отведенное под строительство и развитие монастыря не самое удачное и выгодное. Однако с 1904 года на этом месте стоит церковь, построенная во имя Святителя Николая Мирликийского, и в 1994 году было принято решение об учреждении на ее основе мужского монастыря – Свято-Никольского. Стало быть, бывшая приходская Свято-Николаевская церковь становится с этого момента соборным храмом монастыря. То обстоятельство, что комплекс монастыря размещается на территории для этого непригодной, лиц, принимавших решение, явно не смутило. Они и представить себе не могли, что такое православный монастырь с 40–50 насельниками. В предыдущих разделах мы, рассматривая примеры архитектурных ансамблей православных монастырей со времени Византийской империи, называли их неотемлимые составляющие. Назовем их еще раз. Итак, комплекс православного монастыря складывается, как правило, из такого минимального набора зданий и сооружений: соборный храм или главный храм монастыря, Святые ворота с надвратной церковью, Трапезная церковь с трапезной палатой, колокольня или звонница, настоятельский корпус, братский корпус, или корпус для проживания братии, корпус для размещения экономских служб, гостиница с трапезной для паломников, крещальня, хозяйственные помещения, мастерские и гаражи. Все это обязательно должно иметь ограду. Ограду, определенным образом устроенную и восходящую к образу Града Небесного – Горнего Иерусалима. У стен монастыря должно быть достаточно места для размещения стоянок автомобилей и автобусов. Все это не было принято во внимание. А причина одна - прервана традиция. Отсутствует опыт проектирования и строительства монастырей. В силу изложенных обстоятельств в процессе проектирования Свято-Никольского монастыря в городе Гомеле проектировщикам приходится решать множество, казалось бы, неразрешимых задач.

6.1 Историческая справка

Решение о строительстве Свято-Николаевской железнодорожной церкви было принято в 1900 году. Вот как об этом событии рассказывают исторические документы: «Служащие на станции Гомель- Полесский и Либаво-Роменской железной дороги вследствие дальности от места их жительства храма Божия, движимые религиозным побуждением собрались 28 мая 1900 года и организовали Попечительство о постройке привокзального храма в Гомеле в честь святителя Николая. Попечительство на первых порах своего существования должно было проявить много энергии к изысканию средств для постройки храма». Попечительство о строительстве Свято-

Николаевской церкви постоянно искало возможности для сбора средств на строительство храма. Поэтому обратилось к начальнику Полесской железной дороги с просьбой разрешить вывесить две кружки для сбора добровольных пожертвований на станции Гомель в станционном здании и одну в мастерских при депо. Препятствий со стороны начальства Полесской железной дороги не было. Проводился сбор средств и по подписным листам. Сохранился такой подписной лист на постройку привокзальной церкви во имя Святителя Николая. Были и существенные личные пожертвования. Князь Ф. И. Паскевич подарил железнодорожной Свято-Николаевской церкви земельный участок. Процесс передачи подаренной земли был сложным и достаточно долговременным. Закончился он постановлением 31 мая 1901 года. Дарственный акт и план на подаренные под постройку князем Ф. И. Паскевичем земли были представлены на хранение в Управление железных дорог. На заседании Попечительского Совета 17 апреля 1901 года председателем совета был поставлен вопрос об избрании места для постройки храма на земле, принятой Управой Полесской железной дороги от Светлейшего князя Паскевича, для сей церкви. Постановили строить храм в центре плаца.

К февралю 1901 года было собрано 3000 рублей. Попечительство приняло решение заготовить в зимнее время на эти деньги кирпич, а с весны приступить к постройке храма. 22 октября 1900 года председатель Попечительского совета отправил письмо председателю правления общества Московско-Воронежской железной дороги с просьбой выслать в Гомель исполнительные чертежи и сметы на построенную в Конотопе церковь. В феврале 1901 года был получен ответ, в котором говорилось, что «в виду большого количества работ, связанных с составлением просимых Вами чертежей, таковые, по уведомлению г. Управляющего дорогой, будут готовы не ранее, чем через два месяца. При этом имею честь сообщить, что церковь на станции Конотоп устроена на 650 человек молящихся». Дальнейшая переписка с управлением Московско-Воронежской железной дорогой отсутствует. Сведений о том, что проектные чертежи и сметы прибыли в город Гомель, также нет. Возможность быстро получить чертежи и начать строительство была упущена, в связи с этим, а также, возможно, и по другим причинам, был выполнен собственный проект на строительство церкви. На заседании Попечительского совета, состоявшегося 23 мая 1901 года, был поставлен вопрос о том, какой должен быть храм в соответствии с желанием и возможностями. Постановили, что храм должен быть каменным с деревянным куполом. Документально установлено, что автором проекта Свято-Николаевской железнодорожной церкви в городе Гомеле является Станислав Данилович Шабуневский, бывший в 1897–1937 гг. городским архитектором Гомеля, построившим гражданские и жилые постройки, которые в настоящее время являются памятниками архитектуры. К 1902 году были подготовлены материалы, был выполнен проект, и весной началось строительство храма. 9 мая 1902 года состоялось собрание Попечительского совета. День 9 мая не случайно был выбран для освящения закладки храма, в этот день, по старому стилю, отмечался праздник – перенесение мощей святителя и чудотворца Николая из Мирликийских в Бар в 1087 году. Церковь Святого Николая в городе Гомеле была построена и освящена в 1904 году.

В конце 20-х годов XX века церковь была закрыта. «Церковью пользовались верующие железнодорожники, пока не осознали этого дурмана и в последние годы закрыли ее согласно общему собранию», так в начале 30-х годов писал начальник железнодорожной дистанции №27 в исполнительный городской комитет. Связано это письмо было с начавшейся в это время тяжбой между Наркомпросом и железной дорогой за здание церкви и принадлежащие ей земельные угодья. В конечном итоге горисполком приходит к заключению, что здание закрытой Полесской железнодорожной церкви может быть использовано под клуб имени Луначарского. В этот же период была уменьшена на два яруса колокольня, а также снят с барабана купол. Это не только исказило первоначальный вид церкви, но и лишило возможности ее созерцания с дальних точек.

В последнее время общий политический климат по отношению к религии и религиозным ценностям существенно изменился. Коренную связь народа с православной церковью не смогли разорвать тотальная 70-летняя атеистическая пропаганда и никакие исторические потрясения. Обращение к культурному национальному наследию стало характерной чертой эпохи и главной движущей силой архитектурной мысли нашего времени. В условиях возвращения к святоотеческой вере повсеместно на территории Беларуси начали восстанавливаться старые храмы. Вот и Свято-Никольскому мужскому монастырю в 2000 году решением Гомельского исполнительного городского комитета была разрешена поэтапная разработка проектной документации на реконструкцию и восстановление памятника архитектуры – Свято-Николаевской церкви и расширение монастыря.

6.2 Анализ градостроительной ситуации

Практика работы над реконструкцией Свято-Никольской церкви показала, что нужен комплексный подход к разработке проектной документации по воссозданию утраченных памятников архитектуры и строительству новых церковных сооружений. Совершенно необходимо тщательное изучение исторического наследия в этой области, обширного библиографического и иконографического материала и сохранившихся аналогов, наиболее близких к предмету проектирования. Это нужно для того, чтобы не допустить в архитектурных и инженерных решениях воссоздаваемых и вновь сооружаемых объектов Русской православной церкви элементов и материалов, характерных для культовых сооружений иных религиозных конфессий. Необходимо использовать во внешнем убранстве сооружения материалы, традиционные для данной местности и прошедшие испытания на воздействие внешней экологической среды, включая механические воздействия от современного транспорта. Необходимо при проектировании самым тщательным образом учитывать характер рельефа местности и руководствоваться в этой области опытом древнерусского и византийского зодчества. Одновременно с проектированием строительства или воссоздания церковного сооружения необходима разработка охранной зоны и самый тщательный градостроительный анализ. Такая охранный зона была разработана в 2002 году. Был также разработан проект регулирования застройки на прилегающих территориях (рисунок 6.1).

Участок, принадлежащий Свято-Николаевской церкви, расположен на углу улицы Демьяна Бедного (бывшая Никольская) и Клубного переулка (бывший Церковный переулок), а также на излучине полесской железнодорожной ветки. Участок трапециевидный в плане и имеет площадь 0,5 га. В центре участка расположено здание церкви. Местность, где расположен храм, имеет плоский рельеф. Идеальной планировкой в этой ситуации для лучшего восприятия церкви были бы три улицы-луча, отходящие от храма в сторону Полесской улицы. В таком случае можно было бы три раза видеть храм в разных ракурсах. Существующая же планировка позволяет видеть храм только при непосредственном приближении. Церковь расположена так, что зона наилучшего зрительного восприятия находится в непосредственной близости от историко-культурной ценности. Окруженная застройкой и планировочно расположенная в центре участка, она видна на расстоянии не дальше 100 метров. На окружающей территории планировочная структура и границы кварталов, сложившиеся в начале XX века, в основном, сохранились. Изменения произошли лишь на территории квартала, ограниченного улицами Полесской, Калинина, Химакова и переулком Клубным. С 30-х годов XX века эта территория разрезана продолжением Клубного переулка до пересечения с улицей Полесской на два квартала. В большинстве случаев появившаяся в конце 20 века окружающая застройка является дисгармоничной и не учитывает расположенное здесь здание церкви. Размещение рядом столь чужеродных для церкви построек как двухэтажное здание учебно-производственного комбината и построенный здесь комплекс общежития препятствует гармоничному функциональному использованию территории и нарушает масштаб исторической среды рассматриваемой территории. С западной стороны возведены два жилых девятиэтажных дома, оставивших для восприятия здания церкви с этой, западной стороны щель шириной около восьми метров. Весьма полно и со всей определенностью характеризует участок, отведенный для развития монастырского комплекса фотография, выполненная с крыши одного из жилых девятиэтажных домов, расположенных к западу от участка (рисунок 6.2). Анализ градостроительной ситуации позволил избрать схему поэтапного проектирования и строительства.

6.3 Этапы строительства монастыря

Расширение монастыря на **первом этапе** предполагается вести на собственной территории монастыря (рисунок 6.3). К моменту начала проектирования на территории монастыря размещались следующие здания и сооружения: Свято-Николаевская церковь, трапезная, братский корпус и гараж. Оценка ситуации с опорой на изученный историко-графический материал о православных монастырях позволила выработать следующую схему. На первом этапе осуществляется реконструкция Свято-Николаевской церкви с целью приведения ее в соответствие с требованиями, предъявляемыми к монастырскому собору городского монастыря и воссоздания, элементов, утраченных ею. Одновременно с реконструкцией Свято-Николаевской церкви ведется проектирование и строительство

Святых ворот с надвратной церковью, бытового корпуса и будничной звонницы. Главный вход на территорию монастырского комплекса предполагалось разместить с северной стороны с улицы Демьяна Бедного (рисунок 6.4). На месте существующего деревянного братского корпуса планируется строительство двухэтажного корпуса с мансардным этажом для проживания братии. К южному торцу трапезной пристраивается двухэтажный настоятельский корпус с домовою церковью, размещаемой в чердачном пространстве. Между бытовым корпусом и монастырским собором по оси его северного входа размещается одноэтажное здание монастырской лавки. В пространстве, ограниченном с юга монастырским собором, с севера Святыми воротами с надвратной церковью, с запада трапезной и с востока монастырской лавкой размещается монастырский сад с символической, крестообразной в плане планировкой. Таким образом, архитектурно-пространственная композиция монастырского комплекса приобрела центричность, проектируемые здания и сооружения были размещены в строгой иерархической последовательности. Застройка вдоль улицы Демьяна Бедного приобретала законченный вид, а весь комплекс зданий и сооружений – черты монастырского ансамбля.

На **втором этапе** развитие монастырского комплекса предполагается вести в восточном направлении на территории, занимаемой в настоящее время площадкой по автовождению и гаражами, принадлежащими учебно-курсовому комбинату (рисунок 6.5). В силу определенных договоренностей и соответствующих решений эта территория передается Свято-Никольскому монастырю на втором этапе. Здесь размещается второй храм монастыря – крещальный. Храм предполагается построить на высоком подклете, в котором и разместится собственно крещальня с гульбищем вокруг храма по второму этажу. Восточная сторона монастыря застраивается одноэтажным экономским корпусом, располагаемым параллельно переулку Клубному. В пространстве, ограниченном с запада Свято-Никольским собором, с востока экономским корпусом, с севера крещальным храмом и с юга учебно-курсовым комбинатом предполагается возвести водосвятную часовню. Здесь образовывается просторная площадь, способная вместить большое количество прихожан, которое бывает на праздник Крещения Господня. С возведением названных зданий и сооружений формируются основные черты пространственной организации православного монастыря: прямоугольная в плане территория, центральную часть, которой занимает монастырский собор, доминирующий над остальными зданиями и сооружениями, которые находятся в подчиненном положении по отношению к нему. К северу от монастыря размещается большая автомобильная стоянка. С ее строительством планируется благоустроить территорию между железной дорогой, монастырским комплексом и жилой зоной и фруктовым садом.

На **третьем этапе** предполагается передача всей территории, ограниченной улицей Демьяна Бедного, переулком Клубным, улицей Кропоткина и жилыми девятиэтажными домами с запада, в ведение Гомельского епархиального управления и Свято-Никольского мужского монастыря (рисунок 6.6). После передачи здания бывшего учебно-курсового комбината осуществляется его реконструкция, сопряженная с демонтажем дисгармонирующих с комплексом монастыря частей здания и возведением архиерейского корпуса. Архиерейский корпус размещается симметрично настоятельскому корпусу и окончательно завершает зонирование монастырской территории, во-первых, и, во-вторых, архиерейский и настоятельский корпуса станут своеобразными Пропилями при восприятии Свято-Никольского собора с западной стороны (рисунок 6.7).

Четвертый этап призван быть завершающим в процессе формирования пространственной композиции Свято-Никольского православного мужского монастыря. С северной стороны улицы Демьяна Бедного между комплексом общежития и автостоянкой должно осуществиться строительство цельного, квадратного в плане комплекса, включающего: гостиницу с трапезной, воскресную школу, бытовые помещения для наемных рабочих с трапезной, гараж, мастерские и т. д. После возведения названного комплекса автомобильное движение по улице Демьяна Бедного предполагается закрыть. А на участке между автостоянкой и северо-западными монастырскими воротами будет устроен сквер. Это существенно оздоровит экологическую обстановку вокруг монастыря и улучшит условия проживания в братском корпусе (рисунок 6.8). Таким образом, должно быть завершено формирование архитектурного ансамбля Свято-Никольского монастыря. В предлагаемой пространственной композиции использованы принципы веками выработанные строителями православных монастырей.

Такова кратко пересказанная канва, в которую вплетены здания и сооружения всего монастырского комплекса. От внимательного читателя не ускользнет, что весь опыт, который был приобретен авторами настоящего труда при изучении и анализе архитектурного наследия – комплексов

православных монастырей – применен при разработке проекта расширения Свято-Никольского православного монастыря в городе Гомеле. Авторами проекта проанализирована градостроительная ситуация, изучен и применен на практике символический аспект архитектурных составляющих, образующих этот комплекс. Несомненно, что при разработке проектов отдельных зданий и сооружений, авторы уделяли самое пристальное внимание фундаментальным каноническим представлениям. Но это уже тема для написания отдельного труда.

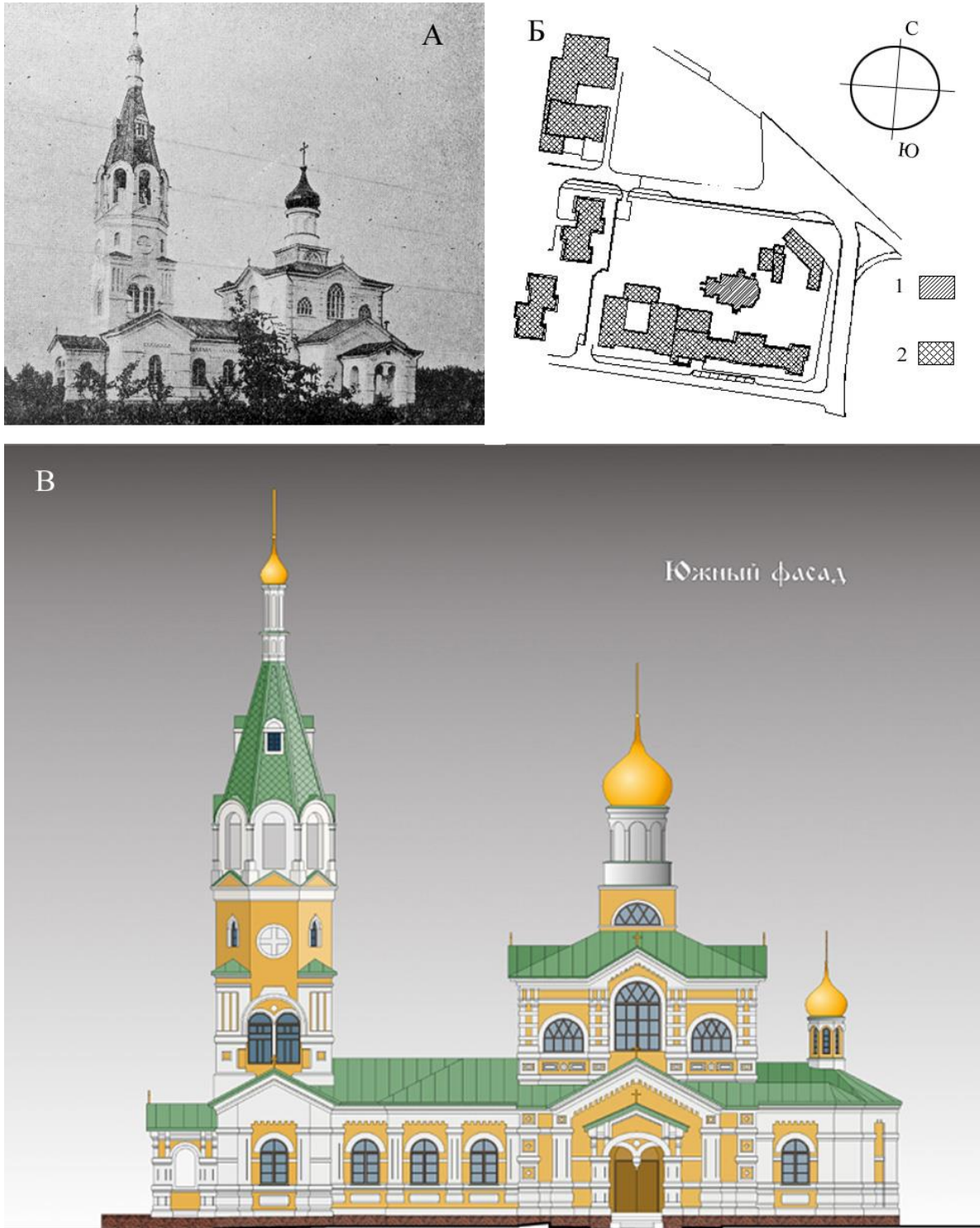

Рисунок 6.1 – Свято-Николаевская церковь:

А – фото начала XX века; Б – схема существующей застройки; В – Южный фасад;
1 – Свято-Николаевская церковь; 2 – дисгармонирующие здания и сооружения

Рисунок 6.2 – Территория Свято-Никольского монастыря:
А – вид со стороны улицы Демьяна Бедного; Б-Г – вид сверху с западной стороны; Д – вид сверху с юго-западной стороны

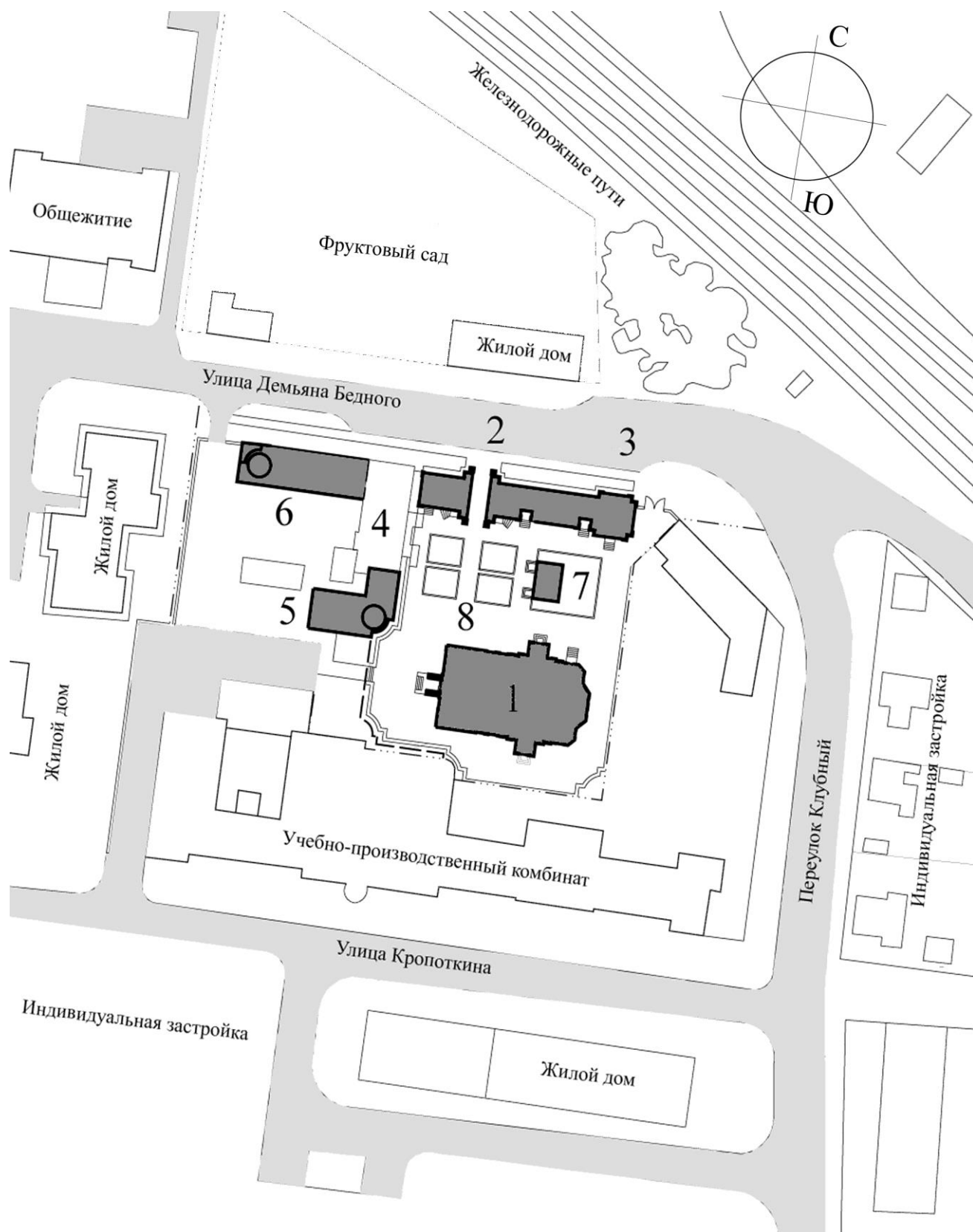

Рисунок 6.3 – Первый этап реконструкции:

1 – Свято-Никольский собор; 2 – Святые ворота; 3 – будничная звонница; 4 – трапезная; 5 – настоятельский корпус; 6 – братский корпус; 7 – монастырская лавка; 8 – монастырский сад

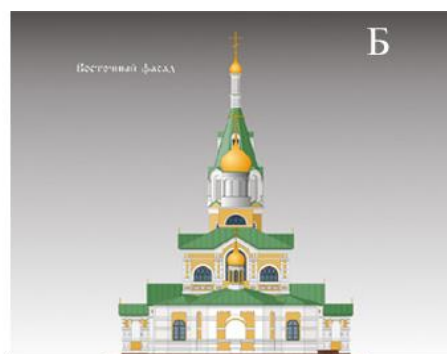
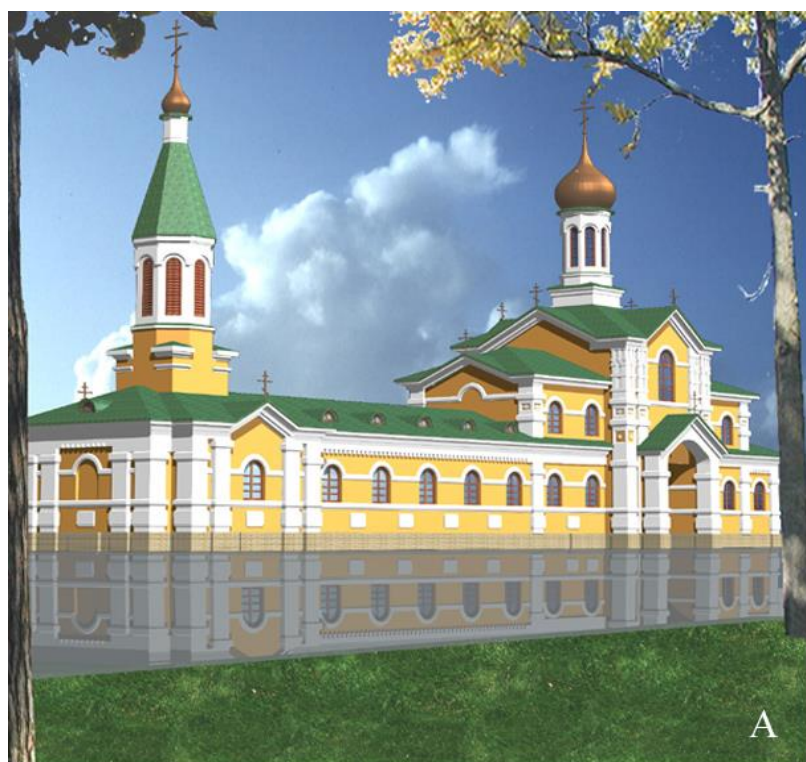

Рисунок 6.4 – Первый этап реконструкции:

А – вид на надвратную церковь и будничную звонницу с северо-востока; Б – восточный фасад Свято-Никольского собора; В – западный фасад Свято-Никольского собора; Г – вид сверху

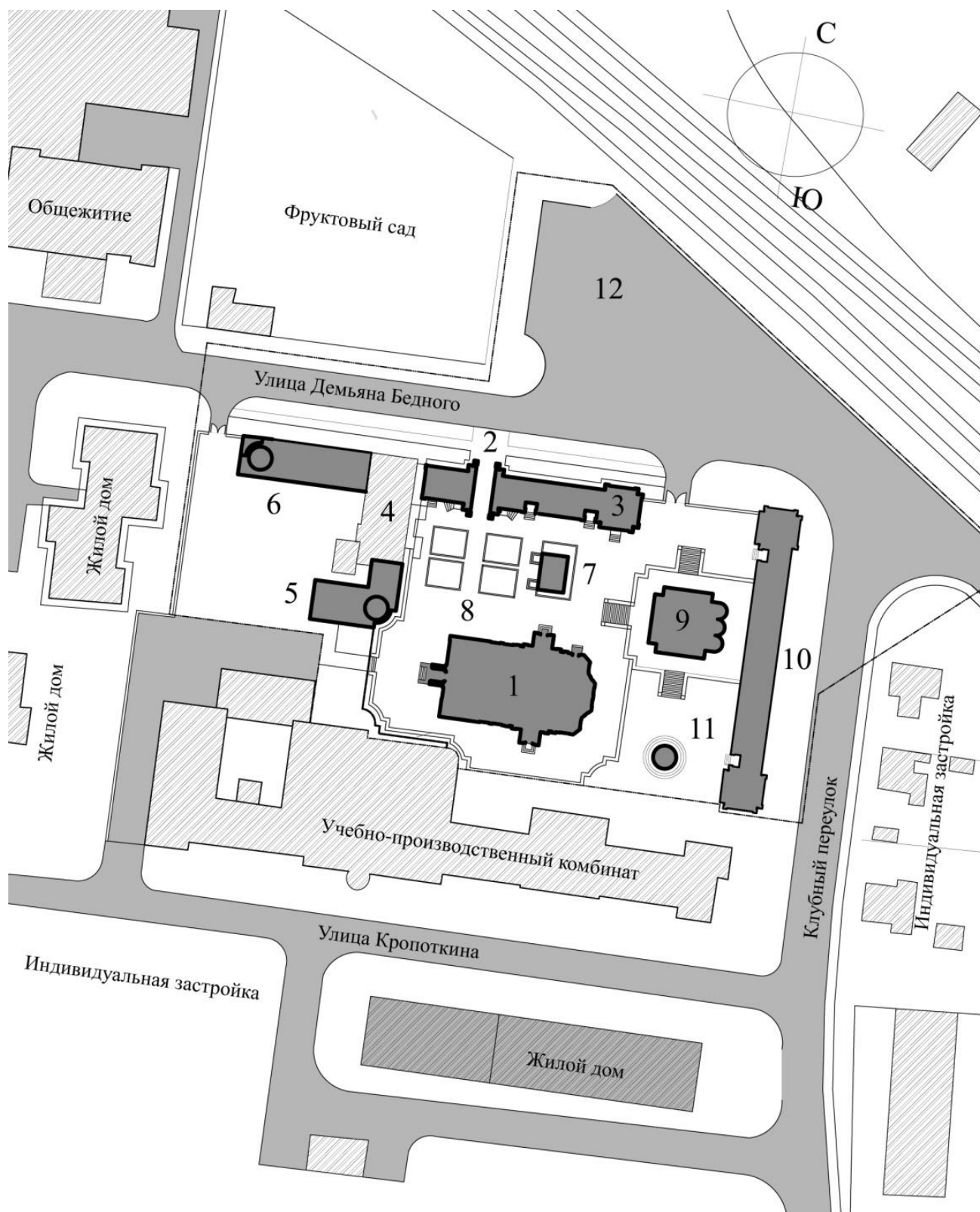

Рисунок 6.5 – Второй этап реконструкции:

- 1 – Свято-Никольский собор; 2 – Святые ворота; 3 – будничная звонница; 4 – трапезная; 5 – настоятельский корпус; 6 – братский корпус; 7 – монастырская лавка; 8 – монастырский сад; 9 – крещальный храм; 10 – экономский корпус; 11 – водосвятная часовня; 12 – автостоянка

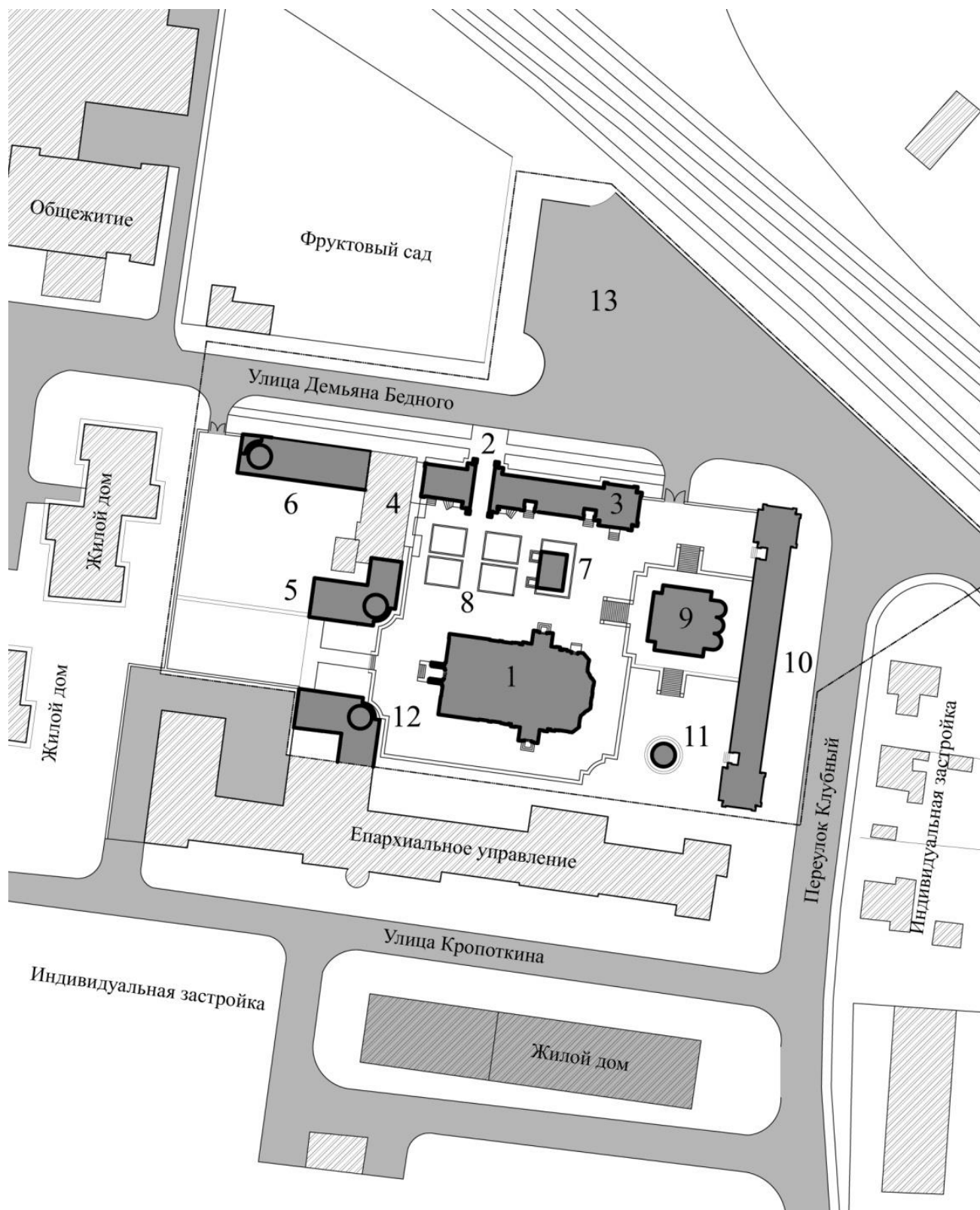

Рисунок 6.6 – Третий этап реконструкции:

- 1 – Свято-Никольский собор; 2 – Святые ворота; 3 – будничная звонница; 4 – трапезная; 5 – настоятельский корпус; 6 – братский корпус; 7 – монастырская лавка; 8 – монастырский сад; 9 – крещальный храм; 10 – экономский корпус; 11 – водосвятная часовня; 12 – архиерейский корпус; 13 – автостоянка

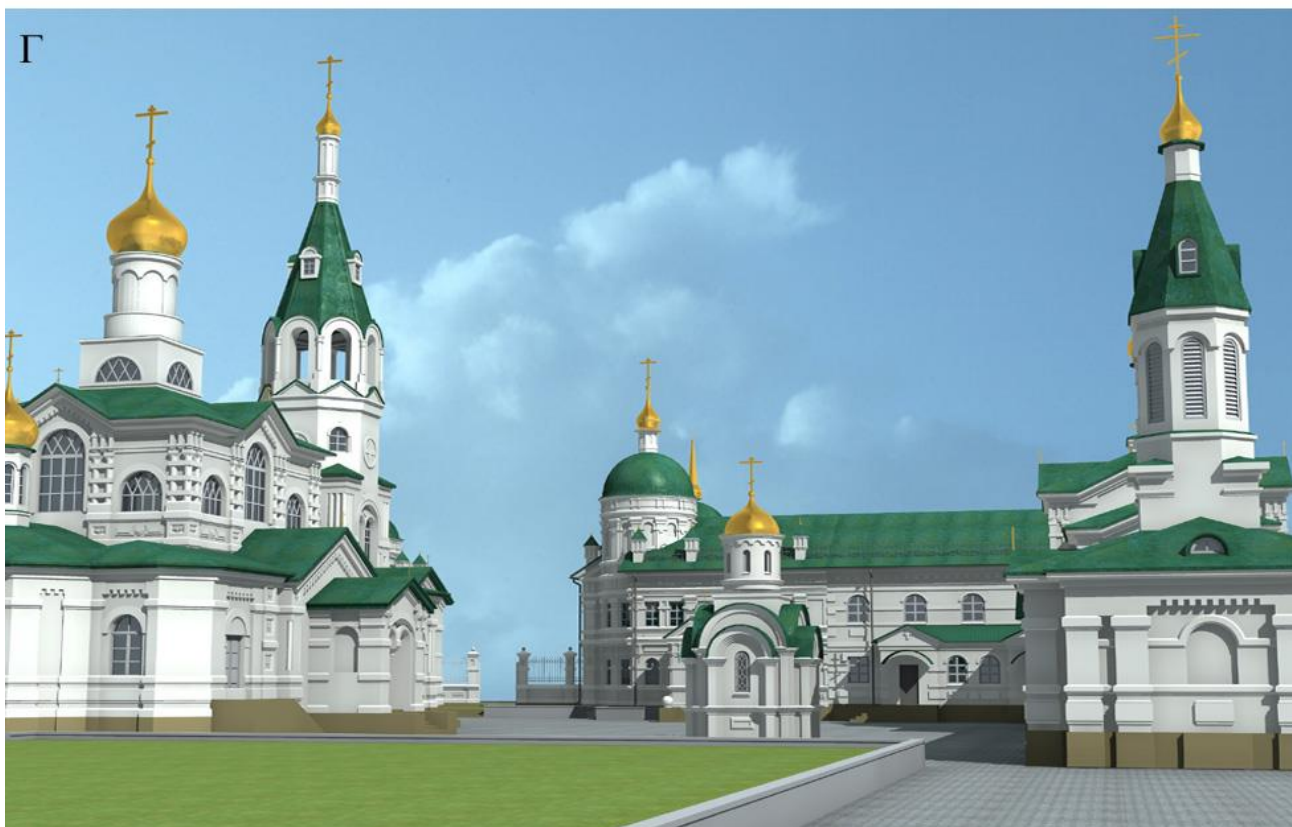
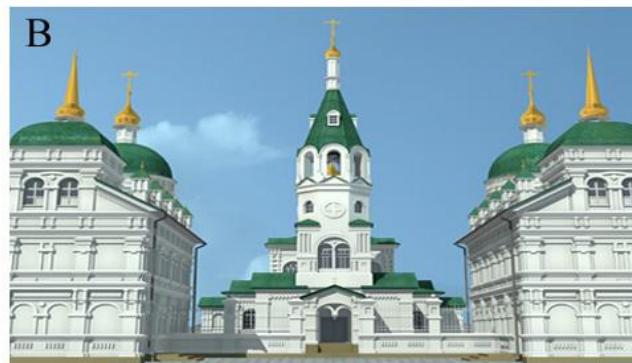
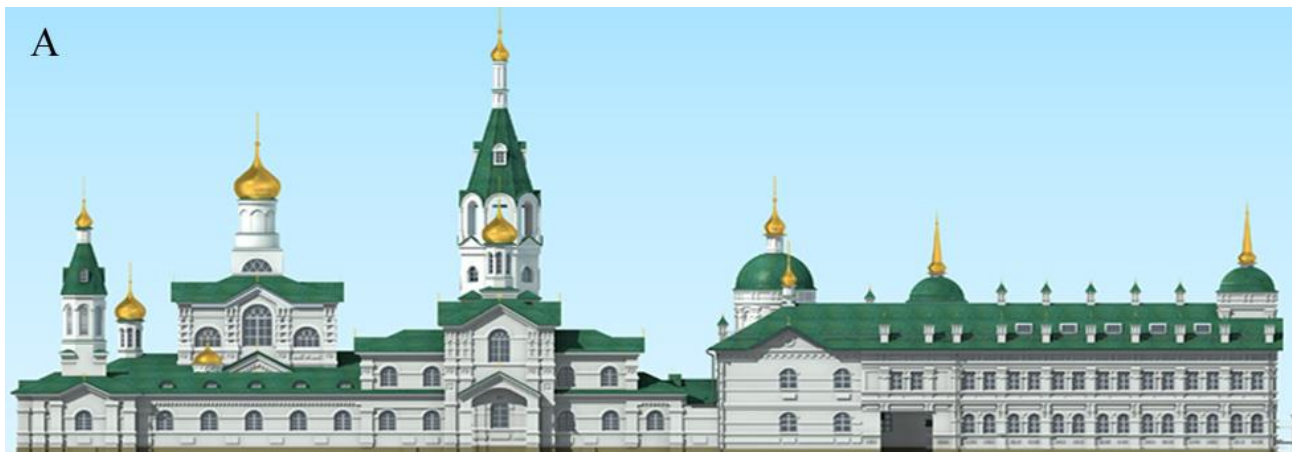

Рисунок 6.7 – Третий этап реконструкции:

А – развертка по улице Демьяна Бедного; Б – вид с северо-восточной стороны; В – Пропилеи архиерейского и настоятельского корпусов; Г – внутреннее пространство монастыря

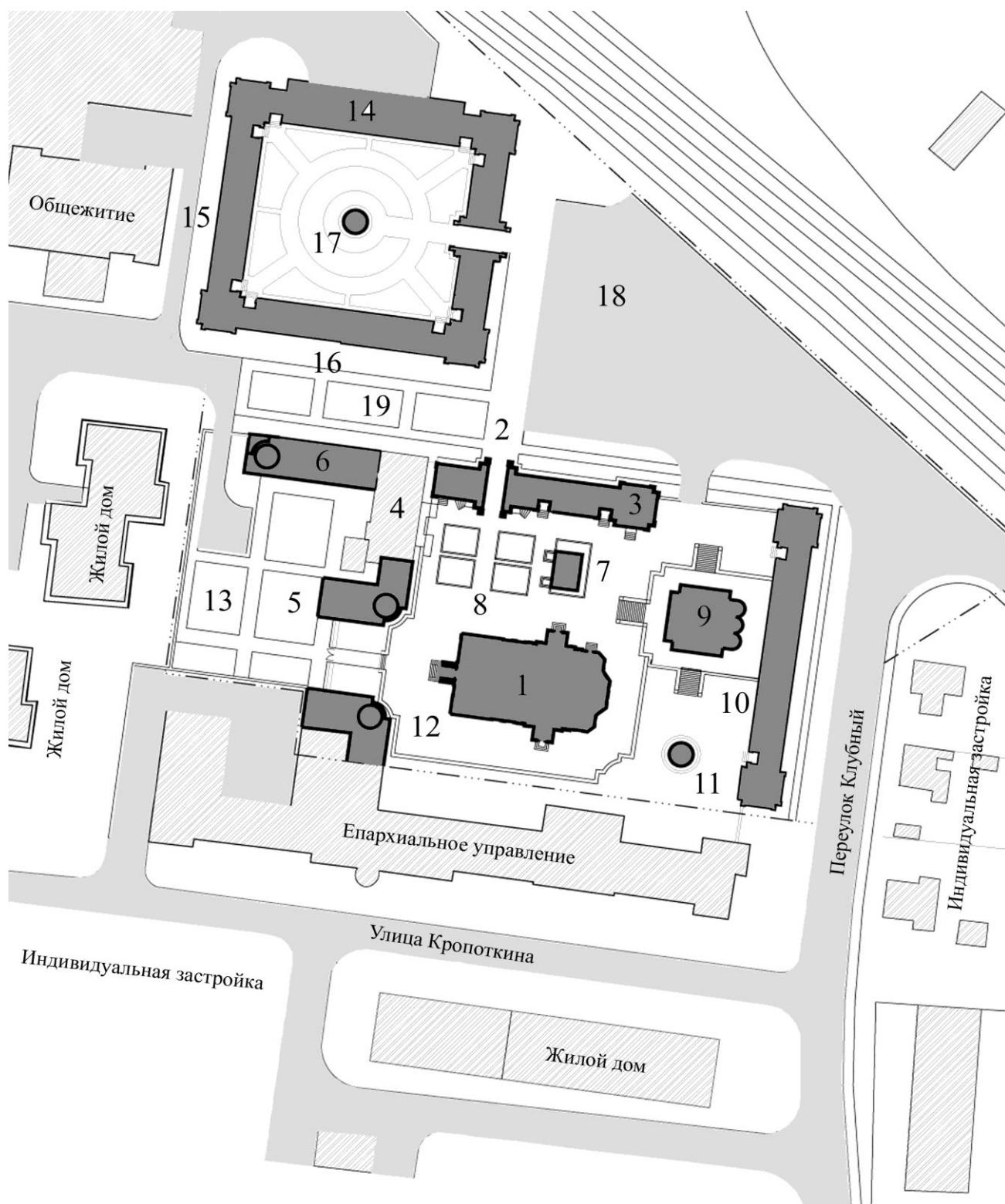

Рисунок 6.8 – Четвертый этап реконструкции:

1 – Свято-Никольский собор; 2 – Святые ворота; 3 – будничная звонница; 4 – трапезная; 5 – настоятельский корпус; 6 – братский корпус; 7 – монастырская лавка; 8 – монастырский сад; 9 – крещальный храм; 10 – экономический корпус; 11 – водосвятная часовня; 12 – архиерейский корпус; 13 – монастырский сад жилой части комплекса;

14 – гараж; 15 – гостиница; 16 – воскресная школа; 17 – часовня; 18 – автостоянка; 19 – сквер

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Архитектура есть высшее выражение человеческого умения,
достигающего божественного
Отто Вагнер

XXI век в нашей стране обозначился активным подъемом строительной отрасли. Территории городских и сельских поселений отмечены строительством новых зданий и сооружений, реконструкцией ранее возведенных жилых, общественных, производственных объектов. Произошли немалые изменения, коснувшиеся и положения с сохранением архитектурного наследия.

В настоящее время под влиянием значительных перемен в экономической, социальной и культурной сфере общества усиливается роль православной церкви и монастырей в формировании христианского воспитания и нравственности населения. Церковная архитектура вновь обретает свое назначение в формировании белорусских городов и селений. В этой связи исследование закономерностей формирования архитектуры православных монастырских ансамблей способствует определению теоретической и практической их ценности для современной реконструкции, проектирования и строительства новых монастырей, что сегодня особенно актуально для нашей страны.

После революции 1917 г. распространение атеизма в СССР привело к многочисленным утратам ценных памятников православного зодчества и длительному перерыву в строительстве храмов и монастырей. Многие церкви, монастыри, богословские школы были закрыты, перестроены, а то и вовсе разрушены. Действующих храмов остались единицы. В бывших святынях размещались культурные и общественные организации, гаражи, склады, архивы и т. п. Началом религиозного возрождения во всех белорусских поселениях принято считать 80–90 гг. XX века, когда статья Конституции о свободе совести обрела реальный смысл.

На протяжении всей истории православия монастыри выполняли важную религиозную и социально-культурную миссию (просветительства и благотворительности), являясь хранителями духовного и художественного наследия. При строительстве монастырских ансамблей создавались принципиально новые архитектурные типы и композиции, воплощавшие прогрессивные достижения конструктивной и художественной мысли. Поэтому почти каждый православный монастырь содержит характерные архитектурные композиции, которые можно использовать в реконструкции в современном строительстве. Православие, общие корни византийской культуры и общая идея монастырского комплекса как религиозного, культурного, военного и политического центров непрерывно связывают архитектуру православных монастырей России, Украины и Беларуси.

В Греции, Болгарии, Румынии, Сербии накоплен опыт рационального использования монастырей в современных социально-культурных и экономических условиях, создана инфраструктура обслуживания паломников и туристов (благоустроенные гостиницы, мотели, автостоянки), некоторые монастыри переданы полностью или частично под музеи, решен вопрос возврата монастырских земель и недвижимости их историческим хозяевам.

Сегодня аналогичный процесс возрождения монастырей является актуальным и для Беларуси, а балканский опыт приемлем для нашей практики строительства. Основная задача архитекторов, стоящая при восстановлении монастырей и новом их строительстве, заключается в сохранении специфики архитектуры белорусских ансамблей, самобытного храмового зодчества, развивающегося в течение X–XX вв. Современная жизнь выдвигает требования расширения социально-культурной роли монастырей, они снова становятся востребованными различными слоями населения, о чем свидетельствуют многочисленные паломники и туристы, устройство монастырской хозяйственной деятельности с высокой производительностью труда и, как следствие, частичное решение проблемы занятости и повышения качества жизни людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 **Белогорцев, И. Д.** Смоленско-украинские архитектурные связи / И. Д. Белогорцев: Литературный Смоленск. – Смоленск, 1954. – Кн. 13.
- 2 **Белогорцев, И. Д.** Архитектурные связи древнего Полоцка / И. Д. Белогорцев: сб. науч. тр. Белорус. политех. ин-та. – Минск, 1959. – Вып. 81.
- 3 **Беляев, Л. А.** Древние монастыри Москвы по данным археологии / Л. А. Беляев; Российская академия наук, Ин-т археологии: материалы и исследования по археологии Москвы. – М., 1994. – Т. 6.
- 4 **Бусеева-Давыдова, И. Л.** Некоторые особенности пространственной организации дренерусских монастырей / И. Л. Бусеева-Давыдова // АН. – 1986. – № 34.
- 5 **Вергунов, А. П.** Русские сады и парки / А. П. Вергунов, В. А. Горохов. – М. : Наука, 1988.
- 6 **Воронин, Н. Н.** История культуры Древней Руси / Н. Н. Воронин, М. К. Каргер. – М., 1951. – Т. 1.
- 7 **Воронин, Н. Н.** Искусство западно-русских княжеств. Смоленское княжество: История русского искусства / Н. Н. Воронин, В. Н. Лазарев. – М., 1953. – Т. 1.
- 8 **Троице-Сергиева Лавра.** Художественные памятники / под общ. ред. Н. Н. Воронина и В. В. Косточкина. – М. : Изд. «Искусство», 1968.
- 9 **Градостроительство Московского государства XVI–XVII вв.** / под общ. ред. Н. Ф. Гуляницкого. – М. : Стройиздат, 1994.
- 10 **Егорова, М. В.** Золотое кольцо / М. В. Егорова. – М. : Изд-во «Советская Россия», 1978.
- 11 **Ильин, М. А.** Монастыри Московской Руси XVI века как оборонительные сооружения / М. А. Ильин // Исторический журнал. – М., 1944. – №7–8.
- 12 **Ильин, М. А.** К истории архитектурной композиции русских монастырей XVII в / М. А. Ильин // Ежегодник ин-та истории искусств. – М., 1954.
- 13 **Ильин, М. А.** Каменная летопись Московской Руси / М. А. Ильин – М., 1966.
- 14 **Каплун, А. И.** Стиль и архитектура / А. И. Каплун. – М., 1983.
- 15 **Каргер, М. К.** Зодчество древнего Смоленска / М. К. Каргер. – Л., 1964.
- 16 **Каменные стражи.** Путеводитель по древним крепостям. – Л. : Лениздат, 1971.
- 17 **Кирпичников, А. Н.** Великая государева крепость / А. Н. Кирпичников, Н. И. Хлопин. – Л., 1972.
- 18 **Косточкин, В. В.** Древние русские крепости / В. В. Косточкин. – М., 1964.
- 19 **Косточкин, В. В.** О регулярной планировке в крепостной архитектуре Русского государства // Ежегодник ин-та истории искусств. – М., 1958.
- 20 **Лихачев, Д. С.** Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей / Д. С. Лихачев. – М., 2000.
- 21 **Лурье, В. М.** Призвание Авраама. Идея монашества и ее воплощение в Египте / В. М. Лурье. – СПб. : Алетейя, 2000. – Т. 1.
- 22 **Монгайт, А. Л.** Муром / А. Л. Монгайт. – М., 1947.
- 23 **Монастыри Русской православной церкви.** Справочник-путеводитель. – М., 2001.
- 24 **Пруцын, О.** Архитектурно-историческая среда / О. Пруцын, Б. Рымашевский, В. Борусевич. – М. : Стройиздат, 1990.
- 25 **Полевой, В. М.** Искусство Греции / В. М. Полевой. – М. : Советский художник, 1984.
- 26 **Раппопорт, П. А.** Очерки по истории русского военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. / П. А. Раппопорт. – М. : Изд-во «АН СССР», 1961.
- 27 **Спегальский, Ю. П.** Памятники культуры / Ю. П. Спегальский. – Л., 1960.
- 28 **Сербина, К. Н.** Очерки из социально-экономической истории русского города / К. Н. Сербина. – М., 1951.
- 29 **Старые русские города.** Справочник-путеводитель. – 2-е изд. – М. : Изд-во «Искусство», 1980.
- 30 **Шильниковская, В. П.** Великий Устюг / В. П. Шильниковская. – 2-е изд. – М. : Стройиздат, 1987.